

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

32101 049838251

Д. Я. Самокурасов

Д. Я. Самокурасовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО

ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Средства познанія системы русскаго права языческой эпохи..

35

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИСНЕРА И Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздыж. пер., д. Лиснера.
1896.

ECAP

KM

.526

vyp. 2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Эпоха племенныхъ государствъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Источники знанія системы славянорусскаго права языческой эпохи.

Общіе источники.

	<i>Стран.</i>
Глава I. Классификація источниковъ. Русскія лѣтописи. Происхожденіе, составъ содержанія и значеніе въ исторіи русскаго права	
Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода	1
Глава II. Сказанія иноземныхъ писателей. Домашняя и иноземная номенклатура славяноруссовъ эпохи племенныхъ государствъ.	
Генетическое отношеніе славяноруссовъ къ скивамъ	13
Глава III. Методъ научной разработки лѣтописныхъ матеріаловъ. Литературныя воззрѣнія по этому вопросу. Требованія научной критики лѣтописныхъ сказаній	33
Глава IV. Памятники вещественные. Археологическія изслѣдованія и ихъ результаты. Городища. Могилы. Славянорусскія могилы. Имущественныеклады. Значеніе вещественныхъ памятниковъ для историка-юриста	44
Глава V. Слѣды языческаго права славяноруссовъ въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени. Общеславянская терминологія. Выводы сравнительной социологіи и этнологіи	60

Спеціальные источники.

Глава VI. Происхожденіе и содержаніе договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами	71
Глава VII. Подлинность договоровъ славяноруссовъ съ греками X-го вѣка. Мнимыя доказательства неподлинности договоровъ. Языкъ договоровъ и связь ихъ содержанія	84
Глава VIII. Народность права договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами и значеніе ихъ въ исторіи русскаго права	95

1133 84-59270-1

ДОПОЛНЕНИЯ.

Стран.

1. Литературныя воззрѣнія по вопросу о происхожденіи Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода	106
2. Примѣры лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ IX вѣка, не вошедшихъ въ Несторовъ лѣтописный сводъ	108
3. Доказательства существованія письменности у славяноруссовъ до князя Владимира Святославича	108
4. Лѣтописныя указанія на сводный и критическій характеръ лѣтописной работы Нестора	110
5. Примѣры языка лѣтописныхъ записей IX и X столѣтій и языка разсказовъ Нестора	110
6. Мнѣніе историка Костомарова о существованіи на Руси IX и X столѣтій безгодныхъ историческихъ повѣстей или разсказовъ	111
7. Примѣры позднѣйшихъ вставокъ въ лѣтописный сводъ Нестора	112
8. Содержаніе хронологической таблицы Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода	113
9. Лѣтописныя извѣстія, взятые Несторомъ изъ лѣтописныхъ записокъ новгородскаго и кіевскаго княжескихъ дворовъ IX и X столѣтій	113
10. Лѣтописи и лѣтописные своды удѣльныхъ государствъ и московскаго государства	114
11. Ученія школь Татищева, Шлёцера и Шафарика по вопросу объ иноземной номенклатурѣ древнихъ славянскихъ народовъ	117
12. Свидѣтельства Нестора о домашней номенклатурѣ славянорусскихъ племенъ и его доказательства о происхожденіи ихъ отъ одного славянскаго народа	121
13. Свидѣтельство Нестора о первомъ появленіи въ исторіи имени „русь“ и ученіе Шлёцера по поводу этого свидѣтельства	123
14. Указатель иноземныхъ источниковъ, говорящихъ о руссахъ и россахъ	124
15. Указатель иноземныхъ источниковъ, говорящихъ о славянахъ и антахъ	125
16. Замѣтка о свидѣтельствахъ Иорнанда, относящихся къ гетамъ, готамъ, винидамъ, славянамъ и антамъ	125
17. Сопоставленіе свидѣтельствъ Иорнанда, Тацита, Плинія Старшаго и Страбона, указывающее на родство славянъ со скинами эпохи Рождества Христова	127
18. Скиское корнесловіе индо-европейскаго происхожденія	129
19. Славянская наружность скиновъ по археологическимъ и краінологическимъ даннымъ	130
20. Сказочный характеръ лѣтописнаго сказанія объ osobной жизни полянъ до построенія Кіева	132
21. Содержаніе могилы Куль-Оба въ окрестностяхъ Керчи и публикація послѣдующихъ археологическихъ раскопокъ въ предѣлахъ древней Скиѣи и Сарматіи	133
22. Теоріи богослужебнаго значенія городищъ и бесполезности могилъ для исторіи славянскихъ народовъ	134
23. Публикація результатовъ археологическихъ раскопокъ въ предѣлахъ земли славянорусскихъ племенъ	135
24. Мнѣнія археологовъ Кеппена, Калайдовича, Вадима Пассека и графа А. С. Уварова объ историческомъ значеніи городищъ	136

	<i>Стран.</i>
25. Городища, сопровождаемыя языческими владбищами	136
26. Содержаніе городищъ разныхъ историческихъ эпохъ	137
27. Содержаніе черниговскихъ кургановъ съ кострищами	139
28. Содержаніе съверянскихъ кургановъ съ костями	140
29. Примѣры владовъ разныхъ историческихъ эпохъ	141
30. Примѣры свидѣтельствъ христіанскаго времени, указывающихъ на языческіе обычаи славяноруссовъ	142
31. Схема Шлейхера о происхожденіи индо-европейскихъ народовъ	143
32. Выраженіе понятій матери и отца въ индо-европейскихъ язы- кахъ и культурное состояніе индо-европейскаго пранарода по выво- дамъ сравнительнаго языковнана	144
33. Литературныя мнѣнія о приложимости сравненія къ научной разработкѣ Русской исторіи и исторіи русскаго права	145
34. Примѣры приложенія выводовъ сравнительной социологіи и этнологіи къ вопросамъ исторіи русскаго права	146
35. Литература договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка	147
36. Археологическіе факты давнихъ сношеній народовъ славяно- русской семьи съ Византійей	148
37. Свидѣтельства византійскихъ источниковъ о нашествіи на Кон- стантинополь скивовъ-россовъ при императорѣ Михаилѣ III	149
38. Свидѣтельства источниковъ о нашествіи на Константинополь и крещеніи Руси при императорѣ Васильѣ Македонянинѣ	150
39. Свидѣтельства византійской лѣтописи о договорахъ руссовъ съ греками X-го вѣка	150
40. Свидѣтельство русской лѣтописи о происхожденіи и содержаніи договора съ греками 907 года	151
41 и 42. Свидѣтельства русской лѣтописи о происхожденіи и со- держаніи договора съ греками 911 года	153
43. Свидѣтельства о неудачномъ походѣ русскаго князя Игоря на грековъ	156
44. Лѣтописное вступленіе къ изложенію содержанія договора Игоря съ греками 945 года	157
45. Исторія и содержаніе договора князя Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ по византійской лѣтописи	158
46. Содержаніе договора съ греками 971 года по русской лѣто- писи	163
47—48. Разсужденія Шлёцера о россахъ, осадившихъ Констан- тинополь при Михаилѣ III, о русскихъ историкахъ XVIII столѣтія и византійской хронологіи	164
49. Ученіе Круга, Карамзина и Эверса о содержаніи договоровъ руссовъ съ греками	166
50. Возраженія г. Владимірскаго-Буданова противъ теоріи г. Сер- гѣевича о грецизмѣ права договоровъ руссовъ съ греками	169

ПЕРЮДЪ ПЕРВЫЙ.

ЭПОХА ПЛЕМЕННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Источники знанія системы славянорусскаго права языческой эпохи.

ГЛАВА I.

Классификація источниковъ. Русскія лѣтописи. Происхожденіе, составъ содержанія и значеніе въ исторіи русскаго права. Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода.

Источники знанія системы славянорусскаго права языческой эпохи сводятся къ двумъ группамъ: источники *общіе и спеціальныя*.

Первую группу составляютъ средства познанія всѣхъ сторонъ языческаго славянорусскаго быта, а между ними и условій политико-юридической жизни. Сюда принадлежатъ:

I. Литературныя памятники, — всякаго рода сочиненія древнихъ писателей, оставившихъ письменныя указанія на условія политико-юридической жизни нашихъ предковъ въ эпоху племенныхъ государствъ.

II. Вещественныя памятники: имущественные клады, городища, могилы, предметы культа, орудія добыванія средствъ питанія, вооруженія, оружіе, одежда, орнамента костюма и всякаго рода вещественные предметы, составлявшіе обстановку домашней и общественной жизни нашихъ предковъ.

III. Архаическія слѣды, или остатки языческаго быта нашихъ предковъ въ законодательствѣ и обычномъ правѣ русскаго народа христіанской эпохи, наблюдаемые и въ настоящее время особенно въ области народныхъ вѣрованій, погребальныхъ обрядовъ и семейныхъ обычаевъ.

IV. Общеславянская терминологія, относящаяся къ предметамъ и понятіямъ, опредѣляющимъ условія политико-юридической жизни древнихъ славянскихъ народовъ.

V. Выводы сравнительной социологии и этнологии, поясняющіе значеніе и дополняющіе знаніе политико-юридическихъ институтовъ, неполно или неясно выражающихся въ памятникахъ исторіи славянорусскаго права.

Вторую группу источниковъ знанія системы славянорусскаго права языческой эпохи составляютъ памятники спеціально юридическаго содержанія. Сюда принадлежатъ *договоры славяноруссовъ съ греками X вѣка*, сохранившіеся въ древнѣйшемъ кievскомъ сводѣ русскихъ лѣтописей.

А. Общiе источники.

І. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ.

Литературныя средства познанія исторіи русскаго права эпохи племенныхъ государствъ сводятся къ двумъ отдѣламъ: первый отдѣлъ составляютъ памятники древнерусской письменности, между которыми особенную важность для историка-юриста имѣютъ русскія лѣтописи; второй отдѣлъ составляютъ сочиненія древнихъ иноземныхъ писателей, оставившихъ свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ народовъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Россіи до времени рецепціи христіанства славянорусскими племенами.

1. Русскія лѣтописи. Начальный русскій лѣтописный сводъ.

Лѣтописью называется погодное описаніе всякаго рода событій. Въ древней Руси такихъ описаній было много. По содержанію лѣтописи дѣлятся на два главные вида: лѣтописи *церковныя и государственныя*. Церковныя лѣтописи были ведены при церквахъ и монастыряхъ и заключали въ себѣ погодное описаніе событій, касавшихся русской церкви вообще и въ частности тѣхъ церквей и монастырей, при которыхъ велись лѣтописи*). Государственныя лѣтописи были ведены при княжескихъ дворахъ и заключали въ себѣ погодное описаніе событій русской исторіи и въ частности того княжества, гдѣ

---

*) Игуменъ Германъ „служилъ того дни на Лисьи горѣ обидню и смотрилъ въ монастыри книги лѣтописца церковнаго, а сказывали, что лѣтописецъ Лисицкой добри сполна...“ П. С. Р. Л., III, стр. 169.

велась лѣтопись. Историческія событія записывались въ лѣтописи по распоряженію князей и не только для простаго любопытства, но и для практическихъ цѣлей*). Съ теченіемъ времени изъ лѣтописей отдѣльныхъ княженій составлялись лѣтописные своды. Къ числу сводовъ принадлежитъ и древнѣйшій изъ сохранившихся русскихъ лѣтописныхъ памятниковъ, называемый въ литературѣ Начальною русскою лѣтописью, Лѣтописью Нестора, Лѣтописью Сильвестра, Начальнымъ русскимъ лѣтописнымъ сводомъ и Несторово-Сильвестровымъ лѣтописнымъ сводомъ**).

Въ лѣтописномъ сводѣ, извѣстномъ въ литературѣ подъ именемъ „Якимовской лѣтописи“***), и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ эпохи удѣльныхъ государствъ и московскаго государства встрѣчаются точно датированныя историческія извѣстія, относящіяся къ IX и X столѣтіямъ, *неизвѣстныя* древнѣйшему кіевскому или *Несторово-Сильвестрову лѣтописному своду*****). Происхожденіе такихъ извѣстій въ лѣтописныхъ сводахъ эпохи удѣльныхъ государствъ и государства московскаго возможно объяснить только тѣмъ, что *уже въ IX и X столѣтіяхъ были ведены въ Россіи лѣтописныя записки*, заключавшія въ себѣ перечень важнѣйшихъ событій новгородскаго и кіевскаго княжескихъ дворовъ. Составитель перваго кіевскаго лѣтописнаго свода не вполнѣ

---

*) Въ 1289 году князь Мстиславъ Волинскій приказалъ лѣтописцу записать въ лѣтопись крамолу города Берестья. Въ Никоновской лѣтописи говорится: „первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившася... написовати“. Въ междоусобныхъ спорахъ за удѣлы князья опирались „на лѣтописцы и старые списки“. См. Н. Костомарова, Лекціи по русской исторіи. Изд. 1861 г., стр. 21—25.

***) См. приложение № 1.

****) Отрывокъ „Якимовской лѣтописи“ сохранился только въ „Рос. Ист.“ Татищева. Изд. 1768 года, т. I, стр. 29—42. О древности и подлинности этой лѣтописи см. изслѣдованіе П. А. Лавровскаго: Ученыя Записки II-го отд. Имп. Акад. Наукъ. 1856 г., кн. II, вып. I, стр. 77—160. По выводамъ автора, заподозрѣнная Шлѣцеромъ „Якимовская лѣтопись не противорѣчитъ нисколько общему ходу событій въ первое время государства русскаго, предлагая притомъ не мало извѣстій, хотя не находящихся въ Несторовой лѣтописи, но оправдываемыхъ другими историческими источниками, достовѣрность которыхъ отвергнуть такъ же трудно, какъ и лѣтопись самого Нестора... Авторъ лѣтописи Якимовской несомнѣнно былъ близокъ къ описанной имъ эпохѣ, и если самъ не былъ современникомъ крещенія новгородцевъ, то зналъ о немъ отъ лицъ, бывшихъ тамъ или слышавшихъ отъ очевидцевъ“ (стр. 97, 98, 158, 159).

*****) См. приложение № 2.

воспользовался существовавшими до него лѣтописными матеріалами, и лѣтописныя извѣстія IX и X вѣковъ, опущенныя древнѣйшимъ кіевскимъ лѣтописнымъ сводчикомъ, были занесены позже въ лѣтописные своды удѣльныхъ государствъ, а оттуда перешли въ своды Московскаго государства.

Изучая содержаніе древнѣйшаго кіевскаго лѣтописнаго свода, мы находимъ, что въ немъ *хронологія событій въ русской землѣ начинается съ 859 года*, подъ которымъ говорится: „въ лѣто 6367 имаху дань варязи изъ заморья на чюди, и на словѣнехъ, на мери, и на всѣхъ кривичѣхъ; а козари имаху на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“*). Далѣе слѣдуетъ въ сводѣ послѣдовательная хронологія, при чемъ подъ нѣкоторыми годами не значится никакихъ событій**); подъ другими годами помѣщаются болѣе или менѣе обстоятельныя историческія рассказы***); подъ остальными годами помѣщаются краткія извѣстія, относящіяся преимущественно къ исторіи княжескаго двора: о рожденіи и смерти князей, о княжескихъ завоеваніяхъ, о размѣрахъ даней, наложенныхъ князьями на покоренные народы, о небесныхъ явленіяхъ и пр.****).

Откуда же составитель перваго кіевскаго лѣтописнаго свода черпнулъ хронологическія свѣдѣнія о событіяхъ времени Рюрика, Аскольда и Дира, Олега и Игоря, — о событіяхъ, *отдѣленныхъ двумя и двумя съ половиною столѣтіями отъ времени жизни Нестора? Такихъ событій, точно датируемыхъ въ лѣтописи, народная память сохранила не могла*. Описывая обстоятельства крещенія князя Владимира Равноапостольнаго въ Корсунѣ, лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „се же несвѣдущіе право глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ; ини же рѣша — Василеви; друзи же инако скажутъ“†); слѣдовательно, въ

*) П. С. Р. Л., I, стр. 8.

***) См. напр. годы: 6368, 6369, 6371, 6372, 6373 и др. Тамъ же, стр. 8—10.

****) См. тамъ же, годы: 862, 866, 882, 907 и др.

†) Напр. подъ 879 годомъ: „умершю Рюрикови, предасть вняженъе свое Олгови, отъ рода ему суца, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми“. Подъ 883 годомъ: „поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ и, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ“. Подъ 884 годомъ: „иде Олегъ на сѣверяны, и побѣди сѣверяны, и возложи нанъ дань легку, и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противень, а вамъ нечему“. И т. д. Тамъ же, стр. 9, 10, 12 и др.

†) Тамъ же, стр. 8.

теченіе только ста лѣтъ народная память позабыла обстоятельства важнѣйшаго событія своего времени. Тѣмъ болѣе народное преданіе не могло сохранить хронологіи множества сравнительно мелкихъ событий IX и X столѣтій: размѣры даней, рѣчи князей, годы ихъ рожденія и смерти, годы явленія кометъ и т. д. Слѣдовательно, и содержаніе перваго кіевскаго лѣтописнаго свода приводитъ къ необходимости признанія существованія на Руси *лѣтописи княжескаго двора уже въ то время, съ котораго начинается хронологія въ Несторовомъ сводѣ**).

Такимъ образомъ существованіе на Руси во второй половинѣ IX вѣка и въ X столѣтіи лѣтописи кіевскаго княжескаго двора представляется намъ не подлежащимъ сомнѣнію. Но русская лѣтопись этого времени не сохранилась въ подлинникѣ, а вошла въ составъ содержанія перваго кіевскаго лѣтописнаго свода и дошла до насъ черезъ его посредство. Отсюда, задача науки нашего времени состоитъ въ изысканіи средствъ, посредствомъ которыхъ было бы возможно отдѣлать въ содержаніи сохранившагося до насъ древнѣйшаго кіевскаго лѣтописнаго свода лѣтописныя извѣстія языческаго происхожденія, составленныя современниками событий въ IX и X столѣтіяхъ, отъ лѣтописныхъ сказаній христіанскаго времени, составленныхъ позднѣйшими лѣтописными сводчиками. Для рѣшенія этого вопроса всего прежде необходимо отвѣтить на вопросы: когда, кѣмъ и съ какою цѣлью былъ составленъ первый кіевскій лѣтописный сводъ?

Со времени крещенія Руси при Владимирѣ Святославичѣ (988 г.) русскіе князья знакомятся ближе съ греческою литературою. Любовью къ литературѣ особенно отличался Ярославъ Владимировичъ, о которомъ въ первомъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ говорится слѣдующее: „книгамъ прилежа и почитая е часто, въ ноци и въ дне, и собра писцѣ многи, и прекладаше отъ грекъ на словѣнское письмо, и списаша книги многи“ (**). Въ числѣ многихъ книгъ, переведенныхъ на русскій языкъ при Ярославѣ, несомнѣнно находилась и греческая лѣтопись, или византійская исторія, изъ которой вошло много цитатъ въ первый кіевскій лѣтописный сводъ. Естественнымъ слѣдствіемъ ближайшаго знакомства русскихъ князей съ византійскими историческими сочиненіями было желаніе имѣть у себя исторію русской земли, составленную по образцу греческой исторіи, то-есть желаніе замѣнить

---

*) См. приложение № 3.

**) П. С. Р. Л., I, стр. 65.

краткія, безсвязныя погодныя записи событій княжескаго двора послѣдовательнымъ историческимъ повѣствованіемъ о событіяхъ русской земли.

При дѣтяхъ Ярослава Владимировича получили извѣстность въ Кіевѣ литературныя труды монаха Нестора, написавшаго лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря и житія нѣкоторыхъ святыхъ*). Этому лѣтописцу — черноризцу Кіево-Печерскаго монастыря — кіевскій князь могъ поручить составленіе первой исторіи русской земли. И дѣйствительно, имя Нестора значится въ слѣдующемъ заглавіи нѣкоторыхъ списковъ перваго кіевского лѣтописнаго свода: „се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца *Теодосіева монастыря Печерскаго Нестора*: откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ поча первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть“**).

Вмѣстѣ съ порученіемъ написать русскую исторію по образцу византійской лѣтописи, Несторъ долженъ былъ получить въ свое распоряженіе историческіе матеріалы, принадлежавшіе кіевскому княжескому двору. Лѣтописи русскихъ княженій языческой эпохи историкъ-черноризецъ обязанъ былъ изложить съ христіанской точки зрѣнія, дополнить ихъ поучительными сказаніями о жизни святыхъ мужей, историческими матеріалами, не вошедшими въ княжескія лѣтописи языческой эпохи, собственными наблюденіями, рассказами очевидцевъ и

---

*) Написаны Несторомъ житія святыхъ Даміана, Іереміа, Матвѣя, Исаакія, Бориса, Глѣба и преподобнаго Теодосія.

***) Авторство Нестора по отношенію къ составленію первой исторіи русской земли доказывается еще слѣдующимъ сопоставленіемъ. Подъ 1091 годомъ свода, въ описаніи открытія мощей св. Теодосія, говорится: „повелѣ игуменъ рушити, гдѣ лежатъ мощи отца нашего Теодосія, его же повелѣнію быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ..., азъ же возьму рогалью, прокопахъ на мощѣ Теодосіевы“, а за симъ въ нѣкоторыхъ спискахъ значится: „азъ же грѣшный и лѣтописанье се въ то время писахъ“. П. С. Р. Л., I, 90; VII, 5). Въ харатейномъ Патерикѣ Печерскомъ говорится: „повелѣ игуменъ копати, идѣже лежатъ мощи св. отца нашего Теодосія; его же повелѣнію и азъ грѣшный Нестеръ сподобленъ быхъ и первое самовидецъ“ (Тамъ же, Приложение I, стр. 265). Въ Житіи Нестора, написанномъ епископомъ новгородскимъ Нифонтомъ въ XIII столѣтіи, говорится: „безмолвствующу Антонію въ пещерѣ, а Теодосію строящу монастырь, приде къ нимъ Несторъ, желая монашескаго житія, имый токмо семнадцать лѣтъ отъ рожденія своего, и паки при ископаніи мощей Теодосіевыхъ чрезъ ночь трудися“ (Татищевъ, Ист. Рос., I, стр. 53).

связать этотъ матеріаль въ послѣдовательное повѣствованіе о томъ, какъ началась и сложилась русская земля. Научная обработка историческаго матеріала съ точки зрѣнія Нестора выразилась въ томъ, что нѣкоторыя сказанія были разбиты имъ на части, другія исключены, третьи занесены въ сводъ съ критическими замѣчаніями. Отношеніе Нестора къ исторіи выясняютъ его поучительныя христіанскія разсужденія и сравнительная оцѣнка историческихъ лицъ и событій, ясно обнаруживающія, съ одной стороны, желаніе автора показать преимущество христіанства предъ язычествомъ, а съ другой стороны, желаніе возвысить въ глазахъ читателя княжескій домъ, исторія котораго составляла задачу его труда. Такимъ отношеніемъ къ исторіи составителя перваго кievскаго лѣтописнаго свода объясняются нѣкоторыя пропуски и измѣненія въ изложеніи извѣстій княжескихъ лѣтописей языческой эпохи, не согласныя съ лѣтописными текстами, сохранившимися въ лѣтописныхъ сводахъ новгородскаго происхожденія*).

Трудно сказать, которымъ годомъ закончилъ Несторъ свою исторію русской земли. Подъ 1044 годомъ его свода говорится слѣдующее: „въ се же лѣто умре Брячиславъ, а Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его... рекоша бо волстви матери его: „се язвено навязи на нь, да носить е до живота своего“, еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ“ **); а подъ 1101 годомъ читаемъ: „преставися Всеславъ, полотскій князь“ ***). Такъ какъ одно лицо не могло сказать „Всеславъ носить до сего дня“ и „Всеславъ преставися“, то, объясняя приведенныя извѣстія тѣмъ, что первое принадлежитъ Нестору, а второе его продолжателю, мы должны допустить, что *Несторъ окончилъ свой лѣтописный трудъ до 1101 года, при жизни полоцкаго князя Всеслава****).*

*) См. приложение № 4.

***) П. С. Р. Л., I, 67.

****) Тамъ же, стр. 117.

*****) По мнѣнію Татищева, Несторъ окончилъ свою лѣтопись 1093 годомъ: „о концѣ же лѣтописи Несторовой, говоритъ онъ, сказать точно не можно, для того, что Сильвестръ и другіе продолжающіе по Несторѣ, хотя въ написаніи имя Несторова полагали, но своего начала отъ Несторова окончанія не отличали. Однакожь мнится, что оное въ 1093 году, гдѣ онъ пиша о казняхъ божескихъ за грѣхи, кончилъ рѣчь такимъ порядкомъ, какъ обыкновенно книги русскія кончатся, аминь, что и послѣдователь его Сильвестръ въ окончаніи своей лѣтописи равномѣрно положилъ“. Ист. Россійская 1768 г., кн. I, стр. 53, 54. По мнѣнію Перевошикова, лѣтопись Нестора кончается 1074 годомъ. Труды Рос. Академіи: О рус. лѣт., XXXIII.

Въ содержаніи Несторова лѣтописнаго свода различаются два слоя *свѣдѣній*. Въ первомъ словѣ господствуютъ *лаконизмъ и простота рѣчи*, состоящей преимущественно изъ главныхъ, нераспространенныхъ предложений, а по содержанію, свѣдѣнія перваго слоя всегда современны тѣмъ годамъ, подъ которыми записаны, и заключаютъ въ себѣ указанія на такія событія и на такія черты въ описаніи событій, которыя могли быть записаны только ихъ современниками-очевидцами. Во второмъ словѣ преобладаютъ *длинные періоды*, придаточныя и вводныя предложения, *плавность рѣчи, церковное краснорѣчіе*, а по содержанію свѣдѣнія этого слоя часто не имѣютъ ничего общаго съ тѣми годами, подъ которыми вставлены *).

Происхожденіе въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ сказаннаго наслоенія свѣдѣній, такъ рѣзко различающихся по формѣ и по содержанію, возможно объяснить только тѣмъ, что въ рукахъ Нестора находились не сохранившіяся до насъ въ подлинникѣ лѣтописныя записки IX и X столѣтій, съ точнымъ обозначеніемъ хронологіи событій. *Несторъ переписалъ эти лѣтописи* въ свой сводъ, *съ сохраненіемъ архаическихъ особенностей ихъ языка*, а съ своей стороны прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія и историческія сказанія, составленныя по другимъ источникамъ **).

Слѣдовательно, руководствуясь сказанными признаками, отличающими два слоя свѣдѣній въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ, *возможно отдѣлать содержаніе русскихъ лѣтописей языческой эпохи*, писанныхъ современниками событій IX и X столѣтій, отъ сказаній, составленныхъ лѣтописнымъ сводчикомъ христіанской эпохи по другимъ источникамъ.

Сказанія Нестора въ первомъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ составляютъ „повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Теодосьева монастыря Печерскаго“, т.-е. безгодное введеніе свода, представляющее собою компиляцію, составленную изъ источниковъ византійскаго, болгарскаго и русскаго происхожденія, дополненныхъ домыслами самого Нестора. „Повѣсти“ начинаются сказаніемъ хроники Георгія Амартола о раздѣленіи земли между потомками Ноя и кончаются хронологическою таблицею русскихъ княженій ***). Время составленія этой компиля-

*) См. приложение № 5.

***) См. приложение № 6.

***) Въ составъ содержанія „повѣстей“ Нестора входятъ слѣдующія сказанія: повѣствованіе греческой хроники о разселеніи по землѣ потомковъ Ноя, съ прибавленіемъ къ нему сказанія о сѣверныхъ народахъ; сказа-

ція виражається въ общемъ христіанскомъ характерѣ ея содержанія, а особенно въ сказаніяхъ о народахъ, платящихъ дань Руси, и различіи законовъ языческихъ народовъ и христіанскихъ, изъ которыхъ ясно видно, что авторъ жилъ въ эпоху, когда христіанство распространилось по всѣмъ областямъ Руси, за исключеніемъ земли вятичей, когда князья Рюриковичи далеко распространили свою власть и когда появились на Руси половцы, то-есть не ранѣе времени дѣтей Ярослава Владимировича*).

Слѣдовательно безгодныя „повѣсти“ Нестора, составляющія введене хронологической части его свода, по времени ихъ происхожденія, двумя столѣтіями моложе лѣтописныхъ матеріаловъ времени первыхъ Рюриковичей, вошедшихъ въ составъ хронологической части. Отсюда понятно различіе въ языкѣ свѣдѣній, составляющихъ безгодное введене Несторова свода и хронологическихъ свѣдѣній, относящихся къ событіямъ времени княженія Рюрика, Аскольда и Дира, Олега, Игоря и Святослава.

Въ хронологической части перваго кіевскаго лѣтописнаго свода добавленія Нестора къ русскимъ лѣтописямъ языческой эпохи составляютъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія къ древнимъ лѣтописнымъ текстамъ,

---

нія о разселеніи въ Европѣ славянъ и славяноруссовъ; сказанія о водныхъ путяхъ въ предѣлахъ Руси и о путешествіи Андрея Первозваннаго; сказаніе о происхожденіи Кіева и первыхъ кіевскихъ князьяхъ (Кій, Щекъ и Хоривъ); сказаніе о народахъ — данникахъ Руси — славянскаго и неславянскаго происхожденія; сказаніе о народахъ славянской придунайской прародины; сказаніе о различіи обычаевъ и законовъ народовъ славянскаго и неславянскаго происхожденія, сказаніе о завоєваніи полянъ хозарами и хронологическая таблица событій всемірной исторіи до византійскаго императора Михаила III и русскихъ княженій до смерти Ярослава Владимировича.

*) Между народами, платящими дань Руси, Несторъ именуєтъ: полянъ, древлянъ, новгородцевъ, пологчанъ, дреговичей, сѣверянъ, бужанъ, чюдъ, мерю, весь, мурому, черемисовъ, мордву, пермь, печору, ямъ, литву, зимоголу, корсь, нарову и либь. За описаніемъ языческихъ обычаевъ и законовъ славянорусскихъ племенъ, въ сводѣ говорится: «еже творятъ вятичи и нынѣ», а вятичи приняли христіанство и окончательно вошли въ составъ державы Рюриковичей только при Владимирѣ Мономахѣ. Въ описаніи обычаевъ и законовъ народовъ неславянскаго происхожденія говорится: „якоже се и при насъ нынѣ половцы законы держатъ отецъ своихъ обычаи“ П. С. Р. Л., I, стр. 5, 6 и 7.

питаты изъ византійскихъ и болгарскихъ источниковъ, выписки изъ житій святыхъ мужей, разсужденія поучительнаго содержанія и историческія сказанія, основанныя на народныхъ преданіяхъ, собственныхъ домыслахъ Нестора и древнерусскихъ письменныхъ матеріалахъ, существовавшихъ независимо отъ княжескихъ лѣтописей*).

За исключеніемъ вводныхъ безгодныхъ „повѣстей“ Нестора и послѣдующихъ сказаній, составленныхъ по источникамъ христіанской эпохи, остается въ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ рядъ хронологическихъ и лаконическихъ свѣдѣній, взятыхъ Несторомъ изъ русскихъ лѣтописей языческой эпохи. *Перечню такихъ свѣдѣній предшествоуетъ въ Несторовомъ сводѣ хронологическая таблица*, часть которой, относящаяся къ всемірной и византійской исторіи, взята изъ греческой лѣтописи, а другая часть, относящаяся къ русской исторіи, составлена по русскимъ лѣтописямъ. Изъ этой таблицы видно, что русскія лѣтописи языческаго времени были ведены по княженіямъ, такъ что каждое новое княженіе начиналось первымъ годомъ, а послѣдній годъ княженія каждаго князя означалъ общее число лѣтъ его власти. Несторъ, выписавши изъ греческаго источника хронологію отъ Адама до византійскаго императора Михаила, прибавилъ къ ней хронологію русскихъ княженій, сосчитавъ годы княженія каждаго князя по лѣтописямъ первыхъ Рюриковичей и перечисливъ русскую языческую хронологію на византійско-христіанскую отъ сотворенія міра. Слѣдовавшіе за Несторомъ лѣтописные сводчики постепенно расширяли составленную имъ хронологическую таблицу, прибавляя къ ней общій счетъ годовъ княженія послѣдующихъ великихъ князей**).

За хронологическою таблицею русскихъ княженій слѣдуетъ въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ изложеніе событій въ русской землѣ времени княженія Рюрика въ Новгородѣ и Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Сравнивая эту часть Несторова свода съ соотвѣтствующими ей частями удѣльныхъ лѣтописныхъ сводовъ и государства московскаго, мы находимъ, что Несторъ, въ видахъ возвышенія авторитета княжившей при немъ династіи, частію сократилъ, частію измѣнилъ подлинный смыслъ извѣстій русскихъ лѣтописей IX вѣка, состоявшихъ въ его рукахъ. Опущены извѣстія о самовольномъ перемѣщеніи Рюрика изъ Ладоги въ Новгородъ, о насильственномъ подчиненіи своей власти иль-

---

*) См. приложение № 7.

**) См. приложение № 8.

менскихъ славянъ, о возстаніяхъ новгородцевъ противъ Рюрика, о казни Рюрикомъ Вадима Храбраго и его товарищей и о бѣгствѣ отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ многихъ новгородскихъ мужей*). Изъ лѣтописи княженія Аскольда и Дира въ Кіевѣ опушены Несторомъ извѣстія о завоеваніяхъ, о второмъ походѣ въ Грецію и крещеніи Аскольда и Дира, по всей вѣроятности, изъ желанія не будить въ народной памяти воспоминанія о славныхъ подвигахъ первыхъ христіанскихъ князей въ Россіи, убитыхъ Олегомъ и Игоремъ, представителями династіи, княжившей въ Кіевѣ при Несторѣ.

Въ части Несторова свода, относящейся къ княженіямъ Олега, Игоря и Святослава, не замѣтно важныхъ измѣненій княжескихъ лѣтописей IX и X вв. Сводчику принадлежатъ здѣсь только немногія пояснительныя замѣчанія и нѣсколько сказаній, прибавленныхъ имъ къ древнимъ текстамъ лѣтописныхъ подлинниковъ. Лѣтописные тексты переписаны въ сводъ въ той формѣ и въ томъ порядкѣ, въ какихъ нашель ихъ Несторъ въ лѣтописяхъ княженій Олега, Игоря и Святослава**).

Изъ содержанія хронологической части Несторова лѣтописнаго свода видно, что до смерти Святослава главнымъ матеріаломъ лѣтописнаго сводчика были свѣдѣнія, составлявшія содержаніе русскихъ лѣтописей времени первыхъ Рюриковичей. Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи Нестора о событіяхъ по смерти Святослава отношеніе между количествомъ свѣдѣній, взятыхъ изъ княжескихъ лѣтописей и изъ другихъ источниковъ, измѣняется: послѣднія получаютъ преобладаніе надъ первыми. Съ другой стороны, со времени крещенія Владимира Святославича языкъ княжескихъ лѣтописей мало-по-малу теряетъ отличительныя архаическія особенности лѣтописнаго языка языческой эпохи. Съ этого времени сказанія лѣтописнаго сводчика часто такъ слиты со свѣдѣніями, взятыми изъ княжескихъ лѣтописей, что разграничить ихъ въ наше время невозможно.

Историческимъ трудомъ Нестора были приведены въ систему княжескія лѣтописи IX, X и XI столѣтій и дополнены свѣдѣніями, взя-

---

*) Слѣдовательно, по отношенію къ сказаніямъ Нестора о княженіи Рюрика въ Новгородѣ, совершенно справедливъ приговоръ древнѣйшаго новгородскаго историка Іоакима, по которому: „о князѣхъ русскихъ старобытныхъ Несторъ монахъ не добръ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ славенъ въ Новгородѣ“. См. Татищева, Исторія Рос., I, 31.

**) См. приложение № 9.

тыми изъ другихъ источниковъ. *Трудъ Нестора* получилъ значеніе *русской исторіи, признанной князьями*. Такимъ значеніемъ перваго русскаго лѣтописнаго свода объясняется, почему въ древней Руси была только одна официальная исторія первыхъ князей Рюриковичей и почему эта исторія лежитъ въ основаніи всѣхъ исторій удѣльныхъ княжествъ или удѣльныхъ лѣтописныхъ сводовъ.

Но составленіемъ Несторова лѣтописнаго свода веденіе княжескихъ лѣтописей не прекратилось. Попрежнему въ лѣтописяхъ княженій записывались годы рожденій, браковъ и смерти князей и помѣщались краткія описанія главнѣйшихъ политическихъ событій. Съ теченіемъ времени являлась потребность въ лѣтописныхъ сводахъ, дополнительныхъ къ своду Нестора. *Первымъ продолжателемъ Нестора былъ игуменъ Сильвестръ*.

Получивъ при Владимирѣ Мономахѣ порученіе продолжить до смерти Святополка русскую исторію, составленную Несторомъ, Сильвестръ переписалъ трудъ Нестора, а при перепискѣ сдѣлалъ въ него нѣкоторыя вставки, съ цѣлью связать древнюю систему историческихъ матеріаловъ съ матеріалами, составлявшими предметъ его спеціального труда. Одна изъ такихъ вставокъ ясно видна въ хронологіи русскихъ княженій, которою начинается лѣтописный сводъ Нестора: „а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъже отъ смерти Святослави до смерти Ярослави лѣтъ 85; а отъ смерти Ярослави до смерти Святополчи лѣтъ 60. Но мы на прежнее возвратимся, скажемъ *што ся удѣя лѣтаси*“ *). Выраженія, означенныя нами курсивомъ, могли принадлежать только лицу, писавшему по смерти Святополка. Лицо это обозначило себя въ заключеніи своего труда, помѣщаящемся въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1110 годомъ: „*Игуменъ Селивестръ* святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, *при князь Володимеръ*, княжащю ему Киевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 (1116), индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сія, то буди ми въ молитвахъ“ **). Соотвѣтственно этой датѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанное заключеніе Сильвестра помѣщается подъ 1116 годомъ ***). Переписывая сводъ Нестора, Сильвестръ оставилъ его заглавіе, изъ котораго видно, что это „повѣсти

*) П. С. Р. Л., I, 8.

**) Тамъ же, 123.

***) См. Кѣнигсбергскій списокъ, изд. 1767 г., стр. 173.

временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосьева монастыря Печерскаго“, а не трудъ игумена монастыря святого Михаила, только дополнившаго русскую исторію описаніемъ событій въ русской землѣ при внукахъ Ярослава Мудраго*).

Обзоръ фактовъ, относящихся къ происхожденію и составу содержанія начального русскаго лѣтописнаго свода, показываетъ намъ, что этотъ памятникъ долженъ служить основаніемъ познанія системы славянорусскаго права языческой эпохи. Богатство и достовѣрность фактовъ, составляющихъ содержаніе русскихъ лѣтописей IX и X столѣтій, вошедшихъ въ составъ древнѣйшаго русскаго лѣтописнаго свода, даютъ возможность точнаго знанія условій политико-юридической жизни русскихъ славянъ въ послѣднія столѣтія язычества. Въ составѣ содержанія Начального русскаго лѣтописнаго свода и позднѣйшихъ къ нему добавленій для исторіи русскаго права эпохи племенныхъ государствъ особенно важны: свѣдѣнія о размѣщеніи славянъ въ центральныхъ областяхъ Европы и происхожденіи славянорусскихъ племенъ языческой эпохи; о военныхъ отношеніяхъ Кіева къ Византіи въ IX вѣкѣ и крещеніи кіевлянъ при Аскольдѣ; о завоеваніяхъ первыхъ Рюриковичей и отношеніи кіевскихъ князей къ подвластнымъ народамъ; о военныхъ и мирныхъ отношеніяхъ первыхъ князей Рюрикава дома къ грекамъ, выясняющія исторію договоровъ славяноруссовъ съ греками; наконецъ, содержаніе договоровъ славяноруссовъ съ греками, дающее прочный базисъ знанію системы славянорусскаго права языческой эпохи. Рядомъ съ богатымъ собраніемъ свѣдѣній, непосредственно опредѣляющихъ многія условія политико-юридической жизни славяноруссовъ языческой эпохи, географическія, этнографическія и историческія указанія начального русскаго лѣтописнаго свода даютъ наукѣ возможность опредѣлить объемъ другихъ источниковъ, составляющихъ средства познанія системы русскаго права эпохи племенныхъ государствъ.

2. СКАЗАНІЯ ИНОЗЕМНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О СЛАВЯНОРУССАХЪ.

ГЛАВА II.

Домашняя и иноземная номенклатура славяноруссовъ эпохи племенныхъ государствъ. Генетическое отношеніе славяноруссовъ къ скифамъ.

Иноземные литературные памятники перваго періода исторіи русскаго права составляютъ свѣдѣнія объ условіяхъ политико-юридиче-

*) См. приложение № 10.

скаго быта нашихъ предковъ языческой эпохи, сохранившіяся въ сочиненіяхъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и арабскихъ писателей до X столѣтія включительно. Задача науки исторіи русскаго права состоитъ здѣсь въ опредѣленіи количества сказаній иноземцевъ, составляющихъ средства познанія языческаго права славяноруссовъ, то-есть, въ разграниченіи содержанія сочиненій древнихъ авторовъ, относящагося къ славянамъ и славяноруссамъ, отъ содержанія, относящагося къ другимъ европейскимъ народамъ. Рѣшеніе этой задачи обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ вопроса объ именахъ, которыми называли нашихъ предковъ древніе иноземные писатели*).

Мы привыкли съ именемъ „славяне“ соединять представленіе о всѣхъ народахъ, говорящихъ славянскимъ языкомъ. Но предки наши, славяно-руссы языческой эпохи, не знали общаго этнографическаго имени „славяне“. Въ эпоху славянскаго язычества „славянами“ назывались только придунайскіе народы, говорившіе славянскимъ языкомъ, а изъ русскихъ народовъ — одно племя славянъ ильменскихъ, позднѣйшихъ новгородцевъ.

Древніе народы одного этнографическаго типа, но жившіе въ политической разрозненности племенъ, чуждались другъ друга, не признавали своего этнографическаго единства и не имѣли общаго національнаго домашняго имени. Каждое племя называло себя особымъ именемъ. Объединеніе родственныхъ племенъ однимъ именемъ является въ исторіи результатомъ или научнаго наблюденія, дающаго общее имя разрозненнымъ племенамъ одного этнографическаго типа, или политическаго союза племенъ подъ общею властью**).

Подобно всѣмъ другимъ древнимъ народамъ, *славяноруссы эпохи племенныхъ государствъ*, до времени политическаго ихъ объединенія

---

*) См. приложение № 11.

***) Такъ, напримѣръ, до времени объединенія италійскихъ племенъ властью и именемъ римлянъ разрозненные народы Италіи не имѣли общаго имени. Въ предѣлахъ Франціи нашего времени обитало въ древности много разрозненныхъ племенъ, называвшихъ себя особыми именами до времени завоеванія ихъ римлянами. Въ эпоху Юлія Цезаря между Рейномъ, верхнимъ теченіемъ Дуная, Эльбою и Балтійскимъ моремъ обитало множество племенъ, называвшихся особыми именами до времени объединенія ихъ римскими историками общимъ этнографическимъ именемъ „германцы“; изъ римской литературы общее названіе нѣмецкихъ народовъ перешло въ греческую литературу и позднѣйшую нѣмецкую исторію. И т. д.

подъ властью князей Рюриковичей, *не имѣли общаго домашняго имени, а каждое племя представляло собою особое государство и называлось особымъ именемъ**). По сказанію перваго русскаго историка Нестора, славяноруссы произошли отъ одного изъ семидесяти двухъ народовъ, на которые Богъ раздѣлилъ родъ человѣческой. Спустя много лѣтъ по столпотвореніи славяне поселились на Дунаѣ, а оттуда разошлись по другимъ областямъ Европы, и каждое племя назвалось особымъ именемъ въ новомъ своемъ отечествѣ. Изъ послѣдующихъ повѣствованій Нестора ясно видно, что въ языческую эпоху „славянами“ назывались на Руси только ильменцы, а всѣ другія славянорусскія племена называли себя особыми именами и не знали общаго имени „славяне“. Историкъ настойчиво старается доказать полянамъ, древлянамъ, сѣверянамъ, дреговичамъ и всѣмъ другимъ славянорусскимъ племенамъ, что они такіе же „словѣни“ какъ и ильменцы, что хоти они разсѣлились по разнымъ мѣстамъ, прозвались особыми именами, образовали отдѣльныя государства, но въ этнографическомъ смыслѣ составляютъ одинъ народъ, произошли отъ одного пранарода, жившаго на Дунаѣ, и говорятъ однимъ языкомъ, отличнымъ отъ языка другихъ народовъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними Русь, какъ государство, но имѣвшихъ неславянское происхожденіе и говорившихъ неславянскимъ языкомъ. Доказывая, что всѣ народы, происходившіе отъ славянъ дунайскихъ, должны называться именемъ „славяне“, Несторъ указалъ и основаніе своего убѣжденія и тѣмъ объясняетъ намъ причину, по которой *со времени крещенія славяноруссовъ имя „славяне“ дѣйствительно сдѣлалось общимъ названіемъ всѣхъ родственныхъ народовъ, говорящихъ славянскимъ языкомъ*. Такою причиною были находившіеся въ рукахъ Нестора памятники письменности придунайскихъ народовъ IX—XI вѣковъ, въ которыхъ переводъ священныхъ книгъ Кирилла и Меѳодія называется „словѣнскою“ грамотою, а народъ, получившій эту грамоту, называется „словѣнами“**).

Слѣдовательно, обозначеніе всѣхъ славянорусскихъ племенъ общимъ именемъ „славяне“ — новаго происхожденія, вошло въ употребленіе

---

*) Ученые школы Шафарика потратили много бесплодныхъ трудовъ на изысканіе общаго древняго домашняго имени славянскихъ народовъ. См. Шафарика, Слав. Древн., т. I, стр. 157 и слѣд. изд. 1848 г. Здѣсь читатель найдетъ бесполезный трактатъ „О спорахъ или сербахъ, какъ древнѣйшемъ домашнемъ и общемъ имени всѣхъ славянскихъ народовъ“.

***) См. приложение № 12.

не ранѣ крещенія Руси и ознакомленія славяноруссовъ съ памятниками письменности югозападныхъ славянъ и сдѣланными для нихъ переводами священныхъ книгъ, принятыми и христіанскою Русью. Отсюда понятно, почему въ первомъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ общее имя „славяне“ встрѣчается только во введеніи, написанномъ Несторомъ, и въ послѣдующихъ сказаніяхъ, явно составленныхъ въ христіанскую эпоху Несторомъ и его продолжателями, но не встрѣчается въ сказаніяхъ о завоеваніяхъ первыхъ Рюриковичей, въ текстахъ договоровъ съ греками и вообще въ текстахъ, взятыхъ составителемъ лѣтописнаго свода изъ русскихъ лѣтописей IX и X столѣтій. Въ извѣстіяхъ языческой эпохи и въ договорахъ съ греками славянорусскія племена называются особыми именами (поляне, древляне, сѣверяне, кривичи и т. д.) или обозначаются общимъ именемъ „русь“.

Имя „русь“ въ общемъ именованіи славянорусскихъ племенъ древнѣе имени „славяне“; оно *становится общимъ со времени призванія Рюрика и завоеваній первыхъ Рюриковичей*. Но въ эпоху язычества имя „русь“ *имѣло политическое значеніе*, а не этнографическое, означало собою не этнографическій типъ народовъ, а ихъ политическій союзъ. Такое значеніе слово „русь“ имѣетъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ словѣ князя Олега: „сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ“, и въ поясненіи къ нему составителя лѣтописнаго свода: „бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью“*). Такое же значеніе имя „русь“ имѣетъ во всѣхъ текстахъ договоровъ съ греками, въ которыхъ русскою землею называется вся территорія, подвластная кievскому князю, а русскими людьми всѣ подданные кievскаго князя, безъ различія этнографическихъ типовъ, славяне, финны и варяги. Греку противопоставляется только русскій, безъ различія религіи, происхожденія и языка; русскими городами называются вообще города, въ которыхъ „сѣдяху князья подь Олегомъ суще“; послы Олега и Игоря, несмотря на различіе ихъ національности, говорятъ: „мы отъ рода русскаго“ съли и гостье, посланія отъ Игоря великаго князя русскаго и отъ всякаго князья, и отъ всѣхъ людій русскія земли“, и т. д.

Такимъ образомъ, изученіе лѣтописныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ номенклатурѣ славянорусскихъ племенъ языческой эпохи, приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. До половины IX вѣка славянорусскія племена составляли отдѣльные племенные государства, назывались

---

*) П. С. Р. Л., I, 10.

особыми именами и не имѣли общаго домашняго національнаго имени, ни географическаго, ни политическаго, ни этнографическаго. Со времени образованія кievскаго государства времени Аскольда и Дира образуется общій политическій терминъ Русь, означавшій всѣ земли и всѣ народы, подвластные кievскому князю, несмотря на различіе ихъ происхожденія и языка. Со времени крещенія Руси и знакомства славяно-руссовъ съ переводами священныхъ книгъ на славянскій языкъ и памятниками письменности югозападныхъ славянъ славяно-русскія племена объединяются общимъ этнографическимъ именемъ, заимствованнымъ отъ славянъ придунайскихъ. Именемъ „словѣне“ первый русскій историкъ и его продолжатели отличаютъ народы, родственные по происхожденію придунайскимъ „словѣнамъ“ и говорившіе „словѣнскимъ“ языкомъ, отъ народовъ неродственнаго имъ происхожденія и чуждаго языка, хотя бы составлявшихъ съ ними одно государство, одну землю.

Земля, служившая жилищемъ славяно-руссамъ языческой эпохи и покрывшая ихъ могилы, сохранила въ себѣ *неоспоримыя доказательства сношеній нашихъ предковъ съ народами юга, запада и востока* со времени поселенія въ центральныхъ областяхъ Европы до времени крещенія кievлянъ и всего русскаго народа при Владимирѣ Святославичѣ. Доказательства этого рода составляютъ клады монетъ и другихъ издѣлій древняго искусства римлянъ, грековъ, нѣмцевъ и арабовъ, открытые въ нашемъ столѣтіи въ предѣлахъ земли славяно-руссовъ языческой эпохи*).

Какими именами иноземные народы называли славяно-руссовъ, состоявшихъ съ ними въ торговыхъ или военныхъ сношеніяхъ? Отвѣта на этотъ вопросъ всего прежде нужно искать у перваго составителя русскаго исторіи, который жилъ въ XI вѣкѣ, читалъ историческія сочиненія грековъ и югозападныхъ славянъ, изъ которыхъ занесъ много цитатъ въ свое сочиненіе, и имѣлъ возможность узнать достоверно, какъ называли южные народы его соотечественниковъ, непосредственно отъ уче-

---

*) См. Д. Самоковсова, Ист. рус. права, вып. II, Происх. славянъ, стр. 131—139; С. Савельева, Мухаммеданская нумизматика въ отнош. къ рус. исторіи, 1846 г. Въ Несторовыхъ „повѣстяхъ“ записаны сказаніе о водныхъ дорогахъ изъ центральныхъ областей славяно-русской земли въ моря Каспійское, Черное, Балтійское и далѣе, вокругъ Европы до Рима и Константинополя, и преданіе о путешествіи Кіа въ Царьградъ, изъ которыхъ ясно видно, что первый русскій историкъ былъ убѣжденъ въ томъ, что сношенія славяно-руссовъ съ отдаленными иноземными народами существовали съ глубокой давности.

ныхъ грековъ, занимавшихъ въ XI вѣкѣ должности высшихъ іерарховъ въ Россіи.

По свидѣтельству Нестора, *русская земля стала называться у грековъ Русью со времени царствованія въ Царьградѣ Михаила III*, почему эпохою этого царя составитель перваго кievскаго лѣтописнаго свода началъ хронологическое изложеніе событій въ русской землѣ*). Этому свидѣтельству соотвѣтствуетъ лѣтописное описаніе похода на грековъ русскихъ князей Аскольда и Дира подъ 866 годомъ**). Византійскіе источники вполне оправдываютъ приведенное свидѣтельство перваго русскаго историка о времени происхожденія и значенія имени Русь въ греческой исторіи. Дѣйствительно, въ греческой исторіи при Михаилѣ III въ первый разъ встрѣчается имя россы или руссы въ приложеніи къ названію народовъ, населявшихъ надпонтійскія области. Патріархъ Фотій, епископъ Никита и Георгій Амартолъ въ первый разъ называютъ „руссовъ-россовъ, варварскій народъ, скинскаго происхожденія, приплывшій на судахъ съ сѣвера, по Черному морю“, и опустошившій при Михаилѣ III окрестности Константинополя, въ отмщеніе за обиду, нанесенную ему греками нарушеніемъ союзнаго договора***). Со времени Михаила III византійскіе историки называютъ русскую землю и ея обитателей Росью и Русью до времени паденія Византіи (1453 г.).

Въ исторіи Востока имя Русь появляется одновременно съ его появленіемъ въ византійской исторіи. Въ первый разъ имя Русь встрѣчается у современника византійскаго царя Михаила III, Ибнъ-Хордадбе, въ слѣдующемъ извѣстіи: „царь славянъ (сакалибъ) называется кнадзъ... Что же касается купцовъ русскихъ, они же суть племя изъ славянъ, то они вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ отдаленныхъ концовъ Славоніи (Саклабъ)“. Съ этого времени извѣстія о руссахъ-славянахъ часто встрѣчаются у арабскихъ писателей IX, X и XI столѣтій****).

---

*) Въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывать русска земля. О семъ бо увѣдохомъ, яко при семъ царіи приходиша русь на Царьгородъ, яко пишется въ лѣтописаньи грѣчьствѣмъ; тѣмъ же отсель почнемъ и числа положимъ“. П. С. Р. Л., I, 7.

***) См. приложение № 13.

****) См. Д. Самоквасова, Рѣчь 30 августа 1886 г. на год. актѣ Варш. унив., стр. 7 и слѣд.; Стриттера, *Memoriae populorum*, II, p. 957—959; ниже, гл. VII.

*****) См. Гаркани, *Сказ. мусульм. писат. о славян. и русс.*, 1870 г., стр. 49.

Слѣдовательно, сказанія иноземцевъ IX и X столѣтій объ условіяхъ быта руссовъ несомнѣнно составляютъ средства познанія системы права славяноруссовъ языческой эпохи*).

Народъ русскій, говорившій славянскимъ языкомъ**), имѣвшій отдаленныя торговыя и военныя сношенія съ народами востока, юга и запада, въ IX и X столѣтіяхъ принадлежалъ къ числу многочислѣннѣйшихъ народовъ въ Европѣ и занималъ громадную территорію. По свидѣтельствамъ Нестора и русскихъ лѣтописей IX и X столѣтій, вошедшихъ въ составъ содержанія перваго кіевскаго лѣтописнаго свода, племена Руси въ концѣ IX и въ X вѣкахъ занимали земли отъ Ладожскаго озера до Чернаго моря и отъ Волги до Карпатскихъ горъ***).

Какими же именами называли иноземцы славянорусскій народъ до времени происхожденія русскаго государства эпохи первыхъ Рюриковичей и образованія общихъ именъ: руссы и славяне?

У восточныхъ иноземцевъ IX и X столѣтій имя Русь отождествляется съ именами „сакалибъ“ и „Саклабъ“, означающими славянъ и Славонію. Такое отождествленіе руссовъ съ сакалибами встрѣчается уже въ первомъ восточномъ извѣстіи о Руси, Ибнъ-Хордадбе, приведенномъ нами выше. Въ восточной исторіи имя „славяне“ древнѣе имени „русь“: оно встрѣчается уже у древнѣйшаго арабскаго писателя Ал-Ахталя, жившаго во второй половинѣ VII вѣка****).

У южныхъ и западныхъ иноземцевъ съ половины VI вѣка, со времени историковъ Прокопія и Иорнанда, встрѣчаются имена: *Sclavini*, *Sclaveni*, *Sclavi*, *Sihlavi*, *Antes*, *Vinidi*, *Vendi*, въ значеніи общихъ названій народовъ славянскаго происхожденія, занимавшихъ области надъ нижнимъ теченіемъ Дуная и сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря. Упомянувъ о переходѣ племени геруловъ съ лѣваго берега Дуная къ Бал-

*) См. приложение № 14.

**) По свидѣтельству Нестора: „словѣнскъ языкъ и русскій одинъ... аще и поляне звахуся, но словѣнская рѣчь бѣ; полями же прозвашася занеже въ полѣ сѣдяху; языкъ словѣнскій бѣ имъ единъ“. П. С. Р. Л., I, 12.

***) По свидѣтельству Ибнъ-Хаукаля (973—977), въ настоящее время не осталось и слѣда отъ Булгара, Буртаса и Хазара, ибо руссы напали на нихъ, отняли у нихъ всѣ области и присвоили ихъ себѣ. См. у Гаркави, стр. 130. По словамъ краковскаго епископа Матвѣя (около 1150 г.), „русскій народъ безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ (*Gens Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata*). См. Шафарика, Слав. древности, т. II, к. I, стр. 239, изд. 1842 г.

****) См. Гаркави, стр. 2.

тійскому морю около 490 года, Прокопій говорить: „въ этомъ переходѣ всѣ *склавенскіе* народы пропустили геруловъ черезъ свои границы“*). Въ другихъ мѣстахъ исторіи Прокопія читаемъ: „*склавы и анты* говорятъ однимъ языкомъ... занимаютъ великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ... Области на сѣверъ отъ Понта Евксинскаго занимаютъ безчисленные народы *анты***). По свидѣтельствамъ Иорнанда, „къ Дунаю принадлежитъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, по лѣвой сторонѣ которыхъ и отъ верховьевъ рѣки Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ, обитаетъ многолюдный народъ *винидскій*. Названіе этого народа, хотя нынѣ измѣняется по различію племенъ и поселеній, но преимущественно они называются склавинами и антами. Склавинны живутъ, начиная отъ новаго склавино-румунскаго города и озера Музіана до рѣки Днѣстра... Анты же, храбрѣйшій изъ нихъ народъ, занимаютъ земли надъ Понтскимъ моремъ“***).

Слѣдовательно, *славянорусская исторія* имѣетъ такое же право на извѣстія иноземцевъ о *сакалибахъ, склавинахъ, антахъ и вендахъ*, какъ и на извѣстія о славянахъ, россахъ и руссахъ****).

Описывая склавинъ, антовъ и вендовъ, *Прокопій, Иорнандъ и всѣ послѣдующіе европейскіе историки* ни слова не говорятъ о переселеніи этихъ народовъ изъ какой бы то ни было страны въ надпонтійскія и наддунайскія области, а *говорятъ о склавинахъ, антахъ и вендахъ, какъ*

---

*) De bello gothico, кн. XI, гл. XV: „*ἡμιψαν μὲν τὰ Σκλαβήνων ἔθνη ἐφεξῆς ἄλλατα*“.

***) Тамъ же, кн. III, гл. XVI: „*Καὶ μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις ἐν τὸ ἀνέκαθεν ἦν... γῆν πολλήν τινα ἔχουσι· τὸ γὰρ πλεῖστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστροῦ ὄχθης αὐτοὶ νέμονται*“... Тамъ же, кн. IV, гл. IV, „*ἐς Βορρᾶν ἄνεμον ἔθνη τὰ Ἄντων ἄμετρα ἴδονται*“.

***)) „*Introrsus illi Dacia est, ad coronae speciem arduis alpibus emunita, juxta quarum sinistrum latus, quod in Aquilonem vergit, et ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Winidarum natio populosa consedit. Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur. Sclavini a civitate Sclavino-Rumunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt*“. См. Иорнанда, De Getharum origine et rebus gestis, cap. V; срв. Шафарика, Славянскія древности, т. II, кн. III, приложенія, стр. 31.

****) См. приложение № 15.

о народъ, искони жившемъ въ странахъ надъ Понтомъ и нижнимъ теченіемъ Дуная. Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что въ VI вѣкѣ появились только новыя имена: склавны, анты и венды, а народъ этихъ именъ и прежде занималъ области между Дунаемъ и Дономъ, но назывался въ европейской исторіи до VI вѣка другимъ именемъ.

Какимъ же именемъ древніе историки называли надпонтійскія племена, получившія въ VI вѣкѣ имена: славянъ, антовъ и вендовъ, а въ IX вѣкѣ имя руси?

Въ первые вѣка до и послѣ Р. Хр. области Европы, лежавшія надъ Чернымъ моремъ и нижнимъ теченіемъ Дуная, назывались Скиѳіей, а обитатели этихъ областей именовались скиѳами. Эта скиѳская народность, занимавшая земли между нижнимъ теченіемъ Истра и Танаисомъ и принадлежавшая къ числу многочислѣйшихъ народовъ древняго міра, какъ будто вымираетъ безслѣдно или уходитъ неизвѣстно куда; а съ другой стороны, историки первыхъ вѣковъ христіанской эпохи именуютъ неизвѣстно откуда пришедшій въ области наддунайскія и надпонтійскія многочисленный и занимающій неизмѣримое пространство венедо-славянскій народъ. Отсюда естественнымъ становится вопросъ: не было ли имя скиѳы древнѣйшимъ именемъ славянскихъ народовъ, то-есть, не были ли европейскіе скиѳы классическихъ писателей прямыми предками славянъ средневѣковыхъ историковъ? Ниже слѣдующій перечень историческихъ и этнографическихъ фактовъ отвѣчаетъ намъ на поставленный вопросъ положительно.

Въ Якимовской исторіи и въ Степенной книгѣ записано генеалогическое преданіе, по которому скиѳы, славяне и руссы произошли отъ одного народа, вышедшаго въ глубокой давности изъ Азіи въ Европу и покорившаго многія земли на Черномъ морѣ и Дунаѣ. Отъ этого народа отдѣлился князь Славянъ, переселился на сѣверъ и построилъ на озерѣ Ильменѣ городъ, названный по его имени Славянскомъ; а Скиѳъ, братъ князя Славяна, остался въ южной Европѣ, въ областяхъ Меотиса и Понта, получившихъ названіе Великой Скиѳіи*).

---

*) „Сынове Аѳетовы и внуки отдѣлишася, и единъ отъ князь Славенъ съ братомъ Скиѳомъ, имѣя многія войны на востокъ, идоша къ западу, многи земли о Черномъ морѣ и Дунаи себѣ покориша... Славянъ князь, оставя во Фракіи и Иллиріи на вскрай моря и по Дунаеву сына Бастарна, иде къ полунощи, и градъ великій созда, во свое имя Славянскъ нарече, а Скиѳъ остался у Понта и Меотиса въ пустыняхъ обитати, питаея отъ скотъ и грабительства, и прозвася страна та Скиѳіа Вели-

Задача науки состоитъ не только въ отрицаніи сказочнаго элемента въ генеалогическихъ преданіяхъ древнихъ народовъ, но также и въ опредѣленіи историческихъ основаній происхожденія преданій, если таковыя могутъ быть открыты. Историческія свидѣтельства, принадлежащія древнимъ писателямъ разныхъ временъ и странъ, доказываютъ намъ, что *приведенное генеалогическое преданіе о родствѣ славянъ и скивовъ основано на истинной исторіи*, за исключеніемъ свойственнаго всѣмъ древнимъ народамъ мифическаго олицетворенія именъ народовъ въ именахъ князей и царей.

Сказаніе Нестора о расселеніи славянъ въ Европѣ въ существенныхъ чертахъ сходно съ генеалогическимъ преданіемъ историка Якима и Степенной книги: „сѣли суть словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ угорская земля и болгарска. Отъ тѣхъ словѣнъ разидоша по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... словѣни же сѣдоша около озера Ильмеря... улучи, тиверци сѣдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру оли до моря; суть грады ихъ и до сего дне; да *то ся зваху отъ грекъ Великая Скиовъ*“ *).

Левъ Діаконъ Калойскій, византійскій лѣтописецъ столѣтіемъ древнѣе Нестора, оставившій подробное описаніе войны русскаго князя Святослава Игоревича съ болгарами и греческимъ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ, совсѣмъ *не употребляетъ въ своей исторіи именъ: славяне и анты. Русская земля называется у него Скивоіей***). Шестидесяти-тысячное войско, *выведенное Святославомъ изъ Россіи въ Болгарію, называется скивами*, какъ именемъ, тождественнымъ съ именами: руссы и россы***). Лодки, одежда, вооруженіе и оружіе руссовъ, русскія

кая“. Исторія Іоакима. См. Татищева, т. I, стр. 31, 32. „Славенъ и Русь съ роды своими отлучишася отъ братіи своея и хождаху по странамъ вселенныя 14 лѣтъ, даже пришедъ къ озеру Ильмеръ, и по волхованію поставиша градъ на рѣкѣ Волховѣ, его же по имени князя своего Славенскъ именовали, и съ того времени скиои начали именоватися славяне“. Тамъ же, стр. 426.

*) П. С. Р. Л., I, 3, 5, 12: „Иде Олегъ на грекъ, Игоря оставивъ Кіевъ, поя же множество варягъ и словѣнъ, и чюди, и кривичи, и мерю, и поляны, и сѣверо, и деревляны, и радимичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины (въ нѣк. сп. толкованы), *си вси звахуться Великая Скиовъ*“.

***) См. Льва Діакона, кн. IV, гл. 10.

***) Тамъ же, кн. IV, гл. 6; кн. V, гл. 1; кн. VI, гл. 8; кн. VIII, гл. 5—7, 8, 10; кн. IX, гл. 2, 6, 8—10.

вѣрованія и русскій языкъ называются *скиѣскими* *). *Самъ Святославъ Игоревичъ именуется скиѣомъ* **). Наконецъ, Левъ Калойскій прямо свидѣтельствуетъ о происхожденіи руссовъ Святослава Игоревича отъ скиѣовъ, занимавшихъ въ эпоху Геродота и послѣдующія столѣтія припонтійскія и придунайскія области. За описаніемъ сраженія руссовъ Святослава съ греками Цимисхія подъ Дористоломъ, въ которомъ „*скиѣвы-россы*“ потеряли Икмора, перваго послѣ Святослава мужа — богатыря¹ и вождя „скиѣскаго“ войска ***) , говорится слѣдующее: „съ наступленіемъ лунной ночи, они вышли въ поле, собрали трупы своихъ къ городской стѣнѣ и сожгли на сложенныхъ кострахъ, заколовъ при этомъ много плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи рѣки Истра младенцевъ и пѣтуховъ, умертвивъ ихъ. Уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или *отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса*, или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліанія. Арріанъ говоритъ въ своемъ Периплѣ, что Ахиллъ, сынъ Пелеевъ, былъ родомъ скиѣ изъ небольшого города Мирмикіона, стоявшаго близъ озера Меотиса...“ ****) Опредѣляя по источникамъ, кто были Анахарсисъ и Замолксисъ, признаваемые Львомъ Калойскимъ предками славяноруссовъ X вѣка, мы находимъ, что *Анахарсисъ былъ мудрецъ — царь скиѣовъ-сколотовъ*, занимавшихъ въ эпоху Геродота надпонтійскія области (дядя скиѣскаго царя Иданфирса, сынъ Гнура, внукъ Лика, правнукъ Спаргапейфа, совершавшій эллинскія празднества въ честь

*) Тамъ же, кн. VI, гл. 6, 11; кн. IX, 10, 11.

***) Тамъ же, кн. VI, гл. 7: „*Ἰωάννης δὲ ὁ αὐτοκράτωρ, τὰς τοιαύτας ἀποκρίσεις τοῦ Σκύθου δεξάμενος...*“

****) „*Ἐνταῦθα Ἰκμορα, τὸν μετὰ τὸν Σφενδοσθλάβον τὸ Σκυθικὸν ἀγορτα στρατεύμα καὶ τιμώμενον εὐθύς μετ' ἐκείνον...*“ Тамъ же, кн. IX, гл. VI, стр. 149.

*****) „*Ἦδη δὲ νυκτὸς κατασχούσης, καὶ τῆς μῆνης πλησιφαοῦς οὔσης, κατὰ τὸ πεδίον ἐξεληθέντες τοὺς σφετέρους ἀνεψηλάφων τεκρούς, οὐδὲ καὶ συναλίσσαντες πρὸ τοῦ περιβόλου καὶ πυρὰς θαμινὰς διανάψαντες, κατέκαυσαν, πλείστους τῶν αἰχμαλώτων, ἀνδρας καὶ γυναῖκα, ἐπ' αὐτοῖς κατὰ τὸν πατριὸν νόμον ἐναποσφάξαντες. ἐναγισμοὺς τε πεποιηκότες, ἐπὶ τὸν Ἴστρον ὑπομάζια βρέφη καὶ ἀλεκτρούνας ἀπέπνιξαν, τῇ ῥοθίῳ τοῦ ποταμοῦ ταῦτα καταποντώσαντες. λέγεται γὰρ Ἑλληνικοῖς ὀργίοις κατόχους ὄντας, τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον θυσίας καὶ χοῶς τοῖς ἀποιχομένοις τελεῖν, εἴτε πρὸς Ἀναχάρσεως ταῦτα καὶ Ζαμόλξιδος, τῶν σφετέρων φιλοσόφων, μνηθέντες, εἴτε καὶ πρὸς τῶν τοῦ Ἀχιλλέως ἐταίρων. Ἀρρίαντος γὰρ φησὶν ἐν τῷ Περιπλῳ, Σκύθην Ἀχιλλέα τὸν Πηλέως πεφηρέται...*“ Тамъ же, стр. 149, 150.

матери боговъ, и за то убитый братомъ своимъ Савліемъ*); а Замолксисъ былъ обоготворенный мудрецъ скивовъ-готовъ, научившійся мудрости отъ Пивагора**).

Передвинемся еще на одно столѣтіе, къ греческимъ историкамъ, оставившимъ свѣдѣнія объ осадѣ Константинополя руссами времени Аскольда и Дира. Всѣ историки, говорящіе объ этомъ событіи, *патріархъ Фотій, епископъ Никита, Георгій Амартолъ и другіе*, не упоминаютъ имени славянъ-словѣнь-склавинъ. Опредѣляя народность непріятеля, осадившаго Константинополь при Михаилѣ III, *греческіе историки называютъ его россами, народомъ скивскаго происхожденія*. По свидѣтельству современника событія, пафлагонскаго епископа Никиты, *„жестокій народъ, скивскаго языка, по имени россы, пришедши отъ Евксинскаго моря въ Стенось, опустошивши на пути всѣ области и монастыри и взявши съ нихъ большую добычу, стали чинить набѣги и на острова, лежащіе около Византіи, грабя имущество жителей и убивая плѣнныхъ“****). Въ то же время *землеписецъ Равенскій* (около 886 г.), перечисляя европейскія страны, называетъ Скивію прародиною славянъ: *„sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde Slavinarum exorta est prosapia“*****).

Въ VI вѣкѣ *Йорданъ или Йорнадъ*, въ сочиненіи о началѣ и дѣлахъ готовъ или готовъ, *дѣлитъ варварскую Европу на двѣ части: Германію и Скивію*, границею между которыми полагаетъ рѣку Вислу. *Въ Скивіи Йорнадъ помѣщаетъ давній „многолюдный народъ викинд-*

---

*) См. Исторію Геродота, кн. IV, гл. 76; Географію Страбона, кн. VII, гл. III, §§ 8 и 9.

**) См. Исторію Геродота, кн. IV, гл. 94—96; Географію Страбона, кн. VII, гл. VII, § 5; Йорнанда, De Getharum origine, гл. V.

***) „...Τὸ μαιφρονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς, διὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου προσκεχωρηκότες τῷ Στένῳ καὶ πάντα μὲν χωρία, πάντα δὲ μοναστήρια διηρηκότες, ἐτι δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιοικίδων κατέδραμον νησίῳν, σκευὴ μὲν πάντα ληϊζόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρώπους δὲ τοὺς ἀλόγτας πάντας ἀποκτείνοντες“. См. Житіе патріарха Игнатія по изданію Пагія (ad Baron. Annal.), стр. 554. Срв. Стриттера, Memoriae populorum, т. II, стр. 958; Cedrinus: ἔθνος δὲ οἱ Ῥῶς Σκυθικόν, περὶ τὸν ἀρχιτῶν Ταῦρον κατοικήμενον, ἀνήμερόν τε καὶ ἄγχιον; Zonaras: Τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥῶς, Σκυθικόν ὄν, τῶν περὶ τὸν Ταῦρον ἐθνῶν...

****) См. Шафарика, Славянскія древности, т. II, кн. IV, приложенія, стр. 56.

скій, по различію племенъ и поселеній *называемый* различными именами, но преимущественно *славянами и антами**).

Прискъ Панійскій, членъ посольства императора Θεодосія II къ Атилѣ, царю гунновъ, лично наблюдалъ населеніе областей V вѣка, лежавшихъ надъ нижнимъ теченіемъ Дуная и составлявшихъ Гетику или Дакию древнихъ историковъ. Онъ встрѣтилъ здѣсь „*туземное населеніе скивовъ, говорившихъ скивскимъ языкомъ*“. Этотъ скивскій языкъ, по словамъ Приска, отличался отъ языка грековъ, римлянъ и нѣмцевъ. *Сохранились только три слова скивскаго языка* времени Приска Панійскаго: *medos* — названіе скивскаго напитка, замѣнявшаго вино; *savos* — названіе другого скивскаго напитка, приготовлявшагося изъ ячменя, и *strava* — названіе скивской тризны, погребальнаго стола на могилѣ покойника. „*Эти слова до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ* и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Гетикѣ или Дакии половины V вѣка, *называемый Прискомъ скивскимъ языкомъ, былъ языкъ славянскій*“**). Прискъ Панійскій записалъ и нѣкоторыя другія этнографическія особенности скивовъ Дакии V вѣка, признавшей надъ собою власть Атилы. Сравненіе этихъ особенностей съ этнографическими чертами скивской народности, описанной Геродотомъ, привело историка Полевого къ совершенно вѣрному заключенію, по которому „въ скивахъ Геродотовыхъ уже замѣтны бытовыя черты, несомнѣнно славянскія; черезъ 1000 лѣтъ послѣ Геродота мы встрѣчаемъ въ разсказѣ византійца Приска еще болѣе опредѣлившійся типъ славянской народности“***).

Степень этнографическаго сродства народовъ должна соответствовать ихъ происхожденію, степени генетической близости. Славяноруссы языческой эпохи, будучи потомками скивовъ, должны отразить въ своей этнографіи типъ скивской народности времени Геродота, такъ какъ въ теченіе 1500 лѣтъ потомки не могли совершенно измѣнить этнографической фیزیоміи своихъ предковъ. Посмотримъ же, насколько сравненіе этнографическихъ особенностей древнихъ скивовъ и славяно-

---

*) См. приложение № 16.

***) См. Дестуниса, Сказ. Приска Панійскаго, 1860 г., стр. 46, 50; Гильфердинга, Собр. соч., 1868 г., I, стр. 5; Дринова, Заселеніе Балк. пол. славянами, 1873 г., стр. 68, 69.

****) П. П. Полевой, Ист. Рос. въ памятн. быта. Вып. I, стр. 95. Изд. 1897 г. См. приложение № 17.

руссовъ языческой эпохи соотвѣтствуетъ изложеннымъ нами историческимъ свидѣтельствамъ о единствѣ ихъ происхожденія.

Въ эпоху Геродота скиены-сколоты занимали области, лежавшія между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Дона. Скиеія имѣла видъ четырехугольника, каждая сторона котораго равнялась 20 днямъ дневного пути, а путь дневной у Геродота равнялся 200 стадіямъ; слѣдовательно, полагая въ верстѣ 6 стадій, протяженіе границъ Скиеіи заключало въ себѣ около 2500 верстѣ. Скиеія сколотовъ составляла одно государство, подвластное племени паралатовъ — царскихъ скиеовъ. Въ границахъ Скиеіи, подвластной паралатамъ, жили народы только двухъ этнографическихкихъ типовъ: скиены — туземцы и греки, основавшіе колонію на сѣверномъ побережьи Понта съ дозволенія скиеовъ.

Слово скиеъ у Геродота имѣетъ точный этнографическій смыслъ, обозначаетъ только народы одного происхожденія, одного языка, одной религіи, однихъ нравовъ и обычаевъ. Описывая сосѣдей скиескихъ племенъ, составлявшихъ государство скиеовъ-паралатовъ, Геродотъ всегда обозначаетъ — принадлежать они къ скиескому этнографическому типу или къ народамъ не скиескаго происхожденія*).

Народонаселеніе, составлявшее Скиеію — державу паралатовъ, дѣлилось на племена, прародителями которыхъ почитались верховный богъ, по имени Папай, и дочь рѣки Днѣпра, по народному вѣрованію родившіе Таргитая, перваго скиеа, бывшаго отцомъ трехъ сыновей — Липоксая, Арпоксая и Колаксая — родоначальниковъ скиескихъ племенъ: авхатовъ, катіаровъ, трапиевъ и паралатовъ. „Общее названіе всѣхъ скиеовъ, по имени царя ихъ, — сколоты; скиеами назвали ихъ эллины“ **).

Между этнографическими признаками первое мѣсто занимаетъ языкъ. Въ наукѣ не было бы вопроса о народности скиеовъ, если бы исторія

---

*) Такъ, напримѣръ, надъ скиеами-пахарями, обитавшими съ восточной стороны Днѣпра, „простирается обширная пустыня, за которой обитаютъ андрофаги, народъ особенный, вовсе не скиескій“. „Къ сѣверу отъ царскихъ скиеовъ (паралатовъ) земли заняты меланхленами, народомъ особымъ, не скиескимъ“. У аргипаевъ, жившихъ у подошвы Уральскихъ горъ, „языкъ особый, а одѣваются они по-скиески“. „Каллипиды представляютъ собою эллиновъ-скиеовъ“. Въ области будиновъ „одни говорятъ на скиескомъ языкѣ, другіе на эллинскомъ“. Исторія Геродота, кн. IV, гл. XVII, XVIII, XXIII, CVII.

***) Тамъ же, V и VI.

сохранила какой-либо памятникъ скинскаго языка, но языкъ древнихъ скиновъ остается почти совершенно неизвѣстнымъ. Шафарикъ, въ трактатѣ о скивахъ, какъ народѣ монголо-татарскаго происхожденія, коснувшись языка скиновъ, высказалъ слѣдующее: „объ языкѣ древнихъ скиновъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что до насъ дошло только нѣсколько скинскихъ словъ, большею частью личныхъ именъ, искаженныхъ греческимъ произношеніемъ“. Сравнивая далѣе сохранившіяся слова скинскаго языка съ языками индо-европейскими, Шафарикъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „удивительно, что даже при самомъ поверхностномъ знаніи языковъ зендскаго, мидскаго и персидскаго замѣчается ясное и разительное сродство скинскихъ словъ съ языкомъ зендскимъ и мидскимъ“*).

Такимъ образомъ, Шафарикъ, главный пропагандистъ теоріи, отрицающей родство скиновъ со славянами, обратившись къ скинскому языку, какъ средству доказательства монголо-татарскаго происхожденія скиновъ, пришелъ къ цѣли противоположной. По его собственнымъ сравненіямъ оказывается, что *скивы эпохи Геродота говорили языкомъ индо-европейскимъ*. Къ тому же заключенію о языкѣ скиновъ эпохи Геродота привели новѣйшія изслѣдованія Боргмана, Мюлленгофа, Раулинсона, Куна и Григорьева**).

На очереди сталъ вопросъ: какому изъ языковъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ арійскаго происхожденія наиболѣе сродны сохранившіяся слова скинскаго языка времени Геродота? Будемъ ждать отвѣта на этотъ вопросъ отъ представителей науки сравнительнаго языковеденія, а пока передъ нами изслѣдованіе В. В. Григорьева, по выводамъ котораго: „сохранившіяся слова языка арійскихъ скиновъ-саковъ, одноплеменныхъ съ надпонтійскими скинами эпохи Геродота, *наиболѣе близки языку славянскому*“***).

Въ религіи скиновъ и славяноруссовъ много общаго. Геродотовы скивы и славянорусы послѣднихъ столѣтій язычества одинаково поклонялись огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и

*) См. приложение № 18.

***) См. Боргмана, *Les Scythes etc.*, изд. II, стр. IX и слѣд.; Мюлленгофа, *Ueber d. Herkunft und Sprache pont. Scythen u. Sarmaten*, въ „*Monat. B. d. Ac. zu Berlin*“, August 1866; Раулинсона, *History of Herodotus*; Куна, *Forschungen im Gebiet der alten Völkerkunde*, I. Die Skythen, 1871. Berlin; В. Григорьева, *О скинскомъ народѣ савахъ*, изд. 1871 г.

****) См. В. Григорьева, *О скинскомъ народѣ савахъ*, стр. 3 и слѣд.

людьми*). Скиѣы и славяноруссы не имѣли храмовъ, поклонялись своимъ богамъ только посредствомъ жертвоприношеній и особенно почитали бога войны; не имѣли специальныхъ служителей богамъ, класса жрецовъ, но имѣли многочисленный классъ гадателей — знахарей, волхвовъ, кудесниковъ, прорицаніямъ которыхъ безусловно повиновались, такъ какъ, по народнымъ вѣрованіямъ, гадатели владѣли способностью узнавать волю боговъ**)

Описывая скиѣскія жертвоприношенія, Геродотъ говоритъ слѣдующее: „способъ жертвоприношенія у всѣхъ скиѣовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же и состоитъ въ слѣдующемъ: ставится жертвенное животное со связанными передними ногами; позади его стоитъ жертвоприноситель, который тянетъ къ себѣ конецъ веревки и такимъ образомъ опрокидываетъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взываетъ къ тому божеству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ быстро накидываетъ петлю на шею животного, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавли-

*) По Геродоту, скиѣы поклонялись Гистіи (по-скиѣски Табити), Зевсу (Папай), Геѣ (Апи), Аполлону (Гойтосиръ), Афродитѣ-Ураніи (Аргимпаса), Гераклу и Арею. Только приморское племя паралатовъ почитало еще Посейдона (Θαγίμασαδα). См. Ист. Геродота, кн. IV, гл. 59. Тѣхъ же боговъ (за исключеніемъ Посейдона) подъ именами Сварога, Хорса, Дажьбога, Матери-сырой земли, Волоса, Перуна и Егорія Храбраго почитали славянорусскія племена въ эпоху язычества. См. Бестужева-Рюмина, Русская исторія, т. I, гл. I, стр. 11—16, изд. 1872 г.

**) „Скиѣы не имѣютъ обыкновенія ставить божествамъ кумиры и сооружать храмы, за исключеніемъ Арея... въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ“. Исторія Геродота, кн. IV, гл. 59 и 62. — „Были ли у насъ храмы? Лѣтописецъ о храмахъ у русскихъ-славянъ не упоминаетъ“. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, стр. 31. — „Заутра присла Игорьъ слы, и приде на холмъ, вѣдъ стояше Перунъ...“ П. С. Р. Л., I, 23, 34, 50. — „Гадателей у скиѣовъ много... Въ случаѣ болѣзни скиѣскій царь приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей...“ Исторія Геродота, кн. IV, гл. 67 и 68. — „Что касается до волхвовъ (у славянъ), то это были гадатели, но никакъ не жрецы“. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 22. — „Есть у славянъ изъ среды ихъ врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они принести въ жертву творцу ихъ что ни вздумается: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ, не исполнить его приказанія нельзя никоимъ образомъ“. Сказаніе о славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даства. Изд. Д. А. Хвольсона. 1869 г., гл. VI, § 9, стр. 38. Ср. П. С. Р. Л., т. I, стр. 16, 75—78.

ваетъ жертву“ *). Эти способы опрокидывать и удавливать (накрутка) крупныхъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ практикуются въ Малороссіи мѣстными коновалами и крестьянами.

Къ области религіи языческихъ народовъ принадлежатъ погребальныя обычаи. Древніе индо-европейскіе народы отличались особеннымъ уваженіемъ къ праху покойниковъ и хоронили мертвыхъ при обычаяхъ и обрядахъ, по отношенію къ которымъ они являются особенно консервативными. Особый консерватизмъ въ этой области древняго права былъ слѣдствіемъ вѣрованія, по которому уклоненіе отъ установленныхъ издавна погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ могло отразиться на благополучіи будущей жизни мертвеца и вызвать съ его стороны мщеніе оставшимся въ живыхъ родственникамъ. Благодаря такому консерватизму погребальнаго права, скиѣскіе обычаи погребенія покойниковъ домо сохранялись славянами, а отчасти наблюдаются и въ настоящее время.

По Геродоту, по смерти скиѣскаго царя, его тѣло бальзамировали, а потомъ везли на колесницѣ по землямъ народовъ, состоявшихъ подъ властью царя, до земли герровъ, въ которой находилось кладбище или гробницы царей. Скиѣскія племена, встрѣчавшія трупъ царя, „отрѣзывали себѣ часть уха, обрѣзывали волосы, дѣлали себѣ на рукахъ порѣзы, царапали лобъ и носъ и лѣвую руку прокалывали стрѣлами“ **). По свидѣтельству Ибнъ-Даста, славянскія женщины, когда случится у нихъ покойникъ, „царапаютъ себѣ ножомъ руки и лица“ ***). Въ „Житіи князя Константина Муромскаго“ говорится слѣдующее: когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то „невѣрные людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе; яко погребаему сущу сыну самодержцеву, князю Михаилу, во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы вверхъ холмомъ не сыпаху, но ровно съ землею; ни тризница не дѣяху, ни битвы, ни кожикроенія не творяшеса, ни мщедранія, ни плача безмѣрнаго; и о томъ безумніи ругахуся“ ****),

*) Исторія, кн. IV, гл. 60.

**) Исторія, кн. IV, гл. 71.

***) См. Хвольсона, Извѣстія Ибнъ-Даста о слав. и рус., стр. 29; Гаркави, Сказ. мусульм. писат., стр. 264.

****) А. Котляревскій, въ сочиненіи: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ (изд. 1868 г., стр. 126—128), за приведеннымъ въ текстѣ извѣстіемъ, говоритъ слѣдующее: „Житіе Константина Муромскаго представляетъ весьма древнее, можетъ быть, современное введенію

По Геродоту, „въ обширной четырехугольной могильной ямѣ клали трупъ скинскаго царя, а возлѣ него хоронили *одну изъ его женщинъ*, предварительно задушивши ее, а также *виночерпня, конюха, близкаго слугу, вѣстовщика...*“*). Тотъ же обычай соблюдался у славянъ позднѣйшей эпохи язычества: „славяне, говоритъ славянская хроника, сожигаютъ тѣла своихъ государей, а вмѣстѣ съ ними сожигаютъ *рабовъ* обоюгаго пола, ихъ *женъ и вѣсхъ тѣхъ, которые находятся при особѣ государя: секретаря, визиря, любимца и лькаря*“**). По Геродоту, надъ могилою скины устраивали *земляную насыпь*, прилагая старанія къ тому, чтобъ она вышла какъ можно больше; *по прошествіи года*, скины справляли поминки покойнаго царя *на его могилѣ*, принося ему въ жертву 50 скинскихъ всадниковъ***). По свидѣтельству Ибнъ-Даста, „славяне *черезъ годъ* по смерти покойника“ поминали его „*на могильномъ холмѣ*“ тризною, глядя по средствамъ родственниковъ покойнаго****). Годичный поминальный столъ славянскихъ народовъ настоящаго времени, не согласный съ духомъ христіанскаго ученія, по всей вѣроятности, представляетъ собою остатокъ годичнаго поминовенія покойника скинской эпохи. По Геродоту, „что касается прочихъ скиновъ“ (не царей), „то въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ нихъ, ближайшіе родственники кладутъ покойника на повозку и везутъ къ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ для сопровождающихъ покойника обильный пиръ, при чемъ *отъ вѣсхъ угощений удѣляется часть и покойнику*. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе 40 дней, а потомъ хоронятъ†). У русскихъ и польскихъ крестьянъ настоящаго времени повсемѣстно распространено вѣрованіе, по которому *душа покойника въ теченіе 40 дней не оставляетъ земли*, посѣщаетъ оставленное тѣло и домъ, въ которомъ разсталась съ нимъ. Въ теченіе этого срока *душа можетъ псть и пить*. Во многихъ мѣстностяхъ выставляютъ для души покойника, обыкновенно на окно, а иногда „на покутъ“, подъ образами, различныя кушанья, блины, медъ, воду и прочее, въ предположеніи,

---

христіанства свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ русскихъ славянъ“.

*) Исторія, IV, 71.

**) См. В. Макушева, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, 1860 г., стр. 141, примѣч. 19.

***) Исторія, IV, 72.

****) Хвольсонъ, 29; Гаркави, 265.

†) Исторія, IV, 73.

что душа, посѣщая въ теченіе 40 дней оставленный ею домъ, питается выставленными для нея предметами*). Повсемѣстно также у русскихъ крестьянъ и другихъ славянскихъ народовъ соблюдается нынѣ или практиковался до новѣйшаго времени обычай поминовенія покойника обѣденнымъ столомъ *въ сороковой день* послѣ его смерти, когда, по народнымъ вѣрованіямъ, душа, оставляя землю окончательно улетаетъ на небо.

Обычаи изъ области публичнаго и гражданскаго права древнихъ скиеовъ намъ мало извѣстны. Тѣмъ не менѣе въ томъ, что извѣстно, мы встрѣчаемъ черты ближайшаго сродства скиеовъ и славяноруссовъ. По Геродоту, „кого царь казнить, того *и дѣтей* не оставляетъ въ живыхъ, но все мужское поколѣніе осужденнаго предается казни“**); по Русской Правдѣ, „разбойникъ осуждается на потокъ и разграбленіе вмѣстѣ *съ его дѣтьми*“***). По Геродоту, скиеъ, обтянувши черепъ непріятели кожей или покрывши золотомъ, употребляетъ его вмѣсто чаши; „такъ поступаютъ скиеы и съ черепами одноплеменниковъ, въ случаѣ тяжбы между ними и *когда обвинитель одерживаетъ верхъ надъ обвиняемымъ въ присутствіи царя*. Такой черепъ скиеъ показываетъ уважаемымъ гостямъ, при чемъ напоминаетъ, что это былъ его одноплеменникъ, *вступившій съ нимъ въ борьбу*, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ“****). Левъ Діаконъ Калойскій, въ свидѣтельствѣ о происхожденіи руссовъ времени Святослава отъ скиеовъ времени царя Анахарсиса, говоритъ слѣдующее: „тавроскиены *и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои тяжбы убійствомъ и кровію*“ (*ῥόνφ γὰρ εἰσέτι τὰ νῦν Ταυροσκήται διακρίνεν εἰσθάσι*)†). О судебномъ поединкѣ у славяноруссовъ X вѣка говоритъ также арабскій писатель Ибнъ-Даста: „если кто изъ руссовъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его *на судъ къ царю*, передъ которымъ и препираются; когда царь произ-

---

*) Въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губернии, крестьянскіе дома, живущіе по старинѣ, тщательно наблюдаютъ за ежедневною убылью жидкости въ сосудѣ, выставленномъ на окно, для утоленія жажды покойника, и, смотря по количеству убыли, заключаютъ, посѣщаетъ ли душа оставленный ею домъ или не посѣщаетъ, а также довольна она своими родственниками или недовольна.

***) Исторія, кн. IV, гл. 69.

****) Списокъ Троицкій, ст. 5; см. Карамзинскій, ст. 5.

†) Исторія, IV, 65.

‡) Leo Diaconus, IX, стр. 150. Ed. Bonnae.

несетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ рѣшить. Если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, *должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію*: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ“*). „Выдача головою“, потерявъ строгій смыслъ скиѣской эпохи, сохранялась въ Россіи даже въ московскую эпоху**). По Геродоту, скиѣны утверждали клятвенный договоръ слѣдующимъ образомъ: „въ глиняную чашу наливается *вино*, а къ нему примѣшивается *кровь договаривающихся* (при чемъ дѣлаютъ они уколы шиломъ или небольшіе разрѣзы ножомъ на тѣлѣ); потомъ погружаютъ въ чашу *мечъ, стрѣлы, скиру и метательное копье*. Совершивши это, они молятся, а потомъ пьютъ какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ“***). У славяноруссовъ X вѣка участіе оружія также признавалось необходимымъ условіемъ клятвы, утверждавшей договоръ. Князь Олегъ и мужи его „по русскому закону *кляшася оружіемъ своимъ*“; „призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, покладоша *оружье* свое и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его елико поганыхъ руси“****). По понятіямъ русскихъ крестьянъ нашего времени, каждую договорную сдѣлку необходимо *запить виномъ* (могорычъ, *litcup*), а самая важная сдѣлка, договоръ съ чортомъ, скрѣпляется не иначе, какъ при участіи *крови* договаривающагося.

Этнографическое сродство древнихъ скиѣовъ и позднѣйшихъ славянъ выражается также въ наружности и предметахъ внѣшней обстановки быта.

Наружность древнихъ скиѣовъ, изображенная на сосудахъ, бляхахъ, перстняхъ, монетахъ, открытыхъ въ скиѣскихъ могилахъ, будучи несомнѣнно индо-европейскою, *приближается всего болѣе къ типу славянорусскому*†).

Слѣдовательно, скиѣо-славянская этнографія соотвѣтствуетъ историческимъ свидѣтельствамъ о происхожденіи славяноруссовъ IX и X столѣтій отъ древнихъ припонтійскихъ скиѣовъ. Во всѣхъ сферахъ этнографіи мы нашли несомнѣнные признаки родства между скиѣами и

---

*) См. Гаркави, Сказ. мус. писателей о славянахъ и руссахъ, 1870 г., стр. 269.

**) См. Д. И. Иловайскаго, Розыск. о началѣ Руси, 1-е изд., стр. 21.

***) Исторія, IV, 70.

****) П. С. Р. Л., I, 13 и 23.

†) См. приложение № 19.

славяноруссами. Изложенныя историческія и этнографическія доказательства происхожденія славянъ отъ скиѳовъ превращаютъ богатыя сказанія древнихъ историковъ о скиѳахъ и родственныхъ имъ сарматахъ въ средства познанія условій домашней и общественной жизни нашихъ предковъ, наравнѣ съ извѣстіями о венетахъ, антахъ, склавинахъ, сакахъ, саклабахъ, руссахъ и славянахъ.

ГЛАВА III.

Методъ научной разработки лѣтописныхъ матеріаловъ. Литературныя воззрѣнія по этому вопросу. Требования научной критики лѣтописныхъ сказаній.

По отношенію къ методу научной разработки лѣтописныхъ матеріаловъ, въ исторіи литературныхъ воззрѣній различаются два періода, разграниченныхъ ученіемъ историка Погодина.

Сущность воззрѣній ученыхъ *перваго періода*, по отношенію къ начальному русскому лѣтописному своду, выражается въ слѣдующихъ словахъ историка *Татищева*: „*Несторъ* преподобный видно довольно, что *немного ученъ былъ*... всѣ манускрипты, колико я въ рукахъ моихъ имѣлъ, хотя *Несторово* начало имѣютъ, но въ продолженіи *ни единъ съ другимъ точно не сходенъ*: въ одномъ то, въ другомъ другое прибавлено или сокращено; иное пропущено, или потеряно; индѣ обстоятельство невѣроятное прибавлено“*) Такое *признаніе недостатковъ Начальной русской лѣтописи обусловило собою требованія ученой критики*. По мнѣнію *Татищева*: „чтобъ яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю исторіи нужно съ прилежаніемъ разсмотрѣть, *чтобъ басенъ за истину не принять, для чего науку критики не безнужно*“**).

Согласно съ воззрѣніемъ *Татищева*, по мнѣнію *Шлёцера* и вообще ученыхъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій, „лѣтопись *Нестора* дошла до насъ во множествѣ списковъ, со многими искаженіями первоначальнаго подлинника, со множествомъ описокъ, сокращеній, прибавленій и сказокъ“***). Отсюда, по мнѣнію *Шлёцера*, *Несторову* лѣтопись необходимо подвергнуть тремъ критическимъ операціямъ: „*надлежитъ изслѣдовать, во-первыхъ, чтѣд Несторъ писалъ дѣйствительно?* Ему ли принадлежитъ такое-то слово (иногда, такая-то

*) Ист. Рос., I, Введеніе, стр. XV, XXIV, 24, 55.

**) Тамъ же, стр. IX.

***) Шлёцеровскій „*Несторъ*“, Введеніе, § 20.

буква), такая-то строка, такое-то цѣлое мѣсто? Во-вторыхъ, *что лѣтописецъ разумѣлъ подѣ сказаннымъ?* Вѣроятно, онъ употреблялъ реченія и слова, которыя по истеченіи 700 лѣтъ не всякому уже понятны, ибо слова возникаютъ, цвѣтутъ и исчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ. Наконецъ, въ-третьихъ, правильно ли то или другое сужденіе, вѣренъ ли тотъ или другой рассказъ лѣтописца? *Историческое происшествіе онъ повѣствуетъ или сказку?**

„Скептическая школа“, отвѣчая отрицательно на первый и третій вопросы критики Шлёцера по отношенію ко всему содержанію „Несторовой лѣтописи“, объявила баснословными свѣдѣнія о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, построенныя на сказаніяхъ этого источника. По словамъ Каченовскаго: „наша Начальная лѣтопись представляетъ собою позднѣйшую компиляцію, составленную въ XIII или XIV вѣкѣ, въ которой историческія извѣстія перемѣшаны съ нелѣпыми баснями и выдумками... Если и допустимъ принадлежность этой лѣтописи Нестору, то и тогда отъ основанія русскаго государства, или отъ призванія Рюрика, до перваго нашего лѣтописца протекло слишкомъ два вѣка; древнѣйшія извѣстія лѣтописи основаны на измѣнчивыхъ народныхъ преданіяхъ, на поэтическихъ вымыслахъ, свойственныхъ всѣмъ младенческимъ народамъ“. Слѣдовательно, по мнѣнію Каченовскаго, „мы должны признаться, что въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи много баснословнаго, что она недостоверна... Чтобы преобразовать науку о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, должно исторію русскихъ славянъ сообразовать съ исторіею славянъ вообще, должно принять въ соображеніе всеобщій ходъ политическаго и гражданскаго образованія въ Европѣ; должно, наконецъ, прежде всего критически и безпристрастно оцѣнить домашнія и внѣшнія историческія и географическія извѣстія, относящіяся къ первымъ временамъ бытія русскаго народа, согласить противорѣчія, въ нихъ находящіяся, и изслѣдовать ихъ источники“**)

Противъ приведеннаго воззрѣнія на недостатки Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода и метода его научной разработки возсталъ историкъ Погодинъ.

На вопросъ: „въ какомъ видѣ дошла до насъ Несторова лѣтопись?“ Погодинъ отвѣчаетъ: „объ этомъ я имѣю мнѣніе, еретически противо-

*) Тамъ же, I, стр. 395 и сл.

**) „Ученыя Записки Моск. Универс.“ 1833 г., № 3, стр. 683 и слѣд.; № 11, стр. 285, и слѣд.; „Вѣстникъ Европы“ 1828 г., № 11, стр. 47.

положное мнѣнію Шлёцера и Стриттера, Миллера и Карамзина, Шимковскаго и Строева, Калайдовича и Арцыбашева, словомъ, противоположное мнѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей. Я утверждаю, что *лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ она написана первымъ своимъ сочинителемъ*. Да, въ большихъ грѣхахъ нельзя винить переписчиковъ. Всѣ такъ называемыя значительныя древнихъ списковъ вставки принадлежатъ самому Нестору^{*)}. Эго воззрѣніе авторъ доказываетъ ссылкой на одинаковый порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ главнѣйшія сказанія въ древнѣйшихъ спискахъ Начальной лѣтописи, и утверждаетъ, что всѣ эти сказанія принадлежали Несторову подлиннику, а противорѣчія и повторенія въ извѣстіяхъ второстепенныхъ доказываютъ только, что до Нестора существовали въ Россіи краткія погодныя записки, которыми „пользовался Несторъ и вставлялъ въ нихъ все, что онъ самъ зналъ и что казалось ему любопытнымъ“^{**}). Эта аргументація не убѣдительна; самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія о „Лѣтописи Нестора“ указываетъ на существованіе въ сохранившихся ея спискахъ позднѣйшихъ сказокъ, поправокъ и порчи первоначальнаго текста позднѣйшими переписчиками^{***}). Между тѣмъ, уклонившись отъ воззрѣнія своихъ предшественниковъ на недостатки сохранившихся списковъ Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода, Погодинъ уклонился также и отъ метода ученой обработки лѣтописныхъ матеріаловъ, намѣченнаго Татищевымъ и развитаго Шлёцеромъ. „Методъ“, говоритъ Погодинъ, „я слѣдую постоянно одной: — собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, сличать ихъ между собою, объяснять и потомъ уже выводить, сколько можно математически, заключенія объ его сущности и значеніи. Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что эготъ путь есть единственный, ведущій прямо къ дѣли, а прочіе увлекаютъ въ сторону, или, по крайней мѣрѣ, замедляютъ успѣхъ“^{****}).

Въ „математическомъ“ методѣ Погодина недостаетъ того, что Шлёцеръ называлъ „малою критикою“ и „вышею критикою“ или „критикою дѣлъ“, то-есть операций, направленныхъ къ возстановленію первоначальнаго текста лѣтописныхъ сказаній и повѣркѣ свѣдѣній лѣтописца. Усвоивъ взглядъ на лѣтопись, какъ на памятникъ, дошедшій

^{*)} „Изслѣд. зам. и лекціи“, I, стр. 74—86.

^{**}) Тамъ же, стр. 90—92.

^{***}) Тамъ же, стр. 18 и слѣд., 85, 86 и др.

^{****}) Тамъ же, IV, предисл., стр. V.

до нашего времени „въ чистомъ видѣ“, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ сочинителя, *Погодинъ не видитъ необходимости въ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ возстановленію древнѣйшаго текста летописныхъ сказаній*, и, можно сказать, рабски подчиняется буквальному ихъ смыслу. Пропагандируя въ теченіе сорока лѣтъ съ исторической кафедрой Московскаго университета свое воззрѣніе на достоинства и методъ разработки сказаній Нестора, Погодинъ имѣлъ вліяніе на позднѣйшихъ историковъ, его учениковъ, *и успѣлъ доставить своему воззрѣнію господство въ исторической литературѣ своего времени.*

Вѣрность научнаго метода изслѣдованій выражается въ его результатахъ. По оцѣнкѣ историка Соловьева, результаты изслѣдованій Погодина, относящихся къ древнѣйшему періоду русской исторіи, являются вполне лишенными фактическихъ основаній, представляютъ собою односторонній наборъ фактовъ, подведенныхъ подъ невѣрную схему, заимствованную у Шлёцера*). Но методъ изслѣдованій, опирающійся на летописныя сказанія, безъ предварительнаго анализа ихъ содержанія и исторической достовѣрности, повредилъ историческимъ работамъ не одного Погодина**).

---

*) См. Соловьѣва, *Исторія Россіи*, I, стр. 310, прим. 437; Д. Самовасова, *Изслѣд. ист. рус. права*, вып. I, гл. III, изд. 1896.

***) Такъ, напримѣръ, историкъ Соловьѣвъ, основательно доказывая, что извѣстіе Нестора: „радимичи, витичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто...“ не должно быть понимаемо буквально, какъ его понималъ Погодинъ, довѣрился другому свидѣтельству Нестора, по которому: „полянѣмъ же, живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, и живяху каждо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ“, и построилъ на немъ теорію родового быта древнерусскихъ славянъ, какъ на свидѣтельствѣ вполне ясномъ и точномъ. Цѣлая система выводовъ построена на этомъ извѣстіи, какъ на аксіомѣ. Но анализъ приведеннаго свидѣтельства, представленный Аксаковымъ, доказалъ, что оно не имѣетъ того смысла, въ какомъ было понято Соловьѣвымъ, и не служитъ въ пользу его теоріи. Тамъ же, гл. V, стр. 77 и сл. Въ свою очередь славянофилы, опровергая основательно аргументацію родовой теоріи, создали одностороннюю теорію общиннаго быта древнерусскихъ славянъ, опираясь на летописныя свидѣтельства о древнеславянскихъ вѣчахъ и городахъ, произвольно ими понятыхъ. Доказывая, что славяноруссы не стояли въ эпоху призванія Рюрика на степени гражданственности дикарей, у которыхъ отецъ семейства является верховнымъ владыкою въ обществѣ, славянофилы, опираясь на извѣстіяхъ летописи о городахъ и вѣчахъ, выставили понятіе общины,

Приступающій къ изученію древнихъ лѣтописныхъ свѣдѣній о бытѣ и нравахъ нашихъ предковъ прежде всего нуждается въ рѣшеніи слѣдующаго вопроса: *какими правилами должно руководствоваться при научной разработкѣ лѣтописныхъ матеріаловъ въ предупрежденіе заблужденій въ пониманіи истиннаго значенія лѣтописныхъ свидѣтельствъ?*

Цѣль историка-юриста состоитъ въ познаніи исторической дѣйствительности, въ познаніи дѣйствительно бывшихъ политико-юридическихъ учреждений и отношеній. На пути къ этой цѣли *изучающій содержаніе древнихъ письменныхъ памятниковъ встрѣчаетъ препятствія, являющіяся слѣдствіями порчи свидѣтельствъ древнихъ авторовъ позднѣйшими переписчиками, измѣненія языка во времени и заблужденій древнихъ историковъ.* Отсюда вытекаютъ требованія научной критики, направленныя къ возстановленію первоначальнаго текста, истиннаго смысла и достовѣрности сказаній древнихъ писателей.

Въ наше время книги распространяются въ обществѣ посредствомъ печати, дающей сотни и тысячи экземпляровъ сочиненія, совершенно одинаковыхъ, въ которыхъ опечатки представляютъ сравнительно ничтожное уклоненіе отъ подлинника рукописи сочинителя. *Въ древности книги распространялись въ обществѣ только посредствомъ рукописанія. Какъ бы ни былъ аккуратенъ переписчикъ, въ переписанной книгѣ всегда найдется большее или меньшее количество описокъ, пропусковъ и повтореній.* Съ теченіемъ времени подлинники сочиненій старѣютъ, ветшаютъ, такъ что списать точно ихъ содержаніе трудно, а иногда и невозможно. Монахъ Лаврентій, составившій древнѣйшій текстъ

какъ форму соціального быта, существенными признаками которой являются народное собраніе, въ смыслѣ высшаго органа политической власти въ обществѣ, и городъ, въ смыслѣ политическаго и промышленнаго центра общинной территоріи. Но при этомъ упущено изъ виду рѣшеніе вопроса, дѣйствительно ли вѣча и города славяноруссовъ имѣли то значеніе, какое усматривали въ нихъ основатели общинной теоріи. Вѣча, въ смыслѣ общественныхъ совѣщаній, и города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній, составляютъ не только обыкновенныя, но необходимыя явленія соціальной жизни дикарей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи. Вопросъ науки нашего времени не въ томъ, были ли у древнерусскихъ славянъ вѣча и города, а въ томъ, какое значеніе имѣли эти учрежденія; но на рѣшеніи вопросовъ, какой смыслъ имѣютъ слова „вѣче“ и „городъ“ въ Начальномъ русскомъ лѣтописномъ сводѣ вообще и въ конкретныхъ извѣстіяхъ, славянофилы не останавливались.

свода суздальскихъ лѣтописей, о матеріалахъ и недостаткахъ, своего труда выражается такъ: „и нынѣ, господа отцы и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны“*). Съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени подлинники древнихъ сочиненій утрачиваются, уничтожаются временемъ. Сочиненія классическихъ и древнѣйшихъ средне-вѣковыхъ писателей сохранились до насъ въ рукописяхъ, часто отдѣленныхъ отъ несохранившихся подлинниковъ многими сотнями лѣтъ. Рукописныя копіи, въ свою очередь, служили оригиналами для переписчиковъ позднѣйшихъ временъ. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ рукописи древнихъ авторовъ подвергались большому и большому измѣненіямъ. Отсюда, сочиненія древнихъ писателей, сохранившіяся до нашего времени, представляютъ собою не подлинники, а копіи со многими описками, сокращеніями и вставками, внесенными въ первоначальные тексты памятниковъ позднѣйшими ихъ переписчиками. Въ такомъ видѣ дошли до насъ и сочиненія древнихъ писателей, сообщающія свѣдѣнія объ условіяхъ жизни нашихъ предковъ отъ исторіи Геродота до русскихъ лѣтописныхъ сводовъ**).

Слѣдовательно, *первая задача историка* нашего времени, приступающаго къ познанію условій жизни славяноруссовъ, напимѣръ по свидѣтельствамъ Нестора, состоитъ въ рѣшеніи вопроса, *что лѣтописецъ написалъ дѣйствительно*, ему ли принадлежитъ данное извѣстіе, или позднѣйшему переписчику? Рѣшить этотъ вопросъ — значитъ *возстановить первоначальный, подлинный текстъ сказаній лѣтописца*, очистить подлинникъ его свѣдѣній отъ позднѣйшихъ описокъ, ошибокъ, поправокъ и вставокъ, сдѣланныхъ переписчиками. Средствомъ рѣшенія

*) П. С. Р. Л., I, 209.

**) Напр., сличая по различнымъ спискамъ лѣтописное сказаніе о призваніи Рюрика новгородцами, мы находимъ, что въ однихъ спискахъ сказано: „вста родъ на родъ“, а въ другихъ: „вста городъ на городъ“; въ однихъ спискахъ: „идоша въ руси“, а въ другихъ: „идоша изъ руси“; въ однихъ спискахъ: „рѣша руси, чюдъ, словѣни и кривичи“, а въ другихъ: „рюша русь, чудъ, словенѣ, кривичи и вѣсь“; одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика въ новгородской землѣ, а другіе — Новгородъ; одни списки говорятъ о борьбѣ новгородцевъ съ Рюрикомъ по смерти Синеуса и Трувора, а другіе не упоминаютъ объ этой борьбѣ и т. д. Такія же разнорѣчія между текстами переписчиковъ встрѣчаются на каждомъ шагу при сличеніи дошедшихъ до насъ списковъ сочиненій древнихъ писателей отечественныхъ и иноземныхъ.

этой задачи может служить только дословное *сличение текстовъ лѣтописныхъ сказаній по сохранившимся спискамъ, какъ древнѣйшимъ, такъ и позднѣйшимъ*. Результатомъ сравненія списковъ должно быть разграниченіе древнѣйшаго текста и новѣйшаго, отдѣленіе написаннаго лѣтописцемъ въ началѣ XII вѣка отъ написаннаго переписчиками въ послѣдующія времена*)

Сочиненія древнихъ авторовъ, относящіяся къ исторіи нашихъ предковъ, были написаны за сотни и тысячи лѣтъ до нашего времени. *Въ древности многимъ словамъ* (законъ, царь, князь, городъ, село, миръ

*) Такъ, напримѣръ, всѣ списки Начальнаго кievскаго лѣтописнаго свода заключаютъ въ себѣ рассказъ о призваніи Рюрика новгородцами, при чемъ одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика въ новгородскихъ владѣніяхъ, другіе — Новгородъ, а третьи содержатъ пропускъ названія города, въ которомъ сѣлъ первоначально Рюрикъ. Въ спискѣ Никоневскомъ говорится: „поидоша изъ нѣмецъ три браты со всѣмъ родомъ своимъ, Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. И бысть Рюрикъ старѣйшина въ Новгородъ, а Синеусъ старѣйшина въ Бѣлозеръ, а Труворъ въ Изборцъ“; въ спискѣ Архангельскомъ: „придоша князи нѣмецкія на Русь княжити, три браты, первый Рюрикъ сѣде въ Новгородъ, и оттолѣ нарѣченъ бысть Новградъ великій, а братъ его второй Синеусъ сѣде въ Бѣлозеръ; третій Труворъ сѣде въ Изборску, а то нынѣ пригородокъ псковской, а тогда былъ въ кривичахъ большій городъ“; въ спискахъ Кѣнигсбергскомъ, Ипатскомъ и Гуетинскомъ: „и избрашася три брата съ роды своими, и пояша по себѣ всю русь и придоша къ словѣномъ, первѣе срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладозѣ старѣйшій Рюрикъ, а другой Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Труворъ въ Изборскѣ“; въ спискахъ Лаврентьевскомъ и Троицкомъ: „и избрашася 3 брата съ роды своими, пояша по себѣ всю русь и придоша: старѣйшій Рюрикъ, а другой Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Изборскѣ Труворъ“, при чемъ въ Троицкомъ спискѣ предъ пропускомъ надъ именемъ Рюрика написано „Нов“. Такимъ образомъ, сравненіе различныхъ списковъ открываетъ намъ несомнѣнность первоначальнаго текста лѣтописнаго сказанія о призваніи Рюрика и его прибытіи въ новгородскія владѣнія, потому что объ этомъ говорятъ одинаково всѣ списки. Затѣмъ является вопросъ: было ли въ Несторовомъ подлинникѣ Начальнаго свода извѣстіе о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Новгородъ? То же сравненіе различныхъ списковъ показываетъ, что въ подлинникѣ Несторова свода стояло выраженіе: „сѣде старѣйши въ Ладогѣ Рюрикъ“, а не „старѣйши Рюрикъ сѣде въ Новгородъ“. Ср. Карамзина, *Ист. гос. рос.*, I, примѣч. 278; П. С. Р. Л., I, стр. 8. Издатели Лаврентьевскаго списка дополнили вышесказанный пропускъ вставкою выраженія: „старѣйши Рюрикъ сѣде въ Новгородъ“, взятаго не изъ древнѣйшихъ списковъ, а изъ новѣйшаго — Архангельскаго.

и т. д.) соответствовали понятія, совершенно отличныя отъ понятій, связываемыхъ съ ними въ наше время*). Многія слова (укладъ, прѣ, ужа, мытъ, вѣче, челядь, задница, отморшина и т. д.) давно уже вышли изъ употребленія и въ живомъ языкѣ замѣнены другими словами. Слова, измѣнившія древнее значеніе, и слова мертвыя, вышедшія изъ употребленія, дѣлаютъ многія извѣстія древнихъ писателей непонятными въ наше время и допускающими различныя толкованія. Отсюда, за восстановленіемъ первоначальнаго, подлиннаго текста лѣтописныхъ сказаній, за критическою очисткою ихъ отъ позднѣйшихъ вставокъ, поправокъ и описокъ, предъ изслѣдователемъ открывается новая задача, состоящая въ рѣшеніи слѣдующаго вопроса: слова и выраженія лѣтописныхъ сказаній, которыхъ древность и подлинность несомнѣнны, обозначаютъ современныя намъ понятія или имъ соответствовали въ древности другія представленія? Средствомъ рѣшенія этого вопроса служитъ сопоставленіе и критическое сравненіе свидѣтельствъ источниковъ, заключающихъ въ себѣ слова и выраженія, опредѣляющія истинный смыслъ содержанія лѣтописнаго извѣстія, подлежащаго критическому анализу. *Восстановленіе истиннаго смысла историческихъ сказаній ведетъ къ познанію возрѣвнѣй или свѣдѣннѣй древнихъ историковъ, то-есть къ познанію историческихъ фактовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись древнимъ сочинителямъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ**).*

*) „Les mots sont plus durables, que les choses qu'ils représentent; ils se perpetuent, mais pour exprimer des idées nouvelles, des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société“. Laurent, Hist. du droit de gens, VII, 546.

***) Такъ, напримѣръ, сличеніе дошедшихъ до насъ списковъ Начальнаго лѣтописнаго свода ведетъ къ заключенію, что въ первоначальномъ его подлинникѣ было извѣстіе о построеніи Рюрикомъ города Новгорода надъ Волховомъ по смерти Синеуса и Трувора, такъ какъ объ этомъ фактѣ сообщаютъ одинаково всѣ древнѣйшіе списки, за исключеніемъ одного, въ которомъ это извѣстіе пропущено. (Въ спискахъ Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ читаемъ: „прія Рюрикъ власть всю одинъ, и пришедъ ко Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша ѣ Новгородъ“; въ спискахъ Радзивиловскомъ и Троицкомъ: „прія всю власть Рюрикъ одинъ и пришедъ ко Ильмерю и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новгородъ“; въ списокъ Лаврентьевскомъ извѣстіе о построеніи Новгорода пропущено). Но если мы придадимъ слову городъ въ лѣтописи тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ въ позднѣйшее время, то получимъ два противорѣчащихъ другъ другу свидѣтельства одного и того же источника объ одномъ и

Въ сочиненіяхъ, излагающихъ условія политико-юридической жизни народовъ новаго времени, какъ извѣстно, встрѣчается много не вѣрнаго дѣйствительности, зависящаго частью отъ субъективныхъ свойствъ писателей, частью отъ неполноты матеріаловъ, состоявшихъ въ ихъ распоряженіи. Въ сочиненіяхъ древнихъ писателей невѣрнаго должно заключаться несравненно болѣе уже потому, что древніе историки не владѣли тѣми средствами познанія, какими располагаетъ наше время. *Въ сочиненіяхъ древнихъ историковъ, географовъ и путешественниковъ встрѣчается много сказаній очевидно невѣрныхъ или баснословныхъ, противорѣчащихъ законамъ природы, открытымъ положительными науками новаго времени.* Мы не можемъ, на примѣръ, повѣрить Геродоту, увѣряющему читателя, что „заяць оплодотворяется и во время беременности, а потому въ утробѣ самки одинъ дѣтенышъ бываетъ покрытъ шерстью, когда другой еще голый, третій чуть формируется, а четвертый при нихъ только зачинается“, и что „львица рождаетъ одного дѣтеныша одинъ разъ въ жизни; при рожденіи она вмѣстѣ съ дѣтенышемъ выбрасываетъ и матку“ *); не можемъ повѣрить и нашему лѣтописцу, утверждающему, что „мужи старии ходили за Югру и за Само-

---

томъ же фактѣ. При описаніи первоначальнаго расселенія русскихъ славянъ Несторъ говоритъ: „словене же сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарѣкоша ѣ Новгородъ“; это извѣстіе встрѣчаемъ во всѣхъ спискахъ, и достовѣрность его не подлежитъ сомнѣнію; ему-то и противорѣчитъ извѣстіе Нестора же подъ 862 годомъ: „умре Синеусъ и братъ его Труворъ и прія Рюрикъ власть всю одинъ, и пришедъ ко Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша ѣ Новгородъ“. Итакъ, кто же основалъ Новгородъ: славяне при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегахъ озера Ильменя, или Рюрикъ? Исслѣдованіе понятій, соответствующихъ слову „городъ“ въ лѣтописи („срубить городъ“ и „сдѣлать городъ“ въ переводѣ на современный намъ языкъ означаетъ въ лѣтописи — построить укрѣпленіе, городскую стѣну; въ этомъ смыслѣ можно было много разъ рубить городъ, давно существовавшій), приводитъ насъ къ заключенію, что въ приведенныхъ извѣстіяхъ должно видѣть не два противорѣчащихъ другъ другу свидѣтельства объ одномъ фактѣ, а два свидѣтельства о двухъ различныхъ фактахъ: основаніи города славянами на берегу озера Ильменя, гдѣ нынѣ старое городище, противъ предмѣстья Славки, и основаніи новаго города Рюрикомъ, по смерти его братьевъ, на берегу рѣки Волхова, на мѣстѣ позднѣйшей Софійской крѣпости, въ двухъ верстахъ отъ стараго славянскаго города, на берегу озера Ильменя.

*) Исторія, кн. III, гл. 108.

ядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы теперво рожена, и возрастъши расходится по земли; и пакы бываетъ другая туча, и спадають оленьци малы въ ней и возрастають и расходятся по земли“ *). Мы не можемъ вѣрить Ибнъ-Фадлану, рассказывающему, что онъ видѣлъ въ землѣ болгарь „облако красное, какъ огонь, изъ котораго исходили шумъ и голоса и въ которомъ видны были люди и кони, а въ рукахъ этихъ фигуръ были луки, копыя и мечи“ **), какъ не можемъ вѣрить и разсказу нашего лѣтописца о появленіи въ Полоцкой области мертвецовъ и бѣсовъ, убивавшихъ жителей Полоцка и другихъ городовъ, выходившихъ изъ дому на улицы ***). И т. д. Но рядомъ съ чудесными извѣстіями, сказочный характеръ которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, *въ сочиненіяхъ древнихъ писателей встрѣчаемъ множество сказаній, въ которыхъ очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно провести границу между дѣйствительнымъ фактомъ и сказкой.* Такъ, напримѣръ, подъ 1171 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, какъ подѣ стѣнами Великаго Новгорода соединились 72 русскихъ князя съ безчисленнымъ количествомъ воиновъ, долженствовавшихъ разрушить Новгородъ; но когда минута паденія Новгорода, казалось, наступила, новгородцы вынесли на стѣну города образъ св. Софіи, ослѣпившій непріятеля; войска непріятеля смѣшались, перебили другъ друга, а городъ былъ спасенъ ****). Трудно сказать, гдѣ въ этомъ разсказѣ оканчивается правда и начинается басня †).

*) Лѣт. по Ипат. сп., стр. 199.

**) См. Гаркави, Сказ. мусульм. писат. о славянахъ и руссахъ, стр. 88

***) П. С. Р. Л., I, 92: „Предивно бысть Полоцкѣ: въ мечтѣ ны бываше въ ноци тутънъ, стаяше по улици, яко человекъ рищюще бѣси; аще кто вылезаше изъ хоромяны, хотя видѣти, а бѣе уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди подольскыя и его область, тѣмъ и человекъ глаголаху: яко навѣе бьютъ подочаны; се же знаменье поча быти отъ Дрютска“.

****) Никонов. лѣтоп., ч. II, стр. 209, 210.

†) Особенно много анекдотическаго, невѣрнаго и нелѣпаго встрѣчается въ сказаніяхъ иностранцевъ, что происходитъ отъ незнанія чужого языка, непониманія чужихъ обычаевъ, легковѣрія, а иногда и отъ желанія писателя украсить разсказъ преувеличеніемъ факта. О Россіи въ западно-европейской литературѣ рассказывается множество нелѣпостей, которыя читаются съ довѣріемъ не только массою общества, но и серьезными

Такимъ образомъ, возстановленіе историческихъ событій по понятіямъ авторовъ древнихъ письменныхъ памятниковъ не всегда уже достаточно для познанія давней исторической дѣйствительности, для возстановленія дѣйствительно бывшихъ историческихъ событій. Лѣтописецъ могъ невѣрно понять извѣстный историческій фактъ и неправильно описать извѣстное событіе. Отсюда, за возстановленіемъ подлиннаго текста и подлиннаго смысла данныхъ лѣтописныхъ сказаній, передъ историкомъ-юристомъ нашего времени открывается *третья задача*, самая трудная: должно отдѣлить въ содержаніи памятниковъ невѣрное отъ дѣйствительнаго, сказки, вымыслы, поэтическіе рассказы отъ исторіи, *должно повѣрить свидѣнія самого лѣтописца или сочинителя древней исторіи*. Средствами такой повѣрки служатъ: *критическія изслѣ-*

учеными. Нѣкій Вихельгаусъ, въ своемъ описаніи Москвы, сообщилъ, будто бы онъ „видѣлъ двадцатичетырехлѣтнихъ женщинъ, няньчившихъ на рукахъ своихъ малолѣтнихъ мужей“. Баронъ Гакстгаузенъ повторилъ это свидѣтельство „очевидца“ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ внутреннихъ отношеній народной жизни въ Россію“ и даже старался объяснить этотъ „фактъ“ экономическими условіями русской семьи. (См. „Изслѣдованія“ бар. Гакстгаузена, переводъ Рагозина, изд. 1870 г., стр. 80). И вотъ теперь казусное свидѣтельство Вихельгауса и Гакстгаузена повторяется въ ученыхъ сочиненіяхъ западно-европейской литературы, „какъ несомнѣнный фактъ, какъ наблюденіе очевидца“. „La main-d'oeuvre“, говоритъ Лавале въ извѣстномъ соч. о собственности, „est rare en Russie et relativement très-chère. Chaque famille a ainsi intérêt à trouver parmi ses membres le nombre de bras nécessaires pour faire valoir la part de terre qui lui revient. Le chef de la famille s'empresse donc de marier ses fils le plus tôt possible, afin que la jeune femme remplisse l'office d'une servante à qui il faudrait donner de forts gages. On marie ainsi des jeunes garçons de huit et dix ans à des filles de vingt-cinq ou trente ans; on dit même qu'il n'est pas rare de voir de jeunes mariées porter leurs maris sur les bras“. „De la propriété et de ses formes primitives“, par Emile de Laveleye, Paris 1874, p. 35. Множество подобныхъ извѣстій находится въ сказаніяхъ иностранцевъ о Россіи новаго времени, но мы имѣемъ возможность легко убѣдиться въ ихъ невѣрности посредствомъ наблюденія дѣйствительнаго быта русскаго народа. Но предположимъ, что свидѣтельство о женитьбѣ русскаго шестилѣтняго младенцевъ на двадцатипятилѣтнихъ и тридцатилѣтнихъ женщинахъ встрѣчено нами не въ сказаніяхъ иностранцевъ XIX столѣтія, а въ сказаніяхъ IX вѣка: не имѣя возможности повѣрить его наблюденіемъ дѣйствительнаго быта русскаго народа, мы должны были бы составить объ этомъ предметѣ понятіе, не соответствующее исторической дѣйствительности.

дованія, направленныя къ открытію источниковъ содержанія изучаемаго памятника, всестороннее изученіе памятниковъ исторіи того періода, къ которому относится изучаемый памятникъ, и сравнительное изученіе условій жизни народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на степени цивилизаціи того народа, которому принадлежитъ изучаемый памятникъ*).

II. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ.

ГЛАВА IV.

Археологическія изслѣдованія и ихъ результаты. Городища. Могилы. Славянорусскія могилы. Имущественные клады. Значеніе вещественныхъ памятниковъ для историка-юриста.

Вещественные памятники быта древнихъ народовъ составляютъ: жилища, могилы, имущественные клады, домашняя утварь, орудія для добыванія пищи, нападенія и самозащиты, одежда, орнаментика костюма, предметы питанія, предметы культа и всѣ другіе предметы, составляющіе вещественную обстановку домашней и общественной жизни древняго человѣка. Главнѣйшіе виды вещественныхъ памятниковъ быта древнихъ народовъ представляютъ намъ ихъ жилища, могилы и имущественные клады, — эти подземные архивы — хранилища множества предметовъ культурной обстановки нашихъ предковъ, разъясняющіе много темныхъ и пополняющіе много неполныхъ сказаній литературныхъ памятниковъ.

Начало научныхъ систематическихъ изслѣдованій вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся въ землѣ Россіи, относится къ тридцатымъ годамъ настоящаго столѣтія, ко времени учрежденія *Императорской Археологической Комиссіи*. Поводомъ къ учрежденію этой Комиссіи послужило случайное открытіе богатѣйшихъ могилъ скинскихъ царей въ „Куль-Обскомъ“ курганѣ, разрытомъ въ окрестностяхъ города Керчи; а цѣлью ея учрежденія было *изысканіе образцовъ искусства древнихъ грековъ въ курганахъ южной Россіи*. Преслѣдуя свою цѣль, Комиссія открыла много драгоценныхъ древностей въ могилахъ грековъ и скинскихъ, раскопанныхъ въ предѣлахъ земли древняго Босфора Киммерійскаго. „Эти сокровища такъ велики и замѣчательны по своему художественному совершенству (часть ихъ принадлежитъ великимъ временамъ процвѣтанія греческаго искусства отъ Перикла до Александра Македонскаго), что они составляютъ цѣлый особый музей, единственный въ мірѣ,

*) См. приложение № 20.

извѣстный *подъ именемъ Керченскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа* въ С.-Петербургѣ, потому что большая часть вошедшихъ въ него предметовъ была найдена въ городѣ Керчи и его окрестностяхъ“. Открытіе въ 1853 году въ Екатеринославскомъ уѣздѣ „Луговой могилы“, заключающей въ себѣ золотые предметы греческой работы, подобные предметамъ, найденнымъ въ гробницахъ Куль-Обской могилы, послужило поводомъ къ передвиженію раскопокъ Археологической Комиссіи *въ области южнаго Приднѣпровья*, лежащая въ предѣлахъ Новороссіи. (Отч. Археол. Ком. за 1859 г., стр. V—VI). Здѣсь, между прочимъ, въ 1862 году, въ Никопольскомъ уѣздѣ, въ „Чертомлыцкомъ курганѣ“ И. Е. Забѣлинымъ была открыта богатѣйшая могила скийскаго царя, заключающая въ себѣ болѣе 2500 отдѣльныхъ предметовъ древностей, составлявшихъ обстановку быта древнихъ скифовъ*).

Въ центральныхъ областяхъ Россіи систематическія археологическія раскопки были начаты только въ началѣ семидесятыхъ годов**). До этого времени историки и историки-юристы въ познаніи условій быта славяноруссовъ языческой эпохи довольствовались только литературными памятниками. Въ первомъ томѣ „Русской Исторіи“ Бестужева-Рюмина, изданномъ въ 1872 году, въ первый разъ помѣщенъ отдѣлъ вещественныхъ памятниковъ въ ряду средствъ познанія исторіи нашихъ предковъ; но почтенный историкъ сознается, что не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ источникомъ, потому что до сихъ поръ „большія усилія были направлены на южную часть Россіи, такъ какъ здѣсь были греческія поселенія, добыча здѣсь можетъ быть богаче, результаты яснѣе при усиліяхъ сравнительно меньшихъ; а между тѣмъ, *самые важные вопросы для всей русской исторіи въ центральныхъ губерніяхъ, а сюда почти еще не заходили работники*“ ***).

Равнодушіе прежнихъ историковъ-археологовъ къ подземнымъ архивамъ славянорусской земли объясняется господствовавшими тогда не-

---

*) См. приложение № 21.

***) Исключеніе составляютъ раскопка кургана Перепетовки въ Васильевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, произведенная проф. Иванишевымъ, и раскопки въ Кіевской губерніи, произведенныя по распоряженію бывшаго кіевск. губернатора И. Фундуклея. См. „Древности, изданныя временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ“, I—III, 1846 г.; „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи“, изд. И. Фундуклея, Кіевъ 1848 г.

***) Рус. Ист., I, 160.

вѣрными литературными воззрѣніями, по которымъ *городища признавались „памятниками языческаго богослуженія древнихъ славянъ, не заключающими въ себѣ ничего болѣе, кромѣ пепла, угля и жженныхъ костей — остатковъ языческихъ жертвоприношеній“*, а *курганы — наслоеніемъ массы могилъ древнихъ народовъ, въ которомъ нѣтъ возможности распознать могилы славянъ и славяноруссовъ* *).

Теорія богослужебнаго значенія городищъ и мнѣніе о невозможности отличить славянорусскія могилы въ наслоеніи древнихъ кургановъ, сохранившихся въ предѣлахъ Россіи, встрѣтили первую основательную критику только въ изслѣдованіяхъ графа А. С. Уварова, напечатанныхъ въ 1872 и 1873 гг. Въ изслѣдованіи: „*Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ*“, на основаніи многочисленныхъ археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ во Владимирской и Ярославской губерніяхъ, графъ Уваровъ отрицаетъ теорію городищъ Ходаковского и признаетъ возможнымъ отличить могилы финскаго племени мерянъ отъ могилъ другихъ народовъ **). Въ изслѣдованіи: „*О признакахъ народности могильныхъ насыпей*“, графъ Уваровъ говоритъ: „мы положительно знаемъ, что доселѣ археологическими раскопками не достаточно обследованы мѣстности, заселенныя славянскими и неславянскими народами, и даже большая часть мѣстностей такъ мало обследована, что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о могилахъ, въ нихъ сохранившихся. Погребальныя обряды каждаго народа оставили въ могилахъ слѣды мѣстныхъ обычаевъ; когда эти обычаи будутъ разъяснены, тогда разъяснится намъ и народность могилъ. Археологическая наука доказала, что не надо быть насельниками дѣвственной почвы, чтобы оставить по себѣ могилы, имѣющія отличительный, своеобразный характеръ. Въ Италіи и Греціи населеніе разныхъ племенъ было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ на Руси, а между тѣмъ мы легко отличаемъ тамъ могилу римскую отъ могилы этрусской, могилу іонійскую или дорійскую отъ могилы пеласгійской эпохи ***). И дѣйствительно, *археологическія раскопки въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныя въ теченіе послѣднихъ*

---

*) См. приложение № 22.

**) „Несмотря на количество изслѣдованныхъ мѣстностей“, говоритъ гр. Уваровъ, „мы нигдѣ не нашли ясныхъ указаній на существованіе особыхъ мѣстъ для религіозныхъ обрядовъ, для капищъ и для жертвоприношеній... Городища служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей“. „Меряне“, стр. 94, 97, изд. 1872 г.

***) „Труды Моск. Арх. Общ.“ т. III. вып. IV, стр. 266, 286.

дъсятимѣтій, фактически доказали возможность распредѣленія древнихъ земляныхъ насыпей по историческимъ эпохамъ и отличить между ними могилы славянорусскія языческой эпохи. Краткій очеркъ результатовъ археологическихъ изслѣдованій въ предѣлахъ земли славяноруссовъ языческой эпохи, произведенныхъ по настоящее время, выражается въ нижеслѣдующемъ изложеніи*).

Городища. Важность каждаго вещественнаго памятника и каждой группы вещественныхъ памятниковъ, какъ средствъ познанія условий быта даннаго народа въ данную историческую эпоху, обуславливается предварительнымъ рѣшеніемъ вопросовъ объ историческомъ значеніи памятниковъ, времени ихъ происхожденія и принадлежности данному народу.

Городища или городки**) представляютъ собою валообразныя земляныя насыпи, ограничивающія площади разной величины и формы, сохранившіяся преимущественно на возвышенныхъ побережьяхъ рѣкъ и озеръ, а иногда и въ низменныхъ пунктахъ, окруженныхъ водою.

Историческое значеніе городищъ опредѣляется слѣдующими фактами. По наружной конструкціи слово „городище“ соотвѣтствуетъ словамъ „монастырище“, „селище“ и „дворище“, означающимъ оставленные пункты народныхъ поселеній, нежилые, запустѣвшіе, — означающимъ мѣста, на которыхъ нѣкогда стояли монастырь, село, дворъ; соотвѣтственно тому, *городище должно означать мѣсто бывшаго города. И дѣйствительно, въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ слово „городище“ означаетъ только мѣсто бывшаго города.* Такъ, напр., Несторъ, въ разсказѣ о походѣ въ Грецію Кія, говоритъ: „идущу же ему опять, приде къ Дунаеву, возлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше стъсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіе, еже и донинѣ наричють дунайцы городище Кіевецъ“ ***). Въ Книгѣ Большого Чертежа, за перечисленіемъ населенныхъ деревень за Волгою, читаемъ: „а за тѣми деревнями и до Сибирскаго камня жилья никакого нѣтъ; есть пустыя городища чудскія, Манкоръ и иныя“ ****). Въ „Собраніи рукописей гр. Толстого“ № 65 озаглавленъ такъ: „Описаніе о начатіи города Чернаго Яра и о старинѣ перваго города, которое мѣсто нынѣ называется

*) См. приложение № 23.

***) Названія „городище“ и „городокъ“ въ народѣ не различаются, одну и ту же насыпь крестьяне называютъ то городищемъ, то городкомъ.

****) П. С. Р. Л., I, стр. 4.

*****) Кн. Большого Чертежа, стр. 24.

городищем“*). Въ отвѣтъ Меньги-Гирея Ивану Васильевичу III, 1492 года, говорится: „Я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человекъ и строю теперь при устьи Днѣпра на старомъ городищѣ новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ“**). И т. д. *Новѣйшія излѣдованія сохранившихся городищъ вполне подтверждаютъ указанія писанныхъ источниковъ на историческое значеніе этихъ памятниковъ, какъ остатковъ древнихъ городовъ. Формы городищъ, ихъ мѣстоположеніе, характеръ внѣшнихъ укрѣпленій, состоящихъ изъ рововъ и валовъ, народныя преданія о значеніи многихъ сохранившихся городищъ (какъ опустѣвшихъ городовъ), сличеніе мѣстонахожденія многихъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ древнихъ городовъ, обозначенныхъ лѣтописями, и вещи, находимыя при раскопкахъ валовъ и площадей городищъ, доказываютъ, что эти памятники представляютъ собою остатки древнихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній***). Величина площадей городищъ, т.-е. внутреннихъ частей ихъ, безъ рововъ и валовъ, соответствуетъ величинѣ древнихъ городовъ. Городища, въ большинствѣ случаевъ, заключаютъ въ себѣ отъ 300 до 500 аршинъ въ окружности, но встрѣчаются до 1000 и болѣе аршинъ въ окружности. Эту же величину имѣли города древней Руси. По описанію историка Костомарова, величина городищъ важнѣйшихъ изъ бывшихъ пригородовъ псковской земли заключаетъ въ себѣ отъ 500 до 800 шаговъ въ окружности по вѣнцу насыпного вала****). Площадь крѣпости, заложенной въ Ладогѣ посадникомъ Павломъ въ 1116 году и сохранившейся до настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ около 400 аршинъ въ окружности; площадь древняго Путивля около 500 аршинъ въ окружности, ту же величину имѣютъ сохранившіяся городища другихъ городовъ — Чернигова, Новгородъ-Сѣверска, Воргола и другихъ. Большое количество сохранившихся городищъ соответствуетъ большому количеству городовъ древней Руси. Въ древности городами назывались укрѣпленныя селитбы, обведенныя валами, рвами*

*) Отдѣленіе V, № 65.

**) „Ист. Гос. Россійск.“ Карамзина, т. VI, стр. 146.

***) См. приложение № 24.

****) „Пространство Изборскаго городища менѣе иного помѣщичьяго двора; площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ“. „Сѣв.-русскія народопр.“, т. II, стр. 78—81.

и стѣнами общественныя поселенія*). Въ такомъ смыслѣ, въ значеніи укрѣпленныхъ поселеній, городовъ въ древности было очень много. Лѣтопись говоритъ о 80 городахъ на Дунаѣ, взятыхъ въ одинъ походъ Святославомъ Игоревичемъ въ 967 году, о 8 городахъ, лежавшихъ на Волгѣ между Княтинымъ и Угличемъ, на пространствѣ около 60 верстъ, разрушенныхъ Ростиславомъ и Изяславомъ Мстиславичами въ 1148 году, и т. д.**).

Изложенными фактами вопросъ историческаго значенія городищъ рѣшается положительно: громадное количество памятниковъ этого рода представляетъ собою *пункты, на которыхъ въ древности стояли города въ смыслъ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній.*

На очереди вопросъ о возможности опредѣленія времени происхожденія и народности городищъ. Для рѣшенія этого вопроса въ распоряженіи науки нашего времени имѣются слѣдующія средства: форма укрѣпленій городища, присутствіе языческаго кладбища въ его окрестностяхъ и находки при раскопкѣ его площади и укрѣпленій. По формѣ укрѣпленій городища раздѣляются на два вида: городища съ выступами или бастіонами по угламъ, для помѣщенія орудій, по времени происхожденія относящіяся къ эпохѣ употребленія огнестрѣльныхъ снарядовъ, и городища безъ бастіоновъ, относящіяся къ эпохѣ до введенія въ употребленіе пороха и пушекъ. Типомъ первой формы могутъ служить два городища, изображенныя въ приложеніи къ „Обозрѣнію могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи“ Фундуклея. Формы городищъ второго вида очень разнообразны***). Между городищами второго разряда, во многихъ случаяхъ, при посредствѣ вѣрнаго признака, *возможно отличить сооруженныя въ языческую эпоху; этотъ признакъ — присутствіе языческаго кладбища вблизи городища.* Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ погребальнаго обряда обитателей Руси языческой эпохи было сооруженіе холма-кургана надъ могилою. покой-

*) „Кій приде къ Дунаеву, возлюбилъ мѣсто и срубилъ городокъ малъ, хотяше състи съ родомъ своимъ“; князь Владимиръ „нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча набирати мужи лучшіе отъ славенъ и отъ кривичъ, и отъ чуди, и отъ вятичъ, и отъ сихъ насели грады“; Павелъ посадникъ „заложилъ Ладогу городъ-камень“; „а будетъ въ московскомъ государствѣ каменныхъ городовъ... а остальные деревянные, на земляныхъ валахъ и просто на землѣ“. См. Самоквасова, Древніе города Россіи, стр. 64 и слѣд.

***) Тамъ же, стр. 64 и слѣд.

***) Тамъ же, стр. 112 и слѣд.

ника, — обычай, исчезающій со времени введенія христіанства въ Россіи*). Отсюда, городища древнихъ формъ, сопровождаемыя кладбищами языческой эпохи, по времени происхожденія должны относиться также къ языческой эпохѣ. Это предположеніе вполнѣ оправдывается результатами раскопокъ, произведенныхъ графомъ Уваровымъ во Владимирской и Ярославской губерніяхъ и нами въ предѣлахъ земель древнихъ сѣверянъ и полянъ**). Еще болѣе общимъ и точнымъ, а при отсутствіи языческихъ могилъ въ окрестностяхъ, и единственнымъ средствомъ опредѣленія древности городищъ служить изученіе ихъ содержанія. Площадь древнихъ городищъ обыкновенно покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ перегной растительныхъ веществъ, мусора и щебня, подобнымъ мусорному слою, покрывающему древнія селища и дворща. Въ этомъ слоѣ встрѣчаются уголь, зола, кости животныхъ, битый камень, кирпичъ, черепки глиняной посуды и разные предметы домашней обстановки: ножи, топоры, наконечники стрѣлъ, кинжалы, украшенія костюма и сбруи, монеты и пр. Иногда эти находки такъ характерны, что непосредственно, сами по себѣ, рѣшаютъ вопросъ о древности даннаго городища. Такъ, на примѣръ, въ окопѣ городища близъ Новгорода-Волынскаго былъ найденъ кладъ римскихъ монетъ II-го вѣка, ясно указавшій, что валъ этого города уже существовалъ во II-мъ вѣкѣ***). При раскопкѣ городища на р. Сарѣ, у с. Діаболь, былъ найденъ кладъ восточныхъ монетъ VIII и первой половины IX столѣтій. Въ томъ же городищѣ было найдено много предметовъ, представлявшихъ собою дублиеты предметовъ, найденныхъ въ мѣстныхъ курганахъ, эпоха происхожденія которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ монетами VIII—IX столѣтій****). Въ нашей коллекціи древностей много предметовъ (монеты, браслеты, серьги, кольца, бусы, привѣски, пряжки, бляхи, ножи, замки, ключи, наконечники стрѣлъ и пр.), найденныхъ при раскопкѣ городищъ въ Малороссіи и совершенно сход-

*) Княгиня Ольга сыну своему Святославу „заповѣда съ землею равно погрестись, а могилы не суги“. Когда Константинъ Муромскій похоронилъ сына своего по христіанскому обычаю, то „невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холмомъ не сыпаху, но ровно съ землею“. См. А. Котляревскаго, О погреб. обыч., стр. 118, 126.

***) См. приложение № 25.

****) См. Фундуклея, Обзоръніе могилъ, валовъ и городищъ, стр. 7.

*****) См. гр. Уварова, Меряне, стр. 33, 34.

ныхъ съ такими же предметами, открытыми въ сопровождавшихъ городища курганахъ, время которыхъ определяется найденными въ нихъ монетами*).

Изложенные факты ясно опредѣляютъ историческое значеніе городищъ и доказываютъ возможность опредѣленія ихъ древности и народности въ конкретныхъ случаяхъ; но для того необходимы параллельныя изслѣдованія городищъ и древнихъ мнлъ, состоящихъ въ связи по мѣсту нахожденія.

Могины. Средствами рѣшенія вопроса о времени и народности могилъ являются ихъ устройство и содержаніе. На основаніи различій въ устройствѣ и содержаніи, языческія могины, сохранившіяся въ предѣлахъ земли славянорусскихъ племенъ, можно раздѣлить на пять группъ: могилы доисторическаго времени, могилы скиѣской эпохи, могилы сарматской эпохи, могилы славянорусской эпохи и могилы татарской эпохи**).

1. *Могины доисторическаго времени* заключаютъ въ себѣ только предметы изъ кости, глины, камня и мѣди, а не заключаютъ предметовъ изъ желѣза и серебра. Это могилы доисторическихъ народовъ, имена которыхъ намъ неизвѣстны, такъ какъ отъ времени происхожденія могилъ этого вида не сохранилось никакихъ литературныхъ памятниковъ, никакихъ письменныхъ географическихъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній***).

2. *Могины скиѣской эпохи* принадлежатъ времени, отъ котораго сохранились историческія свѣдѣнія, оставленные намъ греческими историками первыхъ столѣтій до Р. Хр., называвшими надпонтійскіе народы общимъ именемъ: скиѣами. Кладбища скиѣской эпохи и послѣдующихъ эпохъ содержатъ въ себѣ предметы желѣзной культуры. Знакомство древнихъ обитателей надпонтійскихъ областей съ употребленіемъ желѣза послѣдовало уже до времени Геродота, слѣдовательно,

*) См. приложение № 26.

***) См. Д. Я. Самоковсова, Основанія хронологической классификаціи могильныхъ древностей. Изд. 1892 года.

****) Описаніе устройства и содержанія могилъ доисторическаго времени, сохранившихся во множествѣ въ предѣлахъ Россіи, см. въ соч. гр. Уварова, Археологія Россіи, Каменный періодъ, 1881 г.; Самоковсова, Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи, въ „Антропологической Выставкѣ 1879 г.“, стр. 338 и слѣд.; его же, Могильныя древности Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ., въ „Трудахъ VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ“, т. I, изд. 1886 г., стр. 189 и слѣд.

еще въ доисторическое время*). Могилы скинской эпохи отличаются только имъ свойственными признаками, чуждыми могиламъ доисторического времени и могиламъ послѣдующихъ эпохъ, сарматской, славянской и татарской; отъ первыхъ онѣ *отличаются присутствіемъ предметовъ изъ жельза и серебра*, а отъ послѣдующихъ присутствіемъ *предметовъ греческаго искусства, относящихся къ первымъ столѣтіямъ до Р. Хр.*: греческихъ монетъ, греческой расписной и покрытой лакомъ терракотовой посуды, греческихъ золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, каменныхъ и стеклянныхъ издѣлій, греческихъ надписей на погребальныхъ камняхъ, сосудахъ, зеркалахъ и пр. Между могилами, относящимися къ скинской эпохѣ, различаются греческія могилы и скинскія по признакамъ варварскаго погребенія, чуждымъ погребенію греческому**).

3. *Могилы сарматской эпохи* относятся ко времени первыхъ столѣтій послѣ Р. Хр., отъ котораго сохранились сочиненія римскихъ и греческихъ писателей, называвшихъ наддунайскія и надпонтійскія области преимущественно общими именами: Дакией и Сарматіей, а обитателей этихъ областей даками и сарматами. Въ варварскихъ кладбищахъ сарматской эпохи, рядомъ съ могилами, содержащими въ себѣ костяки, остатки погребенныхъ — несожженныхъ покойниковъ, часто встрѣчается новый типъ могилъ, заключающій въ себѣ *остатки сожженныхъ покойниковъ*. Обычай трупосожженія, не извѣстный скинскимъ могиламъ дохристіанской эпохи, заимствованъ скинами отъ римлянъ въ эпоху господства послѣднихъ въ Дакии, и съ того времени встрѣчается въ варварскихъ кладбищахъ наддунайскихъ и надпонтійскихъ областей до времени рецессіи христіанства славяноруссами.

---

*) Это доказываетъ свидѣтельство Геродота, по которому въ каждой общинѣ скиноевъ былъ сооружаемъ жертвенникъ богу войны, имѣвшій форму кургана, а на его вершинѣ вооружался „старый желѣзный мечъ“, означавшій кумирь Арея... Исторія Геродота, кн. IV, гл. 52.

**) Примѣрами скинскихъ могилъ могутъ служить могилы Куль-Обская, Луговая, Чертомлыцкая и др. См. К. Герца, Археол. топографія Таманскаго полуострова, изд. 1870 г., стр. 96 и слѣд.; его же, Погребальные обряды грековъ и скиноевъ, въ „Сборн. антр. и этнограф. статей о Россіи“ В. Дашкова, кн. I, изд. 1868 г.; А. Ашана, Воспорское царство, ч. II, изд. 1848 г.; И. Забѣлина, Древняя Скинія въ своихъ могилахъ, въ приложеніи къ первому тому „Исторіи русской жизни“, изд. 1876 г.; „Древности Геродотовой Скиніи“, изд. Имп. Арх. Комиссія, в. I, 1886 г., в. II, 1872 г.

Съ другой стороны, отличительнымъ признакомъ могилъ сарматской эпохи является *присутствіе въ нихъ издѣлій римскаго искусства императорской эпохи, относящихся къ первымъ столѣтіямъ по Р. Хр.*: римскихъ монетъ, римскаго оружія и вооруженія, римской серебряной и терракотовой посуды, римскихъ фибулъ, римской орнаментики и пр.*),

4. *Могилы славянорусской эпохи* принадлежатъ времени съ VI вѣка по Р. Хр. до рецепціи христіанства въ Россіи, въ которое прежнія общія имена надпонтійскихъ народовъ, скифы и сарматы, мало-по-малу смѣняются въ европейской исторіи новымъ общимъ именемъ — славяне. Языческія могилы славянской эпохи *отличаются содержаніемъ византійскихъ, восточныхъ, нѣмецкихъ и славянскихъ монетъ VI—XI столѣтій по Р. Хр. и многихъ предметовъ быта, не встрѣчаемыхъ въ могилахъ предыдущихъ эпохъ*, какъ напр.: желѣзныхъ стремянъ и стременихъ пряжекъ, длинныхъ изогнутыхъ сабель, раздвоенныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзныхъ серповъ, донинѣ сохранившейся формы, браслетъ и колець съ загнутыми ушкомъ концами и проч.**).

5. *Могилы татарской эпохи* относятся ко времени господства мон-

---

*) Примѣрами могилъ сарматской эпохи могутъ служить курганныя кладбища, заключавшія въ себѣ предметы римскаго искусства, изслѣдованныя нами въ Кіевской губерніи, Каневскомъ уѣздѣ, у села Яблоновки; въ Полтавской губерніи, Роменскомъ уѣздѣ, у села Аксютинцы; въ Енатеринославской губерніи, Александровскомъ уѣздѣ, у села Новогригорьевки, и др. См. „Антроп. Выставка 1879 г.“, т. III, стр. 354 и слѣд.; „Труды VI Археолог. Съѣзда въ Одессѣ“, т. I, стр. 200 и слѣд. Свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могильниковъ сарматской эпохи см. еще въ сочиненіяхъ: И. Фундуклея, Обзорніе могилъ, ватовъ и городищъ Кіевской губ., стр. 18, 19, 71; Kraszewskiego, Sztuka u Słowian, s. 152, 153, Wilno 1860; Sadowskiego, Drogi handlowe greckie i rzymskie, s. 76—79, Kraków 1879; „Wiadomości archeologiczne“, II, 72—75; Warszawa 1874.

**) Примѣромъ могильниковъ славянской эпохи могутъ служить изслѣдованныя нами курганныя кладбища въ Кіевской губерніи, Каневскомъ уѣздѣ, у села Россавы; три кладбища въ окрестностяхъ Чернигова, два кладбища въ Черниговскомъ уѣздѣ, у м. Сѣднева; четыре кладбища въ Полтавской губерніи, у города Переяславля, и много другихъ. См. Д. Я. Самоквасова, Основанія классификаціи мог. древностей, изд. 1892 г. Свѣдѣнія объ устройствѣ и содержаніи могилъ славянской эпохи разбросаны въ рефератахъ объ археологическихъ раскопкахъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и археологическихъ съѣздовъ за послѣднія десятилѣтія.

головъ надъ Россіей и *отличаются* нѣкоторыми особенностями своего устройства, а особенно *содержаніемъ татарскихъ монетъ XIII—XVI столѣтій**)

Въ предложенной классификаціи языческихъ могилъ, сохранившихся въ предѣлахъ древней Руси, особую важность для русской исторіи и исторіи русскаго права имѣютъ могилы четвертой группы, а въ ней могилы славяноруссовъ послѣднихъ столѣтій язычества, отличающіяся ясными и точными признаками отъ могилъ другихъ временъ и народовъ. На устройствѣ и содержаніи славянорусскихъ могильниковъ послѣднихъ столѣтій язычества мы должны остановить наше вниманіе въ особенности.

Славянорусскія могилы. Славянорусскіе могильники составляютъ курганныя кладбища, обыкновенно помѣщающіяся вблизи древнихъ городищъ и заключающія въ себѣ десятки, сотни и даже тысячи доннынѣ сохранившихся кургановъ, то-есть могилъ, прикрытыхъ конусообразными насыпями**).

По устройству своему славянорусскія могилы языческой эпохи представляютъ *три типа: курганы съ кострищами, курганы съ погребальными сосудами и курганы съ остатками погребенныхъ, несожженныхъ покойниковъ.*

1. По обряду погребенія, возстановленному раскопками кургановъ съ кострищами, на избранномъ мѣстѣ устраивали деревянный костеръ, а на кострѣ помѣщали тѣло покойника и предметы, по языческому вѣрованію, долженствовавшіе служить ему въ загробной жизни: пищу и питье, домашнихъ животныхъ, оружіе, вооруженіе и пр. Послѣ сожженія, надъ кострищемъ (остатки костра) возводили конусообразную земляную насыпь, въ центрѣ которой часто помѣщали сосудъ съ обуглен-

---

*) Тамъ же. Примѣрами языческихъ кладбищъ татарской эпохи могутъ служить два кладбища въ окрестностяхъ Вороной, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, раскопанныя А. А. Карцевой въ 1884 г., и кладбище у Новогригорьевки, Александровскаго уѣзда, раскопанное нами въ томъ же году. См. „Труды Одесскаго Сѣзда археологовъ“, т. I, стр. 199 206 и 207.

***) Сюда принадлежатъ около 800 кургановъ, сохранившихся въ окрестностяхъ города Чернигова, расположенныхъ тремя группами, на бережьяхъ рѣкъ Десны, Стрижня и Бѣлоуса; около 1000 кургановъ, сохранившихся въ Роменскомъ уѣздѣ, у села Липоваго; болѣе 1000 кургановъ, расположенныхъ четырьмя группами въ окрестностяхъ Переяславля, надъ рѣкою Трубежомъ, и т. д.

ными костями жертвеннаго животнаго, а возлѣ этого сосуда иногда клали часть вооруженія, оружія и другихъ предметовъ, принадлежавшихъ покойнику. Содержаніе кургановъ съ кострищами соотвѣтствуетъ обряду сожженія знатнаго русса, описанному арабскимъ писателемъ первой половины X вѣка Ибнъ-Фадланомъ*).

2. Обрядъ похоронъ, раскрытый раскопками въ курганахъ, содержащихъ сосуды со жжеными человѣческими костями (пепельницы или праховницы), отличается отъ обряда похоронъ кургановъ съ кострищами тѣмъ, что покойниковъ сожигали не на мѣстѣ кургановъ, хранящихъ ихъ остатки. Послѣ сожженія, перегорѣвшія кости собирали въ глиняный сосудъ и ставили ихъ въ приготовленный курганъ. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ это видно по находимымъ въ праховницахъ остаткамъ украшеній костюма, состоящихъ изъ бусъ, сережекъ, колець, пряжекъ и пр. Вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигали домашнихъ животныхъ, а потому почти въ каждомъ погребальномъ сосудѣ различаются жженыя кости человѣческія и различныхъ домашнихъ животныхъ, преимущественно птицъ. Иногда въ одномъ курганѣ встрѣчаются два, даже три сосуда со жжеными человѣческими костями. Часто, рядомъ съ сосудами, содержащими жженыя кости, встрѣчаются сосуды пустые, заключающіе въ себѣ только землю, а иногда землю и кости несожженныхъ животныхъ; эти сосуды (стравницы) содержали въ себѣ пищу и питье, поставленныя въ могилу. Обрядъ погребенія въ курганахъ съ праховницами соотвѣтствуетъ слѣдующимъ свидѣтельствамъ Нестора и арабскаго писателя первой половины X вѣка Ибнъ-Даста: „Радимичи, вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху... Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложашуть на кладу мертвеца, и сожжаху; а посемъ, собравши кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпѣ на путѣхъ, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ“**). „Когда умираетъ кто-либо у славянъ, они сожигаютъ трупъ его... На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепель и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ“***).

*) См. приложение № 27.

***) П. С. Р. Л., I, 6.

****) А. Гаркави, Сказ. мусульм. писат., стр. 264, 265. Курганныя кладбища съ остатками трупосожженія сохранились въ Черниговѣ; въ Чер-

3. Курганы съ остатками трупосожженія представляютъ собою могилы лицъ богатыхъ и болѣе знатныхъ, а курганы съ несожженными остовами прикрываютъ собою могилы черни, бѣдняковъ, почему, сравнительно съ курганами трупосожженія, курганы съ костяками сохранились въ огромномъ количествѣ, составляя кладбища, заключающія въ себѣ нерѣдко сотни, а иногда и тысячи отдѣльныхъ могилъ. Представляя собою конусообразныя насыпи, рѣдко болѣе трехъ аршинъ отвѣсной высоты и сорока аршинъ въ окружности основанія, курганы съ костяками прикрываютъ собою могильныя ямы, формы могилъ нашего времени, вырытыя въ материкѣ на глубину отъ одного до трехъ аршинъ, съ остовами безъ украшеній или бѣдно украшенными, въ положеніи: головою на западъ, на спинѣ, руки сложены на груди или на животѣ, съ признаками истлѣвшихъ гробовъ изъ досокъ, иногда связанныхъ желѣзными гвоздями*).

Славянорусская и въ частности сѣверянская народность описанныхъ трехъ видовъ кургановъ доказывается совокупностью слѣдующихъ данныхъ: извѣстіями русскихъ лѣтописей и Константина Багрянороднаго о Черниговѣ и Переяславлѣ, какъ политическихъ центрахъ славянорусскаго племени сѣверянъ, обитавшихъ въ сказанныхъ городахъ въ X вѣкѣ, къ которому относятся монеты, найденныя въ черниговскихъ курганахъ; языческимъ способомъ погребенія, раскрытымъ въ курганахъ, содержащихъ сказанныя монеты и соотвѣтствующимъ обрядамъ погребенія славянорусскихъ племенъ X вѣка, описаннымъ Несторомъ и арабскими писателями; совершеннымъ сходствомъ вещей, найденныхъ въ курганахъ съ кострищами, съ погребальными сосудами и костяками, раскопанныхъ подъ Черниговомъ, Сѣдневымъ, Переяславлемъ, Стародубомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, бывшихъ общественными селитьбами славяноруссовъ IX и X столѣтій**).

ниговскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Сѣднева; подъ Стародубомъ, у села Левинки; въ Глуховскомъ уѣздѣ, у села Волокитина; въ Курскомъ уѣздѣ, у села Клюквы, и во множествѣ другихъ мѣстностей, принадлежавшихъ славяноруссамъ языческой эпохи.

*) См. приложение № 28.

**) Подробное описаніе устройства и содержанія славянорусскихъ могилъ языческой эпохи и изложеніе доказательствъ славянорусской народности черниговскихъ кургановъ и сходныхъ съ ними по устройству и содержанію, открытыхъ въ другихъ мѣстностяхъ, см. въ рефератѣ Д. Самоквасова, Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи, помѣщенномъ въ I томѣ „Трудовъ Кіевскаго Археолог. Съѣзда“ 1874 г., стр. 185—224.

Клады. Древнимъ кладомъ называется *имущество, сокрытое въ землѣ и не взятое оттуда владѣльцемъ.* Древнимъ народамъ земля замѣняла сохраненные банки нашего времени. Отлучаясь изъ дому по дѣламъ торговымъ, военнымъ и пр., предки наши прятали въ землю ихъ капиталы, обозначая пункты кладовъ извѣстными примѣтами, по которымъ, возвратившись, находили ихъ. Но въ случаѣ смерти владѣльца, земля безотвѣтно хранила ввѣренную ей тайну, и кладъ могъ пролежать въ ней тысячи лѣтъ неоткрытымъ.

Обыкновеніе прятать въ землѣ имущество существовало во всѣ историческія эпохи. Клады, случайно открытые въ наше время, дѣлятся по времени на такія же группы, на какія разбиты нами древнія могилы*). *Клады доисторическаго времени,* принадлежащія народамъ неизвѣстныхъ именъ, не заключаютъ въ себѣ предметовъ изъ желѣза и серебра, а содержатъ въ себѣ только предметы быта народовъ каменной и бронзовой культуры. *Клады скиѣской эпохи* относятся къ эпохѣ желѣзной культуры и содержатъ въ себѣ монеты и другія издѣлія до времени завоеванія Дакии римлянами. Клады этого времени, открытые въ предѣлахъ земли древнихъ славянъ, отличаются содержаніемъ монетъ и другихъ издѣлій греческихъ государствъ, преимущественно греческихъ понтійскихъ колоній. *Клады сарматской эпохи* заключаютъ въ себѣ монеты и другіе предметы со времени завоеванія Дакии римлянами до времени замѣны въ исторіи общихъ именъ: скиѣы и сарматы, общимъ именемъ — славяне, и отличаются богатымъ содержаніемъ монетъ и другихъ предметовъ искусства римлянъ императорской эпохи. *Клады славянорусской эпохи* относятся ко времени съ VI в. послѣ Р. Хр. до рецепціи христіанства славянорусскими племенами и заключаютъ въ себѣ монеты и другія издѣлія византійскаго, нѣмецкаго, арабскаго и славянскаго искусства.

Значеніе археологическихъ матеріаловъ. Въ ряду средствъ познанія условій быта русскихъ славянъ языческой эпохи вещественные памятники занимаютъ важное мѣсто. Славянорусская археологія даетъ возможность познать и опредѣлить формы, составъ и способы изготовленія многихъ предметовъ древняго домашняго и общественнаго быта, не извѣстныхъ литературнымъ памятникамъ или извѣстныхъ имъ только въ названіи. *Археологія исправляетъ, поясняетъ темныя и дополняетъ*

---

*) См. приложение № 29.

неполная извѣстія литературныхъ памятниковъ, отрицая одни изъ нихъ и давая другимъ значеніе положительныхъ историческихъ фактовъ.

Основываясь на Несторовомъ сопоставленіи языческихъ обычаевъ съ христіанскими, по которому: „Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвicia. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“*), Шлѣцеръ, Карамзинъ, Эверсъ, Каченовскій, Погодинъ, Сергѣевичъ и многіе другіе историки и историки-юристы признавали славянорусскія племена языческой эпохи народами дикими, жившими подобно животнымъ, не имѣвшими никакихъ сношеній съ иноземными народами и не знавшими никакихъ учрежденій и предметовъ, свойственныхъ культурнымъ народамъ; свидѣтельства же иноземныхъ писателей и Несторова-Сильвестрова свода о сношеніяхъ славяноруссовъ съ иноземными народами, о славянорусскихъ княженіяхъ, князьяхъ, городахъ и т. д., признавались или не относящимися къ исторіи нашихъ предковъ или позднѣйшими вставками въ Несторова-Сильвестровъ сводъ, не соотвѣтствующими дѣйствительному быту славянорусскихъ племенъ языческой эпохи. Къ счастью, славянорусская земля сохранила архивы памятниковъ, изученіе которыхъ въ наше время реставрируетъ условія быта русскихъ славянъ языческой эпохи не въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представлялъ себѣ христіанскій монахъ Несторъ, а за нимъ и новѣйшіе историки во главѣ со Шлѣцеромъ**).

---

*) П. С. Р. Л., I, 6.

**) Заканчивая свой обзоръ владовъ съ восточными монетами, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи, и сопоставивъ съ одной стороны идею академика Шторха о древности торговыхъ сношеній Европы съ Азіею черезъ Россію, основанную на сказаніяхъ древнихъ литературныхъ памятниковъ, а съ другой стороны идею Шлѣцера, по которой древніе обитатели Россіи жили подобно ирокойцамъ и алгонкинцамъ, не имѣя никакихъ товаровъ, просвѣщенія, денегъ и грамоты, П. С. Савельевъ высказалъ слѣдующее заключеніе: „прошло около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, и источники, дотошъ не извѣстные, бросили новый свѣтъ на состояніе нашего древняго сѣвера. Системы Шлѣцера рушатся сами собою; но его брамински-фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время останавливали успѣхи нашей юной исторіографіи, не выходявшей изъ-подъ ферулы своего нѣмецкаго учителя“. „Мухам. нумизматика“, стр. ССXXXII.

Фактъ существованія во многихъ пунктахъ славянорусской земли остатковъ укрѣплений общественныхъ поселений, а при нихъ общественныхъ кладбищъ языческаго содержанія, состоящихъ изъ сотенъ и тысячъ могилъ, донинѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаются громадныя могильныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ, доказываетъ существованіе у славяноруссовъ языческой эпохи политическихъ союзовъ, общественныхъ главъ и множества городовъ. Одинаковые обряды погребенія, открываемые на кладбищахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываютъ существованіе одинаковыхъ обычаевъ у политически разрозненныхъ славянорусскихъ племенъ языческой эпохи. Различная величина могильныхъ насыпей въ общественныхъ кладбищахъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ той или другой могилѣ, доказываютъ неравенство общественнаго положенія и имущественнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ въ древнеславянскихъ обществахъ. Находимыя въ кладахъ и могилахъ монеты указываютъ на отдаленныя сношенія нашихъ предковъ съ другими народами и опредѣляютъ направленія такихъ сношеній. Содержаніе славянорусскихъ городищъ, могильниковъ и кладовъ возстановливаетъ передъ нами домашнюю жизнь язычника-славянорусса. Найденны въ могилахъ остатки холстяныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей; разной формы и различнаго состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, фибулы, булавки; племы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; глиняные, желѣзные и бронзовые сосуды, кубки, замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, игральныя кости (шашки, зернь и бабки); удила, стремяна и стремянныя пряжки. Серпы и хлѣбныя зерна (рожь, овесъ, ячмень и пшеница), найденныя въ могилахъ, доказываютъ земледѣльческій бытъ язычника-славянорусса. Стравницы, остатки погребальныхъ тризнь, остатки жертвоприношеній, изображенія божковъ и другіе предметы, найденныя въ языческихъ курганахъ, поясняютъ вѣрованія нашихъ предковъ.

Слѣдовательно, по результатамъ археологическихъ раскопокъ, по свидѣтельствамъ вещественныхъ памятниковъ, славяноруссы IX и X столѣтій не „живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь“, не были дикими, звѣроподобными народами, какими ихъ представляли себѣ Шлѣцеръ, а за нимъ и новѣйшіе историки. *По свидѣтельствамъ вещественныхъ*

памятниковъ славяноруссы представляются намъ не разбѣянными, полудикими племенами, а народами земледѣльческими, сплоченными въ политическіе союзы и имѣвшими съ глубокой давности и до времени ренессанса христіанства въ Россіи сношенія съ цивилизованными народами южной Европы.

ГЛАВА V.

Слѣды языческаго быта славяноруссовъ въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени. Общеславянская терминологія и выводы сравнительной соціологіи и этнологіи, какъ средства познанія славянорусскаго права языческой эпохи.

III. СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСКАГО БЫТА СЛАВЯНОРУССОВЪ ВЪ ОБЫЧНОМЪ ПРАВѢ РУССКАГО НАРОДА ХРИСТІАНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Жизнь политическихъ обществъ подчинена законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма или самосохраненія, въ силу которыхъ политическія и юридическія отношенія каждаго народа данной эпохи сохраняютъ очень многое отъ предыдущихъ эпохъ. Нововведенія законодателя проникаютъ въ народное сознаніе очень медленно; часто въ теченіе многихъ столѣтій они регулируютъ собою только отношенія лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ населенія въ государствѣ, болѣе цивилизованнымъ, болѣе склоннымъ къ новизнѣ, а низшіе классы сохраняютъ соціальныя отношенія, основанныя на древнихъ нормахъ обычнаго права. Знакомому съ сельскимъ бытомъ русскаго народа нашего времени извѣстно, что крестьянинъ не знаетъ постановленій дѣйствующаго законодательства, а опредѣляетъ свои отношенія къ обществу понятіями о правѣ, регулировавшими семейный и общественный бытъ русскаго народа въ давнопрошедшемъ. Благодаря законамъ органическаго развитія и естественнаго консерватизма политической жизни, привязанности народа къ обычаямъ его предковъ, историкъ-юристъ настоящаго времени имѣетъ возможность пополнить нѣкоторыя пробѣлы и разъяснить много непонятнаго въ историческихъ матеріалахъ перваго періода исторіи русскаго права посредствомъ изученія историческихъ матеріаловъ христіанскаго времени и политико-юридическихъ отношеній, наблюдаемыхъ въ дѣйствующемъ обычномъ правѣ русскаго народа настоящаго времени.

Многіе обычаи, дѣйствовавшіе и дѣйствующіе въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени, особенно изъ относящихся къ областямъ обычнаго семейнаго права и обычныхъ народныхъ вѣрованій,

по времени ихъ происхожденія, *несомнѣнно относятся къ эпохѣ язычества*. Несомнѣнною мѣрою древности такихъ обычаевъ является фактъ рецепціи христіанства въ Россіи и содержаніе христіанскаго ученія. Встрѣчая въ дѣйствовавшемъ или дѣйствующемъ правѣ обычаи, не соотвѣтствующіе содержанію христіанской религіи, мы имѣемъ право отнести время ихъ происхожденія къ эпохѣ язычества. Слѣдовательно, выбравъ обычаи русскаго народа, противные христіанской религіи, изъ литературныхъ памятниковъ и сборниковъ обычнаго права христіанскаго времени, *историкъ-юристъ можетъ употребить ихъ какъ матеріалъ, дополняющій и разъясняющій свидетельства другихъ источниковъ* о содержаніи системы права славяноруссовъ языческой эпохи.

Такъ, напримѣръ, въ Несторовомъ описаніи семейныхъ обычаевъ славянорусскихъ племенъ языческой эпохи говорится слѣдующее: „древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица“*). Это непонятное само по себѣ свидѣтельство дополняется и разъясняется позднѣйшими памятниками русскаго права и дѣйствующимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычнымъ правомъ. Въ отрывкѣ Переяславльскаго свода русскихъ лѣтописей, соотвѣтствующемъ приведенному свидѣтельству Нестора, говорится слѣдующее: „брака у древлянъ нѣтъ; воровски на коняхъ подѣзжаютъ къ чужимъ жилищамъ, и гдѣ увидятъ у воды дѣвицъ или женъ молодыхъ, то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними“**). Въ уставной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича, данной смоленской епископіи въ 1150 году, въ числѣ преступленій, подсудныхъ епископу, упоминается: „уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку“***). Бопланъ, въ своемъ описаніи Украйны, сообщаетъ о существовавшемъ еще въ XVI вѣкѣ въ Малороссіи обычай похищать невѣсть: „похитившій дѣвушку, говоритъ онъ, долженъ былъ бѣжать со своею добычею въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ; если же его открывали ранѣе того срока, то лишали жизни; по истеченіи трехъ сутокъ послѣ похищенія, похищенной предоставлялось право объявить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; если давалось такое согласіе, то похититель, подѣ страхомъ смерти, не могъ отказаться отъ брака съ похищенною; если же похищенная не давала согласія на бракъ съ похитителемъ, то они расходились“. Даже

*) П. С. Р. Л., I, 6.

***) Временникъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1851 г., кн. IX; Переяславльская лѣтопись, стр. 3.

***) Дополн. къ „Акт. истор.“, т. I, стр. 7.

въ нынѣ дѣйствующихъ свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ нѣкоторыхъ мѣстностей сохранились слѣды умычки языческой эпохи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи, по обычному праву, наряженнаго жениха ставятъ обѣими ногами на сковороду (плоскій желѣзный сосудъ, на которомъ пекутъ блины), а лица, назначенныя въ сопутники жениха въ поѣздкѣ за невѣстою, въ числѣ не менѣе 6 человекъ, должны обступитъ жениха и поставить правыя ноги на ту же сковороду, причемъ всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, а шаферъ — дружно произноситъ слѣдующія слова: „ну, цѣлуйте Божье милосердіе; чтобъ стоять намъ другъ за друга, братъ за брата, до единой капли крови“. Происхожденіе этого обряда, составляющаго родъ присяги, очевидно относится къ эпохѣ язычества, а христіанскій оттѣнокъ онъ получилъ уже по рецепціи христіанства въ Россіи. Этотъ обрядъ указываетъ на языческій обычай умычки невѣсты цѣлою толпою непріятелей*). Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ русскаго народа женихъ часто называется чужаниномъ или чужбининимъ, окруженъ недругами невѣсты; чтобы достать невѣсту, онъ долженъ ломать стѣну, пускать стрѣлы, ломать замки и проч.**). Такимъ образомъ, непонятное само по себѣ извѣстіе Нестора объ умычкѣ, при сопоставленіи съ обычнымъ семейнымъ правомъ русскаго народа христіанской эпохи, является вполне понятнымъ указаніемъ на обычай похищенія женщинъ, на одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія женъ по праву славяноруссовъ языческой эпохи***).

Въ историческихъ памятникахъ и обычаяхъ русскаго народа христіанскаго времени находимъ также указанія, дополняющія и разъясняющія факты, полученные посредствомъ археологическихъ раскопокъ. Раскопки сами по себѣ не объясняютъ намъ, почему языческія могилы часто покрыты курганами, земляными насыпями; почему въ языческихъ курганахъ, надъ могилами, часто встрѣчаются черепки битой посуды, расколотыя и обглоданныя кости животныхъ, скорлупа яицъ, уголь и пр.; почему въ могилахъ, рядомъ съ остатками погребенныхъ покойниковъ, встрѣчаются остовы животныхъ и разные предметы быта: сосуды, вооруженіе, оружіе, домашнія орудія и пр. Свидѣтельства писателей христіанскаго времени объясняютъ намъ, что насыпи надъ могилами нашихъ предковъ имѣли значеніе могильнаго памятника; черепки битой

*) См. Шпилевскаго, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ, 1869 г., стр. 24 и слѣд.

***) Тамъ же, стр. 30 и 31.

***) См. приложение № 30.

посуды, расколотыя кости и другіе предметы, находимыя надъ могилами, представляютъ собою остатки тризнь, языческихъ погребальныхъ трапезъ; помѣщеніе въ могилѣ покойника разныхъ предметовъ быта было связано съ языческимъ вѣрованіемъ въ загробную жизнь, по которому брошенные въ могилу предметы должны были служить покойнику въ загробной жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи) сохранился обычай — бросать въ могилу покойника одну или двѣ монеты; похоронивъ покойника, въ домѣ его, на окнѣ, ставятъ сосудъ съ водою, остающійся здѣсь 40 дней, въ теченіе которыхъ, по народному вѣрованію, душа покойника ежедневно возвращается въ домъ свой и утоляетъ жажду изъ сказаннаго сосуда; иногда, рядомъ съ водою, ставятъ блины или другую закуску. Повсемѣстно въ славянскихъ земляхъ существуетъ или еще недавно существовалъ обычай поминать покойниковъ на ихъ могилахъ, при чемъ оставляются на могилахъ яйца, пироги, вареники и пр. Повсемѣстно распространенный обычай погребальныхъ обѣдовъ въ низшихъ классахъ русскаго народа имѣетъ языческой характеръ: предполагается, что душа покойника присутствуетъ на обѣдѣ и раздѣляетъ трапезу; кусокъ пищи, свалившійся съ поминальнаго стола, запрещается подымать, какъ выбранный покойникомъ и т. д. Эти и подобныя имъ обычаи представляютъ собою несомнѣнные слѣды язычества, потому что не соотвѣтствуютъ духу христіанскаго ученія, по которому душа покойника тотчасъ послѣ его смерти прерываетъ всѣ связи съ земнымъ міромъ и не нуждается ни въ чемъ вещественномъ.

Точно такъ же въ народныхъ вѣрованіяхъ въ домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ, въ народныхъ праздникахъ Коляды, Ивана Купала, Лады, Палея, Царя-Града и т. д., равно въ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ народные праздники, сохранилось много несомнѣнныхъ слѣдовъ языческихъ вѣрованій и языческаго фестивального права*).

---

*) См. А. Н. Афанасьева, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. 3 тома, изд. 1865—9 гг. Литературу по обычному праву русскаго народа см. въ изданіи Е. Якушина, Обычное право, Матеріалы для бібліографіи обычнаго права, Ярославль 1875 г.; в. II, изд. 1896 г.; В. Пахмана, Обычное гражданское право въ Россіи, т. I, изд. 1877 г.; А. Клястковскаго, Программа для собранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, „Кіевскія Университетскія Извѣстія“ 1877 г., февраль; М. Харузина, Программа для собранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, Москва 1877 г.

Вышеизложенные примѣры показываютъ возможность и необходимость пользоваться обычнымъ правомъ русскаго народа, какъ средствомъ познанія языческой системы права славяноруссовъ, по отношенію къ нормамъ семейнаго права, религіознаго, погребальнаго и фестивального. Что же касается другихъ сферъ права, то наука нашего времени еще не располагаетъ такою несомнѣнною мѣрою древности народныхъ обычаевъ, какая указана нами по отношенію къ религіознымъ понятіямъ и семейнымъ обычаямъ и обрядамъ. Отсутствіе вѣрныхъ средствъ распознаванія обычаевъ языческаго происхожденія отъ обычаевъ позднѣйшихъ историческихъ эпохъ дѣлаетъ въ настоящее время невозможнымъ пользованіе дѣйствующимъ обычнымъ правомъ, какъ средствомъ познанія языческаго права славяноруссовъ по отношенію къ сферамъ государственнаго, уголовнаго, вещнаго и наслѣдственнаго права.

IV. ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГІЯ.

Сравнительное изученіе языковъ привело лингвистовъ къ предположенію пранарода — общаго предка всѣхъ народовъ индо-европейскаго происхожденія. Этотъ пранародъ обиталъ въ Средней Азіи, въ областяхъ древней Аріи, откуда вышли колоніи въ области южной Азіи и въ Европу*). Аріискіе колонисты, отдѣлившись другъ отъ друга географически, съ теченіемъ времени разошлись между собою и этнографически. Соотвѣтственно новымъ этнографическимъ образованіямъ видоизмѣнялись первоначальныя формы индо-европейскаго праязыка, также распавшагося на новые, обособленные другъ отъ друга, языки**). Видоизмѣняясь въ своихъ формахъ по различію мѣстныхъ условій жизни аріискихъ колоній, индо-европейскій праязыкъ продолжалъ жить въ корняхъ многихъ словъ, обозначающихъ въ новыхъ индо-европейскихъ языкахъ одни и тѣ же понятія. Отсюда, *выдѣливъ слова съ общими корнями, обозначающія въ новыхъ языкахъ однѣ и тѣ же понятія, наука получаетъ возможность узнать многіе предметы, бывшіе извѣстными индо-европейскому пранароду, а слѣдовательно и познать нѣкоторыя условія его культурнаго и гражданскаго быта. Сказаннымъ путемъ доказано, что уже до времени географическаго разобщенія и этнографическаго обособленія другъ отъ друга народовъ индійскихъ, иранскихъ, греческихъ, латинскихъ, кельтическихъ, германскихъ, литовскихъ и славян-*

*) См. Самохвасова, Ист. русскаго права, вып. II, стр. 6 и слѣд., 71 и слѣд., изд. 1884 г.

**) См. приложение № 31.

скихъ были извѣстны индо-европейцамъ многіе предметы и учрежденія, не извѣстные народамъ низшихъ степеней культурнаго и гражданскаго развитія (народамъ сидячаго и бродячаго состояній)*).

Такимъ же способомъ возможно познать многіе предметы и учрежденія праславянъ, народа-предка нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ.

По историческимъ даннымъ, до расселенія славянскихъ колоній въ центральныхъ областяхъ Европы, праславяне занимали области южной Европы, лежація между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Днѣпра, называвшіяся у древнихъ греческихъ писателей „древней Скифіей“ и землю „гетовъ“, а у римскихъ писателей „Дакіей“ и землю „вентовъ“ **). Во второмъ вѣкѣ по Р. Х., вслѣдствіе столкновенія праславянъ съ волохами-римлянами, славянская прародина выдѣлила колоніи, поселившіяся въ центральныхъ областяхъ Европы, по рѣкамъ Вислѣ, Днѣпру, Припети и др. Географическое и политическое разобщеніе славянскихъ колоній между собою и общею ихъ прародиною имѣло своимъ послѣдствіемъ происхожденіе новыхъ этнографическихъ типовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новѣйшихъ славянскихъ языковъ: болгарскаго, сербо-словинскаго, чешскаго, польско-полабскаго и русскаго.

Сравненіе новѣйшихъ славянскихъ языковъ ведетъ къ раздѣленію всѣхъ словъ общеславянскаго словаря на двѣ категоріи, одна изъ которыхъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ употребляется для обозначенія однихъ и тѣхъ же предметовъ и понятій. Несомнѣнно слова этой категоріи сформировались еще до времени географическаго и этнографическаго разобщенія славянскихъ народовъ, до времени образованія новѣйшихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ общеславянская терминологія является наслѣдствомъ отъ языка праславянъ, общаго ихъ предка. Отсюда понятно, что *общеславянская терминологія представляетъ собою матеріалъ, дающій возможность познать многіе предметы, понятія и учрежденія народа-праотца, общаго предка существующихъ нынѣ славянскихъ народовъ.*

Общеславянская терминологія доказываетъ, что уже предки новѣйшихъ славянскихъ народовъ, праславяне, имѣли неподвижныя жилища***), обставленныя разнообразною домашнею утварью****), изгото-

---

*) См. приложение № 32.

***) См. Самоквасова, Ист. русскаго права, в. I, стр. 89, 108 и слѣд.

****) Общеславянскіе термины: дворъ, домъ, стѣна, стрѣха, окно, дверь, печь.

*****) Столы, стулья, возы, колеса, ложки, иглы, долота, ножи, сѣкиры, пилы, конья-ратища, стрѣлы, мечи и пр.

вленную не только изъ дерева, кости, глины и камня, но и различныхъ металловъ, со включеніемъ желѣза*); промышляли земледѣліемъ**); питались культурными растеніями и животными***); изъ минераловъ, растеній и животныхъ умѣли добывать разныя вещества на свои потребности****); знали многія внутреннія свойства растеній, примѣняемыя къ потребностямъ питанія, техники и медицины*****); одѣвались въ полотняныя и шерстяныя ткани, украшенныя разными орнаментами†); знали спеціальныя ремесленные промыслы††); музыкальныя потребности удовлетворяли искусственными инструментами†††); знали употребленіе какихъ-то знаковъ для выраженія мыслей посредствомъ письма††††); жили въ городахъ, устанавливая и поддерживая общественный порядокъ жизни посредствомъ законовъ и спеціальныхъ органовъ общественной власти и суда†††††).

*) Золото, серебро, олово, мѣдь, желѣзо.

***) Плугъ, рало, лемешъ, серпъ, копа, снопъ.

****) Ленъ, конопля, жито, ячмень, овесъ, пшеница, просо, яблоки, груши, сливы, макъ, горохъ, дыни, огурцы, хрѣнь, гусь, утка, курица, овца, коза, свинья, осель, верблюды, корова, конь, песь, пчела.

*****) Глина, стекло, смола, деготь, клей, вино, масло, молоко, сыръ, воскъ, лой, свѣчи и пр.

*****) Горчица, глистникъ, дурманъ, маточникъ, медуница, мята, подбѣлъ, мухоморъ, липа и пр.

†) Полотно, вонна, рубахи, ризы, плащи, обручи, браслеты, перстни, бисеръ.

††) Ремесло, коваль, ткачъ, суконщикъ, золотарь.

†††) Гусли, бубны, трубы, дудки.

††††) Писать, письмо, перо (какъ орудіе письма).

†††††) Градъ, обычай, законъ, рядъ, уставъ, правда, право, семья, родъ, племя, община, панъ, староста, воевода, владыка, князь, судъ, судья, вазнь, дѣдина и пр. См. Воцеля, Древняя бытовая исторія славянъ, перев. Н. Задерацкаго, Кіевъ 1875, гл. II; Будиловича, Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ, Кіевъ ч. I, 1878 г.; чч. II и III, 1879 г. Научная литература нашего времени, въ сожалѣнію, еще не владѣетъ сводомъ праславянскихъ терминовъ, обозначающихъ степени родства, отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родственниковъ къ младшимъ, опекаемыхъ къ опекуну, властвующихъ къ подвластнымъ; а также общеславянскихъ терминовъ, обозначающихъ территориальныя дѣленія, общественные классы, преступленія и наказанія, родовую, семейную и личную собственность, обязательства, понятія наследственнаго права и вообще общеславянскихъ словъ, относящихся къ юридической терминологии. Выполненіе этой задачи было бы важною услугою для исторіи права славянскихъ народовъ.

Изложенный выводъ науки сравнительнаго языкознанія имѣеть перво-степенную важность въ дѣлѣ познанія исторіи права всѣхъ славянскихъ народовъ и въ частности исторіи права славяноруссовъ. Очевидно, славянскіе колонисты вынесли изъ придунайской прародины въ центральныя области Европы культуру и гражданственность митрополи. Наши предки, знавшіе въ прародинѣ искусства строить дома и города, обрабатывать землю, разводить извѣстныя породы животныхъ и растеній, плавить металлы, одѣваться въ ткани и т. д., не могли явиться на побережья Вислы, Днѣпра, Десны, Припети и пр. дикими народами, какими извѣстная литературная школа представляетъ себѣ славяноруссовъ ячической эпохи. *Вмѣстѣ съ культурною обстановкою славяноруссы должны были вынести изъ своей митрополи-прародины и гражданскую обстановку своихъ предковъ.* Разъ познавъ такія общественныя учрежденія, какъ семья, городская община, городское укрѣпленіе, общественный начальникъ, общественный судъ и проч., каждый языческій народъ облакалъ ихъ религіознымъ характеромъ, освящалъ признаніемъ своей религіи и хранилъ ихъ, какъ священный завѣтъ предковъ и боговъ.

Слѣдовательно, общеславянская терминологія является намъ важнымъ дополненіемъ къ средствамъ познанія условій быта нашихъ предковъ языческой эпохи, сохранившимся въ литературныхъ и вещественныхъ памятникахъ.

V. ВЫВОДЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СОЦІОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ.

Естествоиспытатели текущаго столѣтія, оставивъ прежнія теоріи метафизиковъ, алхимиковъ и астрологовъ, съ ихъ общими, абсолютными началами, какъ бесполезныя въ дѣлѣ объясненія конкретныхъ фактовъ, обратились къ изученію простѣйшихъ элементовъ природы. Изученіе свойствъ простыхъ тѣлъ и явленій и условій, при которыхъ простыя тѣла и явленія образуютъ сложныя, повело къ открытію многихъ законовъ, управляющихъ физическимъ міромъ. Ученые юристы нашего времени также сознаютъ необходимость приложенія къ юриспруденціи метода, благодаря которому метафизика стараго времени распалась на положительныя науки. „Какъ натуралистъ, изслѣдуя законы вещественной природы, начинается съ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ простѣйшіе элементы физическаго тѣла или явленія, такъ *ученый*

юристъ, изслѣдуя законы, управляющіе обществомъ, долженъ начинать съ простѣйшихъ соціальныхъ формъ*).

Но изученіе простѣйшихъ соціальныхъ явленій встрѣчаетъ трудности, не извѣстныя натуралисту. Изучающему физическій организмъ природа предлагаетъ въ готовомъ видѣ необходимыя средства познанія истины, при посредствѣ которыхъ онъ можетъ наблюдать составные элементы и развитіе организма на всѣхъ ступеняхъ его жизни, начиная съ составныхъ частей зерна или яйца до смерти отъ старости; условія, при которыхъ усложняется физическій организмъ и старые элементы замѣняются въ немъ новыми, могутъ быть наблюдаемы въ каждый нужный для изслѣдователя моментъ. Въ другія условія поставлено изученіе общественныхъ организмовъ. Историкъ-юристу приходится имѣть дѣло съ явленіями въ высшей степени сложными, образованіе и начальное развитіе которыхъ лежитъ за предѣлами исторіи, эксперименты надъ которыми невозможны. Изучая государство, историкъ-юристъ принужденъ ограничиться простымъ наблюденіемъ дѣятельности и взаимнаго соотношенія составныхъ элементовъ государства; составные же его элементы, семья, община, органы власти и т. д., въ свою очередь, не простыя физическія тѣла и явленія, а также сложные, измѣнившія свою первоначальную форму подъ вліяніемъ условій протекшей жизни общества. Съ другой стороны, изслѣдованіе соціальныхъ явленій данной эпохи можетъ рѣшить вопросъ о фактѣ существованія, но не рѣшаетъ вопроса о необходимости существованія тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній и учреждений. Убѣжденіе въ необходимости извѣстныхъ явленій въ данномъ организмѣ дается только изученіемъ условій развитія этого организма, изученіемъ его исторіи. Натуралистъ можетъ изучать исторію даннаго физическаго организма при посредствѣ живыхъ нѣсколькихъ или многихъ индивидовъ одного рода, живущихъ одновременно, но стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія; юристъ, изучающій исторію даннаго общества, долженъ довольствоваться мертвыми, историческими памятниками. Отсюда, историческіе памятники, не извѣстные однѣмъ изъ естественныхъ наукъ, у другихъ играющіе второстепенную роль, въ соціальныхъ историческихъ наукахъ составляли до новѣйшаго времени единственный матеріалъ. Этотъ матеріалъ далеко не такъ полонъ и реаленъ, какъ матеріалъ естественныхъ наукъ**).

*) См. Maine, Ancient Law, p. 119.

***) См. Самоявасова, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876 г. Предисловіе, стр. III и слѣд.

Въ виду сказанныхъ обстоятельствъ, не удивительно, что до настоящаго времени общіе законы, управляющіе человѣческими обществами, еще не сдѣлались достояніемъ положительнаго знанія настолько, насколько сдѣлались ему доступными законы физическаго міра. Однакоже пріобрѣтенія соціальныхъ наукъ за послѣднія десятилѣтія даютъ основанія надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ исторія права и политическихъ учрежденій получитъ значеніе реальной науки.

Сравнительная соціологія и этнологія нашего времени располагаетъ двумя новыми важными средствами познанія древняго права вообще и древняго права каждаго изъ новѣйшихъ народовъ въ частности. Такія средства составляютъ: *сравнительное изученіе историческихъ памятниковъ различныхъ народовъ и сравнительное изученіе условій политико-юридическаго быта современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи.*

Сравненіе памятниковъ обычнаго права и законодательства различныхъ народовъ доказываетъ, что „общественныя потребности народовъ были очень сходны въ извѣстныя эпохи ихъ развитія и проявлялись въ созданіи соціальныхъ учрежденій повсюду одинаковыхъ“*). Отсюда, сравнительный методъ познанія исторіи права является дѣйствительнымъ средствомъ пополненія пробѣловъ въ историческихъ памятникахъ одного народа историческими памятниками другихъ народовъ; въ области права этотъ методъ долженъ вести къ такимъ же положительнымъ результатамъ, къ какимъ онъ ведетъ ученыхъ изслѣдователей въ областяхъ филологіи и миѳологіи; а по натурѣ своей, онъ столько же реальный методъ изслѣдованія, какъ и сравнительное изученіе однородныхъ физическихъ тѣлъ и явленій.

Но историческіе памятники сообщаютъ намъ свѣдѣнія о бытѣ народовъ, стоявшихъ уже сравнительно на высокой степени гражданскаго развитія, и рисуютъ его только съ одной стороны, такъ сказать, анатомической, не даютъ намъ знанія причинъ, вызвавшихъ существованіе и развитіе извѣстныхъ соціальныхъ явленій, силы и пространства дѣйствія этихъ явленій въ жизни, не отвѣчаютъ на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ дается только изученіемъ живыхъ организмовъ. Здѣсь является на помощь наукѣ сравнительное изученіе условій политико-юридическаго быта современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ

*) См. Emile de Laveleye, *De la propriété et de ses formes primitives*, р. 6, Maine, *Ancient Law*, р. 118—120; *Леббокъ*, Начало цивилизаціи, стр. 5, 9, 12 и др.

степеняхъ цивилизаціи. Части земной поверхности представляютъ собою различныя условія для развитія общественной жизни. Соціальные организмы, какъ и организмы физическіе, развиваются при наличности извѣстныхъ условій, отсутствіе которыхъ останавливаетъ развитие. Благодаря этому закону, натуралисты настоящаго времени находятъ въ нѣкоторыхъ странахъ формы фауны и флоры, принадлежащія давнимъ эпохамъ геологическаго развитія нашей планеты; благодаря тому же закону, историкъ находитъ въ разныхъ странахъ народы, стоящіе на различныхъ степеняхъ гражданственности, начиная отъ простѣйшей формы общества, почти стада, до степени высшихъ формъ цивилизаціи современныхъ намъ государствъ Европы. Наблюденіе юридическаго быта у современныхъ намъ дикихъ и полудикихъ народовъ показало, „что народы различнаго происхожденія, стоящіе на одинаковой степени политическаго развитія, представляютъ больше сходственныхъ чертъ политико-юридической организаціи, нежели одинъ народъ въ различные періоды его исторіи; что свидѣтельства путешественниковъ нашего времени, описывающихъ бытъ первобытныхъ народовъ, даютъ такія же важныя указанія для исторіи права древнѣйшихъ періодовъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, какъ и свидѣтельства древнихъ писателей“*). Отсюда, *сравнительное изученіе политико-юридическаго быта дикихъ и полудикихъ народовъ является могущественнымъ средствомъ познанія древности*. Является возможность пополнить наши познанія въ отношеніи древнѣйшихъ политико-юридическихъ учрежденій цивилизованныхъ народовъ посредствомъ изученія быта современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, то-есть, посредствомъ метода натуралистовъ, изучающихъ исторію даннаго организма при посредствѣ изученія составныхъ элементовъ и условій развитія однородныхъ организмовъ различныхъ возрастовъ, но живущихъ одновременно**).

Дѣло познанія началъ быта нашихъ предковъ при посредствѣ фактовъ сравнительной соціологіи и этнологіи требуетъ громадной эрудиціи. „Единичной личности, — справедливо замѣчаетъ проф. Загоскинъ, — какъ бы ни были могучи умственные силы ея, какъ бы ни была тверда ея воля, ея энергія и уморность въ трудѣ, врядъ ли подъ силу обнять полное изученіе всей массы источниковъ по древнему общеславянскому праву. Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны пред-

*) Тамъ же.

**) См. приложение № 33.

ставить они, требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ, даже трудовъ многихъ поколѣній. Между тѣмъ, полного и плодотворнаго результата въ правѣ мы ожидать лишь отъ изученія источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права въ ихъ взаимодействіи, въ ихъ совокупности“*).

Само собою разумѣется, что не всѣ вопросы древнѣйшаго періода исторіи русскаго права требуютъ помощи выводовъ сравнительной социологіи и этнологіи. Множество вопросовъ науки рѣшаются положительно другими средствами. *Сравнительная этнологія должна быть призвана на помощь исторіи русскаго права въ такихъ вопросахъ, которые не рѣшаются другими средствами* и когда основанныя на нихъ рѣшенія возбуждаютъ какія-либо сомнѣнія**).

Б. Спеціальные источники.

ГЛАВА VI.

Происхожденіе и содержаніе договоровъ русскихъ князей съ византійскими императорами***).

Спеціальныя средства познанія системы права славяноруссовъ языческой эпохи составляютъ *четыре договора русскихъ князей съ византійскими императорами*, сохранившіеся въ русскихъ лѣтописяхъ X вѣка, вошедшихъ въ составъ Несторово-Сильвестрова лѣтописнаго свода: договоръ 907 года князя Олега съ царями Львомъ и Александромъ, договоръ 911 года князя Олега съ царями Львомъ, Александромъ и Константиномъ, договоръ 945 года князя Игоря съ царями Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ и договоръ 971 года князя Святослава съ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Происхожденіе и содержаніе договора 907 года. Преданіе о князѣ Кіѣ, основателѣ города Кіева, ходившемъ въ Константинополь, записанное Несторомъ, относитъ начало сношеній Кіева съ Царьградомъ къ глубокой давности****). Монеты византійскихъ императоровъ и другіе

---

*) Методъ и средства сравн. изуч. обычнаго права славянъ, стр. 52.

***) См. приложение № 34.

****) См. приложение № 35.

*****) П. С. Р. Л., I, 4. „Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившу ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при котормъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеву...“

предметы византійскаго искусства, открытыя въ наше время по среднему теченію Днѣпра, убѣждаютъ положительно, что *сношенія кievской области съ Византіей существовали въ теченіе всего времени отъ основанія Константинополя Константиномъ Великимъ до Василія Романовича Багрянороднаго и русскаго князя Владимира Святославича Равноапостольнаго**).

Первое лѣтописное описаніе посѣщенія Константинополя славяно-руссамъ относится къ седьмому десятилѣтію IX столѣтія. По спискамъ краткой редакціи Несторова лѣтописнаго свода: „въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченію Михаилу царствовати, начася прозывати, руська земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречестѣмъ... Въ лѣто 6374 (866) иде Аскольдъ и Диръ на греки и придоша въ 14 лѣто Михаила царя. Царю же отшедшу на агаряны, дошедшу же ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь суду вшедше, много убійство крестьянамъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша... буря вста съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вставшемъ засобъ, безбожныхъ руси корабль смяте, къ берегу приверже; и изби я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути, во-свояси возвратишася“**). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Несторова лѣтописнаго свода, сверхъ того, сообщается о примиреніи Аскольда и Дира съ греками, о договорѣ кievскихъ князей съ императоромъ Василіемъ-Македоняниномъ и крещеніи кievлянъ въ 876 году***).

Слѣдовательно, *кievляне и греки имѣли договорныя отношенія до 866 года. Въ 866 году, въ царствованіе Михаила III, руссы опустошили окрестности Константинополя въ отмщеніе за нарушеніе греками договорныхъ условій, а въ 876 году, въ царствованіе Василія-Македонянина, договоръ руссовъ съ греками былъ возобновленъ.*

Свидѣтельства русской лѣтописи о событіяхъ въ русской землѣ, послѣдовавшихъ за крещеніемъ кievлянъ въ 876 году, объясняютъ причину, по которой потерялъ силу договоръ Аскольда и Дира съ Василіемъ-Македоняниномъ и возобновилось господство язычества въ Кіевѣ.

Новгородскіе и кievскіе князья не жили мирно между собою: кievскіе князья воевали подвластныхъ новгородскому князю полочанъ; нов-

*) См. приложение № 36.

***) См. приложение № 37.

***) См. приложение № 38.

городскіе мужи, недовольные своимъ княземъ, бѣжали въ Кіевъ, къ Аскольду и Диру*). Въ 882 году князь Олегъ, вышедши изъ Новгорода съ многочисленнымъ войскомъ, приблизился къ горамъ кіевскимъ. Узнавъ здѣсь, что Аскольдъ и Диръ были въ Кіевѣ, новгородскій князь приказалъ своему войску сойти съ лодокъ на берегъ и спрятаться до поры до времени, а часть воиновъ спряталъ въ лодкахъ, съ которыми поплылъ далѣе въ Кіевъ. Здѣсь, притворившись больнымъ, Олегъ послалъ къ Аскольду и Диру сказать слѣдующее: „я гость; иду въ Грецію отъ Олега князя и Игоря княжича; нынѣ заболѣлъ, а при мнѣ много дорогого бисера и всякаго узорочья; сверхъ того, имѣю сообщить вамъ нѣчто лично, поспѣшите ко мнѣ“. Не подозрѣвая обмана, Аскольдъ и Диръ вошли въ лодку Олега, съ небольшою дружиною. Тогда „убиша Аскольда и Дира... И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ; и рече: „се буди мати всѣмъ градомъ русскимъ“. И обладаша всею землею русскою“.

Завоеваніе Кіева язычниками и перемѣна въ немъ княжеской династїи должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ упраздненіе договора славяноруссовъ съ греками, заключеннаго въ 876 году Аскольдомъ и Диромъ съ императоромъ Василиемъ-Македоняниномъ. По международному праву среднихъ вѣковъ, перемѣна государственныхъ правителей упраздняла дѣйствіе договоровъ между государствами, требовала подтвержденія ихъ новыми правителями. По смерти Аскольда и Дира, новый кіевскій князь имѣлъ возможность поддержать прежнія отношенія Кіева къ Константинополю только посредствомъ подтвержденія прежняго договора кіевскихъ князей съ византійскимъ императоромъ. Но заключить договоръ съ греками, на условіяхъ предшественника, новый кіевскій князь имѣлъ возможность только по заявленіи своей силы подъ стѣнами Константинополя.

Укрѣпившись въ Кіевѣ построеніемъ новыхъ городовъ, покоривъ сосѣднія славянорусскія племена и обложивъ ихъ данью, *князь Олегъ въ 907 году предпринялъ военный походъ противъ грековъ и подъ стѣнами Царьграда заключилъ договоръ съ греческими царями Львомъ и*

---

*) „Въ лѣто 6373 (865) воеваша Аскольдъ и Диръ пологчанъ и много зла сотвориша... Въ лѣто 6375 (867) возвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царьграда... Того же лѣта избиша множество печенѣгъ Аскольдъ и Диръ. Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много новгородскихъ мужей“. П. С. Р. Л., т. IX, стр. 9—13.

Александромъ, исторія и содержаніе котораго сохранились только въ русской лѣтописи*).

„Въ 907 году, говоритъ лѣтописецъ, идетъ Олегъ на грековъ, оставивъ Игоря въ Кіевѣ, собравши множество варяговъ, славянъ, чуди, кривичей, мерянъ, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватъ, дулебовъ и тиверцевъ, какъ сказано, называющихся у грековъ Великою Скиѳіей. Со всѣми этими отправился Олегъ на коняхъ и въ лодкахъ, а лодокъ было числомъ двѣ тысячи. Приблизился Олегъ къ Константинополю, но греки заперли гавань и крѣпость. Тогда Олегъ сошелъ на берегъ, приказавъ войскамъ своимъ вытащить лодки на сушу и воевать окрестности Царьграда. Многіе греки были убиты, многіе дома были разрушены, а церкви сожжены; взятыхъ въ плѣнъ рубили, мучили, разстрѣливали, въ море кидали; и много другого зла сотворила русь грекамъ, по обычаямъ войны“. (Но греки города не открыли и на битву не вышли).

„И приказалъ Олегъ войскамъ своимъ сдѣлать колеса, а на колеса поставить лодки, и при попутномъ вѣтрѣ, натянувшемъ паруса съ поля, пошелъ на крѣпость. Видя это, греки ужаснулись и чрезъ пословъ своихъ сказали Олегу: „не губи города; мы соглашаемся платить дань, какую ты желаешь“. Олегъ остановилъ своихъ воиновъ. Вынесли ему греки изъ города явства и вино; но это угощеніе не было принято, такъ какъ оно было отравлено. Испуганные греки говорили: „это не Олегъ, а самъ святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога.

„И потребовалъ Олегъ выкупъ съ грековъ, на двѣ тысячи лодокъ по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а въ каждой лодкѣ числилось по 40 человѣкъ. Греки согласились на это условіе, но просили договора, которымъ Олегъ обязался бы не воевать греческой земли. Олегъ же, отступивъ нѣсколько отъ города, началъ переговоры о договорѣ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, пославъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлафа, Велимида, Рулава и Стемида съ вопросомъ: „соглашаетесь ли вы платить мнѣ дань?“ — „Что требуешь, дадимъ тебѣ“, отвѣчали греки.

„И потребовалъ Олегъ, чтобы греки дали его воинамъ на девять тысячъ лодокъ по двѣнадцати гривенъ на „ключъ“, а потомъ давали „уклады“ на русскіе города, сначала на Кіевъ, а потомъ на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе города, въ которыхъ сидѣли

---

*) См. приложение № 39.

князя, состояшіе подъ властью Олега *). Русскіе имѣютъ право проходить и пользоваться хлѣбомъ, по мѣрѣ надобности; а русскіе купцы имѣютъ право на полугодовое, помѣсячное содержаніе, состоящее изъ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; русскіе имѣютъ право пользоваться банями, по ихъ желанію, а на обратный путь въ отечество свое получаютъ изъ царской казны съѣстные припасы, якоря, веревки и паруса, сколько потребуется для дороги.

„Согласились на это греки, но цари и всѣ ихъ бояры сказали: если придутъ русскіе не для торговли, то не имѣютъ права на мѣсячину; русскій князь обязуется запретить русскимъ, приходящимъ въ нашу страну, творить вредъ въ селахъ нашихъ; русскіе обязуются жить у святого Мамы (предмѣстье Царьграда), и только послѣ переписи ихъ именъ нашимъ посланцемъ, получаютъ мѣсячное содержаніе пришедшіе изъ города Кіева, также изъ Чернигова, Переяславля и другихъ городовъ; русскіе обязуются входить въ крѣпость Константинополя только чрезъ одни ворота, въ сопровожденіи царскаго чиновника, безъ оружія, и въ количествѣ не болѣе пятидесяти человекъ, и тогда только имѣютъ право совершать свободно торговля сдѣлки, не уплачивая никакихъ пошлинъ.

„Заклучили договоръ съ Олегомъ цари Левъ и Александръ, согласившись платить дань. И поклялись взаимно другъ другу: цари цѣловали крестъ, а Олега и его мужей привели къ присягѣ по русскому закону: клялись оружіемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотыимъ богомъ.

„И приказаль Олегъ изготвить для русскихъ лодокъ паруса шелковые, а для славянскихъ ситцевые, что и было сдѣлано. Повѣсивъ щиты свои на вратахъ, въ знакъ побѣды, Олегъ оставилъ Царьградъ. Натянули руссы паруса шелковые, а славяне ситцевые, и послѣдніе разодралъ вѣтеръ. И сказали славяне: „обратимся къ своимъ холстинамъ; непригодны славянамъ ситцевые паруса“. И возвратился Олегъ

---

*) Какъ увидимъ ниже, подъ „укладами“ текстъ договора Олега разумѣлъ постоянную ежегодную дань грековъ руссамъ. Это доказываетъ исторія договоровъ Игоря и Святослава: война съ греками возобновлялась и прекращалась, глядя по тому, платили или отказывались платить греки „дань, юже ималъ Олегъ“. Византійскій дворъ содержалъ въ строгой тайнѣ данническія отношенія къ сосѣднимъ скиѣскимъ племенамъ, а потому о количествѣ дани текстъ договора 907 года, какъ актъ публичный, умалчиваетъ. См. Исторію Льва Діакона, кн. IV, гл. 5 и 6.

въ Кіевъ съ золотомъ, шелкомъ, овощами, винами и всякими тканями. Народъ прозвалъ Олега вѣщимъ, по понятіямъ несвѣдующихъ язычниковъ“ *).

Происхожденіе и содержаніе договора 911 года. За изложеннымъ повѣствованіемъ о походѣ и договорѣ Олега 907 года, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ извѣстій до 911 года, подъ которымъ говорится о появленіи кометы на западѣ, а затѣмъ, *подъ 912 годомъ, слѣдуетъ описаніе посольства кіевскаго князя къ греческимъ императорамъ и изложеніе содержанія договора славяноруссовъ съ греками; заключеннаго въ сентябрь 911 года.*

Въ извѣстіи о русскомъ посольствѣ говорится слѣдующее: „послалъ Олегъ мужей своихъ опредѣлить и утвердить договорныя условія между греками и руссами. И послы говорили, *какъ было условлено на другомъ совѣщаніи, бывшемъ при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ*: мы отъ русскаго народа, Карлы... Стемиръ, посланный великимъ княземъ русскимъ и всѣми состоящими подъ его властью свѣтлыми боярами къ вамъ, Льву, Александру и Константину, по милости Божіей, великимъ самодержцамъ и царямъ греческимъ, съ цѣлью выразить и упрочить *бывшій многолѣтній дружественный союзъ между христіанами и рускими.* По желанію и приказанію нашего князя и всѣхъ русскихъ, состоящихъ подъ его властью, мы, *болѣе другихъ желающіе, съ помощію Божіей, выразить и сохранить сказанную дружбу**),* бывшую между христіанами и русскими, *много разъ обсуждали ея условія, но только словесно, и клялись оружіемъ своимъ условія такой дружбы выразить письменно и утвердить клятвою по вѣрѣ и по закону нашему.* Вотъ эти условія взаимной нашей дружбы, принятыя нами подъ клятвою“ ***).

За приведеннымъ вступленіемъ въ лѣтописи слѣдуетъ *содержаніе договорныхъ условій о вѣчномъ мирѣ; о недѣйствительности оправдательной присяги, при наличности явныхъ уликъ противъ обвиняемаго; о наказаніяхъ за убійство, за удары, за воровство и за грабежъ; о выкупѣ плѣнныхъ; о выдачѣ бѣжавшихъ рабовъ; о храненіи и передачѣ наслѣдникамъ имущества русскихъ, умершихъ въ Греціи; о выдачѣ бѣ-*

---

*) См. приложение № 40.

**) Посольство Олега 911-го года было особенно заинтересовано въ вѣрномъ соблюденіи дружественнаго союза съ греками, потому что въ его составъ входили мужи, заключившіе договоръ 907 года и клявшіеся въ неизмѣнной ему вѣрности.

***) См. приложение № 41.

мыхъ должниковъ-преступниковъ; наконецъ, заключеніе, въ которомъ обозначены порядокъ и время санкціи договора. Это заключеніе начинается слѣдующими словами „на утверженіе же и неподвиженіе быти межи вами христьяны и русью, бывшій миръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью“, то-есть для прочности и вѣрности, прежній договоръ мы написали теперь Ивановымъ письмомъ на двухъ бумагахъ или грамотахъ.

Императоръ Левъ, добавляетъ лѣтописецъ, богато одаривъ русскихъ пословъ, приказалъ показать имъ богатство и великолѣпіе христіанскихъ храмовъ и отпустилъ ихъ на родину съ великою честью. По возвращеніи въ Кіевъ, русскіе послы сообщили Олегу переговоры съ греческими царями, содержаніе заключеннаго договора между Греціей и Россіей и взаимныя клятвы, его скрѣпившія*).

Такимъ образомъ, по тексту русской лѣтописи X вѣка, въ 907 году кіевскій князь Олегъ заключилъ съ византійскими императорами Львомъ и Александромъ, подъ стѣнами Константинополя, мирный договоръ, опредѣлившій финансовыя обязательства Греціи къ Руси и условія торговыхъ сношеній славяноруссовъ съ греками. Въ послѣдующіе годы, при тѣхъ же императорахъ Львѣ и Александрѣ, послѣ многократныхъ словесныхъ совѣщаній, были выработаны и приняты сторонами добавочныя къ договору 907 года условія процессуальнаго, уголовного и гражданскаго права, долженствовавшія упрочить дружественный союзъ славяноруссовъ съ греками. Эти добавочныя условія были записаны въ грамоты и формально утверждены 2 сентября 911 года, въ царствованіе уже трехъ императоровъ: Льва, Александра и Константина.

Происхожденіе и содержаніе договора 945 года. За изложеніемъ содержанія договора Олега 911 года въ русской лѣтописи слѣдуетъ краткій перечень событій въ русской землѣ и въ Греціи, а затѣмъ, подъ 941 годомъ, помѣщается разсказъ о походѣ князя Игоря на грековъ, кончившемся сожженіемъ русскаго флота греческимъ огнемъ**).

По возвращеніи въ Кіевъ, Игорь сталъ копить новыя войска и въ 944 году снова двинулся противъ грековъ въ ладьяхъ и на коняхъ. Корсунцы и болгаре извѣстили императора Романа, что идутъ русскіе со множествомъ судовъ, покрывшихъ море. Получивъ эту вѣсть, царь выслалъ къ Игорю посольство со слѣдующею просьбою: „остановись,

---

*) См. приложеніе № 42.

***) См. приложеніе № 43.

возьми дань, какую бралъ Олегъ, прибавлю и еще къ той дани^{*)}). Игорь передалъ предложеніе императора своей дружинѣ на обсужденіе и получилъ отъ нея слѣдующее мнѣніе: „если такъ говоритъ царь, то намъ нѣтъ причины продолжать войну“^{**}). Игорь согласился съ мнѣніемъ дружины, взялъ у грековъ золото и паволоки на всѣхъ своихъ воиновъ и возвратился въ Кіевъ.

Слѣдовательно, причиною войны Игоря съ греками былъ отказъ со стороны византійскаго императора отъ финансоваго обязательства, принятаго греками по договору съ Олегомъ 907 года. Игорь прекратилъ войну, когда византійскій императоръ снова согласился платить дань, „юже ималь Олегъ“.

Возобновленіе мирныхъ отношеній кіевскаго княжества къ византійской имперіи должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ возобновленіе договора Олега 907 года и дополнительныхъ къ нему условій 911 года, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія могли быть признаны сторонами полезными и необходимыми на основаніи предшествовавшей практики мирныхъ отношеній. Отсюда, непосредственно за приведеннымъ рассказомъ о войнѣ и мирѣ Игоря съ греками, подъ 945 годомъ, говорится слѣдующее: „прислали Романъ, Константинъ и Стефанъ пословъ къ Игорю *подтвердить прежній договоръ*; Игорь же совѣщался съ ними о договорѣ. Послалъ Игорь мужей своихъ къ Роману; Романъ же созвалъ бояръ и сановниковъ. Привели русскихъ пословъ и приказали сказать и записать на бумагѣ обоюдное соглашеніе, принятое на предыдущемъ совѣщаніи, бывшемъ при царяхъ Романѣ, Константинѣ и Стефанѣ, христоробивыхъ владыкахъ. Мы отъ русскаго народа послы и гости, Иворъ, посоль Игоря, и общіе послы, Вуефастъ... Синко, Боричъ, посланные Игоремъ, великимъ княземъ русскимъ, всякими князьями и всѣми людьми русской земли. Пославшіе поручили намъ *возобновить старый договоръ* и на зло враждолюбцу діаволу, ненавидящему добро, *упрочить много лѣтъ бывший дружественный союзъ между греками и руссами****).

---

*) „Се слышавъ царь, посла къ Игорю лучівъ бояре, моля и глаголя: „не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. П. С. Р. Л., I, 19.

***) „Да аще сиче глаголетъ царь, то что хотимъ болѣ того, не бывшеса имати злато и серебро, и паволоки? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьствѣй; обьча смерть всѣмъ“. Тамъ же.

***) См. приложение № 44.

Изученіе и содержаніе договора Игоря и сравненіе его съ договорами 907 и 911 гг. приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Въ договорѣ Игоря *цѣликомъ опущены* (то-есть оставлены безъ измѣненій) слѣдующія постановленія договоровъ 907 и 911 годовъ: финансовое обязательство византійскихъ императоровъ къ русскимъ князьямъ; процессуальное условіе о недѣйствительности оправдательной присяги при наличности явныхъ доказательствъ виновности обвиняемаго; условіе о сохраненіи права жены убійцы на имущество, принадлежащее ей по закону; условіе о правѣ обкрадываемаго хозяина убить вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и противящагося аресту; условіе о правѣ русскихъ плѣнниковъ, получившихъ въ Греціи свободу, по ихъ собственному желанію, оставаться на службѣ у греческаго царя; условіе о порядкѣ охраны и передачи наслѣдникамъ въ Русь имущества русскихъ, умершихъ на службѣ у греческаго царя, и условіе о выдачѣ бѣглыхъ должниковъ-злодѣевъ.

Условія договора Олега о торговлѣ русскихъ въ Византіи *пояснены и дополнены* слѣдующими распоряженіями. „Великій князь русскій и его бояры имѣютъ право, по своему желанію, посылать въ Грецію, къ великимъ царямъ греческимъ лодки съ послами и купцами, „якоже имъ установлено есть“ (то-есть соотвѣтственно съ постановленіями договора Олега 907 года). До сихъ поръ послы являлись съ золотыми печатями, а купцы съ серебряными; нынѣ же князь согласился посылать съ ними грамоты царству нашему; а потому, посланные послы и купцы должны представлять намъ грамоту, съ обозначеннымъ въ ней количествомъ посланныхъ лодокъ, что и будетъ служить намъ доказательствомъ мирныхъ намѣреній прибывшихъ. Приходящіе же въ Грецію безъ грамоты могутъ быть арестованы и содержимы подѣ стражею до извѣщенія объ нихъ русскаго князя; а если арестуемый станетъ противиться и будетъ убитъ, то смерть его не должна быть взыскиваема русскимъ княземъ; а если арестуемый убѣжитъ въ Русь, то мы напишемъ объ немъ князю русскому, и пусть онъ поступитъ съ нимъ по своему желанію. Только купцы имѣютъ право требовать мѣсячину... Царскій мужъ охраняетъ русскихъ купцовъ и разбираетъ тяжбы между русскими и греками. Русскіе не имѣютъ права покупать въ Царьградѣ паволоки выше 50 золотниковъ. Каждая купленная паволока должна быть показана царскому мужу, возвращающему ее покупателю запечатанною (пломбированною). Возвращающіеся на родину русскіе получаютъ отъ насъ, „якоже уставлено есть преже“ (по договору 907 года),

сѣстные припасы на дорогу и все нужное для ихъ лодокъ. Возвращающіеся на родину пользуются охраною и не имѣютъ права зимовать у святого Мамы“.

Въ договорѣ Игоря *прибавлены*: условіе о военной помощи грековъ руссамъ и руссовъ грекамъ; условіе объ отказѣ русскаго князя отъ правъ на Корсунскую область, условіе о нейтральномъ характерѣ Бѣлобережья и св. Еферія; условіе объ обязанности русскаго князя не пропускать черныхъ болгаръ въ Корсунскую область; условіе о судимости и наказуемости греческихъ преступниковъ греческою властью; условіе о платѣ греками за невольниковъ, скрывшихся на греческой территоріи, и обязанности русскихъ возвращать грекамъ бѣжавшихъ къ нимъ рабовъ и похищенное ими.

Въ условіяхъ объ убійствѣ, воровствѣ и грабежѣ выкупъ преступлений воровства и грабежа *измѣненъ* съ тройной цѣны похищеннаго и награбленнаго въ двойную и *ясно обозначена* наказуемость покушенія на грабежъ.

Лѣтописное изложеніе содержанія договора Игоря оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: „этотъ договоръ мы (греки) написали на двухъ грамотахъ; одна изъ нихъ царства нашего, на ней крестъ и имена наши написаны, а на другой ваши послы и гости. Возвращающіеся съ посломъ нашимъ должны доставить грамоту великому русскому князю Игорю и его людямъ, а тѣ, принимая грамоту, должны присягнуть въ томъ, что въ точности будетъ исполнено все условленное нами и написанное на сей грамотѣ, скрѣпленной нашими подписями. Мы же (русь), кто изъ насъ крещенъ, клялись перковью св. Или (кіевскою) въ соборной церкви (цареградской), предлежащимъ крестомъ и этою грамотою исполнить въ точности написанное въ ней; а кто нарушитъ ее изъ нашихъ соотечественниковъ, князь или другой кто, крещеный или некрещеный, тотъ да лишень будетъ помощи Божіей, да будетъ рабомъ въ этой и будущей жизни, да погибнетъ отъ собственнаго оружія. А некрещеные, полагая свои щиты, обнаженные мечи, обручи и прочее оружіе, клянутся, что все, написанное въ этой грамотѣ, будетъ исполнено Игоремъ, всѣми боярами и всѣми ихъ соотечественниками; если же кто изъ князей или людей русскихъ, крещеный или некрещеный, нарушитъ этотъ договоръ, тотъ да умретъ отъ собственнаго оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, какъ преступникъ своей клятвы. Если это понравится, то великій князь Игорь да

хранить этотъ союзъ ненарушимо, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ въ нынѣшніе годы и будущіе“ *).

Послы Игоря, продолжаетъ лѣтописецъ, возвратились къ Игорю съ послами греческими и сообщили ему рѣчи царя Романа. Игорь призвалъ пословъ греческихъ и сказалъ имъ: „говорите, что поручилъ вамъ царь?“ Отвѣчали царскіе послы: „насъ послалъ царь сказать, что онъ радъ миру; хочетъ имѣть договоръ съ русскимъ княземъ и дружественный союзъ; твои послы привели нашихъ царей къ присягѣ, а мы посланы привести къ присягѣ тебя и твоихъ мужей“; Игорь обѣщаль это исполнить. На другой день позвалъ Игорь пословъ, пришелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, положилъ оружіе свое, щиты и золото и принялъ присягу съ некрещеными людьми своими, а христіанъ русскихъ приводили къ присягѣ въ церкви св. Іліи.

Такимъ образомъ *договоръ Игоря, по лѣтописному тексту, только подтвердилъ и обновилъ старый договоръ*. Послы византійскихъ императоровъ 945 года явились въ Кіевъ „построити мира перваго“, а послы Игоря явились въ Константинополь „обновити ветхій миръ“. Двѣ статьи договора 945 года прямо ссылаются на постановленія *договора 907 года, какъ на законъ дѣйствующій*. О существенныхъ постановленіяхъ договоровъ Олега договоръ Игоря умалчиваетъ (оставляетъ ихъ безъ измѣненій). Записанныя въ договорѣ Игоря условія представляютъ собою очевидныя дополненія и измѣненія условій договоровъ Олега, принятыя на кіевскомъ соглашеніи Игоря съ послами византійскихъ императоровъ въ 945 г. и въ томъ же году формально санкціонированныя. Слѣдов., *договоръ 945 г. не былъ новымъ, отдѣльнымъ, самостоятельнымъ договоромъ, а только подтвердилъ и обновилъ договоръ Олега, оставшіяся дѣйствующимъ закономъ въ постановленіяхъ, не измѣненныхъ дополнительнымъ договоромъ Игоря 945 года*.

Происхожденіе и содержаніе договора 971 года. Со времени санкціи договора 945 года и до времени приглашенія князя Святослава императоромъ Никифоромъ въ 987 году для войны съ болгарами, въ лѣтописи встрѣчается только одно свидѣтельство, относящееся къ дружественнымъ сношеніямъ славянорусовъ съ греками: описаніе путешествія въ Грецію княгини Ольги (жены Игоря и матери Святослава) и ея крещенія въ Константинополѣ**).

*) См. хрестоматію Влад.-Буданова, стр. 19; Кѣнигсб. лѣт., стр. 44; П. С. Р. Л., I, 22; XV, 55; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 32, изд. 1871 г.

***) См. Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 38; П. С. Р. Л., I, стр. 25. Торже-

„Въ 967 году идетъ Святославъ на Дунай, на болгаръ, приглашенный на нихъ императоромъ Никифоромъ*), по причинѣ частыхъ набѣговъ болгаръ на Византію. Святославъ вступилъ съ ними въ бой, побѣдилъ ихъ, взялъ по Дунаю 80 городовъ и остался въ городѣ Переяславлѣ, *получая дань отъ грековъ****) (по договору 907 года).

О посольствѣ Святослава, заключившемъ договоръ съ Цимисхіемъ 971 года, и содержаніи этого договора въ русской лѣтописи говорится слѣдующее:

Видя малочисленность своей дружины, такъ какъ многіе были перебиты въ битвахъ, Святославъ послалъ сказать царю, бывшему тогда въ Дерестрѣ, что онъ желаетъ заключить съ нимъ прочный миръ и дружественный союзъ. Царь съ радостью принялъ это предложеніе и послалъ Святославу дары, бѣльшіе прежнихъ. Принявъ дары, Святославъ созвалъ свою дружину на совѣтъ и сказалъ: „Если не заключимъ мирнаго договора съ царемъ, то онъ обступитъ насъ въ городѣ, а насъ мало, печенѣги въ войнѣ съ нами, никто намъ не поможетъ. Заключимъ же договоръ съ царемъ; платить дань греки согласились, и этого намъ достаточно; а не станетъ царь исправно выплачивать дань, то, умноживши войска, мы снова двинемся на Царьградъ изъ Руси***). Это предложеніе понравилось дружинѣ. Посланы были лучшіе мужи къ царю. На другой день царь призвалъ ихъ и сказалъ: „Пусть говорятъ русскіе послы“. Они же сказали: „Такъ говорить нашъ князь: хочу имѣть навсегда прочную дружбу съ греческимъ царемъ“. Царь же

ственный приѣмъ княгини Ольги въ Константинополѣ описанъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ его сочиненіи: „De ceremoniis Aulae Byzantinae“, lib. II, cap. XV.

*) По договору Игоря: „аще ли хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вой на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послетъ къ намъ елико же хотимъ“.

**) „Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на болгары, Никифору царю изведшу его на нихъ, многого ради ихъ воеванія, еже на Царьградъ. И бысть имъ бой со Святославомъ, и одолѣ имъ; и взя по Дунаю 80 градовъ; и во градѣ Переяславцѣ съде, емля дань на грецѣхъ“. Ср. П. С. Р. Л., I, 27; Ник. лѣт. акад. изд., I, 52; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 42. См. приложение № 45.

***) „Створимъ миръ со царемъ; се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнетъ неуправливати дани, да изнова изъ Руси, совокупивше вой, умноживше, пойдемъ къ Царюграду“.

былъ доволенъ и приказалъ писцу записать на бумагѣ слова Святослава. Посоль началъ говорить, а писецъ записалъ слѣдующее:

„Согласно съ предварительнымъ соглашеніемъ, заключеннымъ при русскомъ князѣ Святославѣ и при Свѣнелдѣ, писаннымъ при Синкелѣ Теофилѣ, къ Ивану, нарицаемому Цимисхію, царю греческому, въ Дерестрѣ, въ мѣсяцѣ іюльѣ, индикта въ 14, въ лѣто 6479 (971): Я, Святославъ, русскій князь, что обѣщаль, то и утверждаю настоящимъ клятвеннымъ договоромъ. Буду имѣть миръ и полный дружественный союзъ со всякимъ царемъ греческимъ, съ Василиемъ и Константиномъ, боговдохновенными царями, и со всѣми людьми вашими, а равно и всѣ состоящія подъ моею властью русскіе, князья, бояры и всѣ русскіе, до конца вѣка. Никогда не буду посягать на страну вашу, ни собирать войска, ни наводить другой народъ, ни на области, состоящія подъ греческою властью, область корсунскую, со всѣми ея городами, и область болгарскую, а если кто другой посягнетъ на страну вашу, то и я буду противникъ его и стану бороться съ нимъ. Соотвѣтственно моей клятвѣ къ греческимъ царямъ и состоящихъ подъ моею властью боярѣ и всѣхъ русскихъ, *мы будемъ исполнять установленные договоры; а если тѣхъ прежнихъ договоровъ не исполнимъ, я или состоящія при мнѣ, или состоящія подъ моею властью, то да будемъ прокляты богомъ, въ котораго мы вѣруемъ, Перуномъ, и Волосомъ, скотымъ богомъ, да пожелтѣемъ, какъ золото, и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ. Вѣрьте совершенному, написанному на этой бумагѣ и нашими печатами запечатанному**).

Слѣдовательно, *договоръ 971 года только возобновили дѣйствіе прежнихъ договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами и прибавили къ нимъ новое условіе: обязательство русскаго князя не посягать на власть надъ Бомаріей*. Темныя выраженія русскаго текста: „да сохранимъ правая совѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченныхъ не сохранимъ“, совершенно ясно объясняются текстомъ договора византійской лѣтописи, которымъ греки обязуются „*посылаемыхъ въ Византію для торговли признавать друзьями по старому установленію*“**). Подъ старымъ установленіемъ, опредѣлившимъ признавать друзьями русскихъ купцовъ въ Константинополь, Святославъ и Цимисхій могли разумѣть только постановленія договора Олега 907 года,

*) См. приложение № 46.

***) См. приложение подъ № 45.

подтвержденныя договорами 911 и 945 годовъ. Будучи только подтвержденіемъ старыхъ, прежнихъ договоровъ, договоръ 971 года не содержалъ въ себѣ финансовыхъ постановленій и постановленій частнаго международнаго права, относящихся къ порядку торговли, процессуальному, уголовному и гражданскому праву: сохраняли силу постановленія этого рода, принятія договорами Олега и Игоря.

За смертью Святослава и его мужей, перебитыхъ печенѣгами на возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Русь, слѣдуетъ перерывъ въ союзныхъ отношеніемъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами. Въ эпоху кровавыхъ междоусобій между сыновьями Святослава невозможно было думать о возобновленіи договора съ греками на прежнихъ основаніяхъ. Только съ восстановленіемъ единой державы въ Руси, Владимиръ Святославичъ предпринялъ новый походъ противъ грековъ, но на пути, при взятіи Херсонеса, встрѣтилъ вѣру Христову, и съ этого момента начинается новая эпоха въ исторіи сношеній Россіи съ Византіей.

ГЛАВА VII.

Подлинность договоровъ славяноруссовъ съ греками X вѣка. Мнимыя доказательства неподлинности договоровъ. Языкъ договоровъ и связь ихъ содержанія.

Копіи договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами, сохранившіяся въ русской лѣтописи, содержатъ въ себѣ цѣлую систему понятій государственнаго, уголовного, гражданскаго и процессуальнаго права. По вѣрному замѣчанію Шлёцера, если полнѣйшій изъ договоровъ, договоръ Олега съ императорами Львомъ, Александромъ и Константиномъ, былъ дѣйствительно, „то онъ составляетъ одну изъ достопамятностей всего средняго вѣка, что-то единственное во всемъ историческомъ мірѣ“, почему, добавляетъ онъ, „прошу русскаго читателя не смѣяться, что я съ такою подробностью разбираю слова и буквы этой рѣдкости“ *). Но результатъ Шлёцеровскаго разбора договоровъ былъ отрицательный; по его мнѣнію, договоры руссовъ съ греками занесены въ Несторову лѣтопись не Несторомъ, а позднѣйшими переписчиками его сочиненія **). Эта доктрина и теперь еще защищается въ историко-юридической литературѣ. Одни признаютъ всѣ

*) Шлёцеровскій „Несторъ“, изд. 1816 г., гл. II, стр. 693.

***) Тамъ же, стр. 694 и слѣд.

договоры позднѣйшею вставкою въ Несторову лѣтопись, а другіе почитаютъ таковою только договоръ 907 года, безъ котораго однакоже остальные договоры не имѣютъ смысла*).

Историкъ-юристъ нашего времени, изучающій исторію русскаго права, долженъ остановиться на аргументаціи литературныхъ воззрѣній, отрицающихъ подлинность договоровъ славяноруссовъ съ греками X вѣка, а слѣдовательно, и годность ихъ въ значеніи средствъ познанія древнѣйшаго славянорусскаго права, долженъ получить твердое убѣжденіе въ ея основательности или ложности. Въ первомъ случаѣ, договоры кievскихъ князей съ византійскими императорами должно исключить изъ ряда источниковъ познанія системы славянорусскаго права языческой эпохи, а во второмъ случаѣ, эти памятники должны послужить основаніемъ научнаго зданія по исторіи русскаго права, какъ богатое содержаніемъ, древнѣйшее и специальное собраніе славянорусскихъ юридическихъ нормъ.

Ученіе о неподлинности сохранившихся въ русской лѣтописи договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами опирается въ литературѣ на слѣдующія основанія: отсутствіе сношеній у кievлянъ съ греками до времени перваго похода князя Игоря на Константинополь, баснословіе лѣтописца въ повѣствованіи о походѣ князя Олега на Константинополь, молчаніе византійскихъ лѣтописей о договорахъ съ князьями Олегомъ и Игоремъ, несоотвѣтствіе показаній рус-

*) С. М. Соловьевъ говоритъ: „не думаемъ, чтобы грамота (907 года) была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ... вставка договоровъ въ лѣтопись, съ уничтоженіемъ разсказа начальнаго лѣтописца, ясна...“ „Исторія Россіи“, т. I, прим. 181, изд. 1866 года. По ученію проф. Сергѣевича, „въ договорахъ все сомнительно и спорно... ни одинъ изъ нихъ не извѣстенъ византійскимъ историкамъ... походъ Олега подъ Константинополь описанъ въ русской лѣтописи баснословными красками... въ разсказъ о мирѣ 907 года есть повторенія и вставки, очевидно позднѣйшаго и негреческаго происхожденія... только самый послѣдній изъ приводимыхъ въ нашей лѣтописи договоровъ, заключенный Святославомъ въ 971 году, представляется совершенно полнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ“. „Лекціи и изслѣдованія“, стр. 99—110, 113 и слѣд. Окончательнымъ выводомъ разсужденія проф. Сергѣевича о происхожденіи, качествахъ лѣтописной редакціи и значеніи договоровъ въ исторіи русскаго права является слѣдующее положеніе: „договоры сами по себѣ ничего не прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ уже о нашихъ древнихъ обычаяхъ на основаніи другихъ, болѣе чистыхъ источниковъ“. Тамъ же, стр. 110.

скої лѣтописи съ показаніями греческихъ историковъ о времени царствованія императоровъ Льва, Александра и Константина, несоотвѣтствіе содержанія договоровъ духу времени и условіямъ быта славяноруссовъ X-го вѣка, темнота текста договоровъ и его порча переписчиками.

1) Доказательству отсутствія сношеній у кіевлянъ съ греками до времени князя Игоря Шлѣцеръ посвятилъ особое расужденіе, подъ заглавіемъ: „Доказательство, что руссы, бывшіе около 866 г. подъ Константинополемъ, были совсѣмъ отличныи отъ нынѣшнихъ руссовъ народъ, и слѣдственно (?) не принадлежатъ къ Русской исторіи“*). Въ этомъ „Доказательствѣ“ предложена такая путаница фактовъ и соображеній, въ которой ничего разобрать невозможно**).

2) Походъ князя Олега на Константинополь признается въ литературѣ новою времени баснословнымъ и по меньшей мѣрѣ легендарнымъ. Основанія этому воззрѣнію были положены также Шлѣцеромъ. Въ его изданіи „Несторъ“ говорится, что князь Олегъ, подплывъ на судахъ къ гавани Константинополя, „приказалъ войскамъ своимъ надѣлать колесъ и поставить корабли на колеса. Возсталъ попутный вѣтеръ, подувшій въ паруса, и такимъ образомъ двинулись по полю въ корабляхъ ко городу“***). Далѣе Шлѣцеръ постоянно твердитъ о невозможности „плаванія по суши въ корабляхъ“, что „это глупое плаваніе по суши выдумано русскимъ лѣтописцемъ“, что онъ „стыдится даже говорить объ этой глупости“, и т. д.****).

Конечно, изготовленіе колесъ и постановка лодокъ на колеса съ цѣлью переплыть поле, отдѣлявшее морской берегъ отъ стѣнъ Константинополя, — сказочная бессмыслица. Но эта бессмыслица выдумана Шлѣцеромъ, а не русскимъ лѣтописцемъ. Во всѣхъ спискахъ лѣтописнаго текста говорится одинаково слѣдующее. Когда войско Олега въ лодкахъ и на коняхъ приблизилось къ Константинополю, то греки за-

*) Шлѣцеровскій „Несторъ“, изд. 1816 г., ч. II, стр. 86—116.

**) См. приложение № 47.

***) Шлѣцер. „Несторъ“, ч. II, стр. 626.

****) Тамъ же, стр. 627, 628, 751, 752 и др. Шлѣцеровское толкованіе лѣтописной исторіи Олегова похода было принято Карамзинымъ („Исторія государства Россійскаго“, т. I, прим. 315), Каченовскимъ и послѣдующими историками и историками-юристами. По словамъ проф. Сергѣевича, „удачный походъ Олега къ Царьграду описанъ въ лѣтописи баснословными красками“. Баснословнымъ кажется автору „побѣдоносное движеніе Олега къ Царьграду на корабляхъ, поставленныхъ на колеса и снабженныхъ парусами“ („Лекція и изслѣдованія“, стр. 99, 101).

перли гавань и крѣпость. Послѣдовавшее затѣмъ опустошеніе окрестностей Константинополя не вызвало грековъ ни на битву, ни на переговоры. Тогда Олегъ рѣшился взять городъ приступомъ. „И повелѣ Олегъ воямъ своимъ колеса издѣлать и вставить корабля на колеса; и бывшую покосну вѣтру, *успяша прѣ съ поля и идяше къ городу*“. Слѣдовательно, по точному смыслу лѣтописнаго подлинника, воины Олега шли съ кораблями, поставленными на колеса, а не плыли по сушѣ въ корабляхъ. Далѣе лѣтописецъ говоритъ о страхѣ грековъ, увидѣвшихъ движеніе воиновъ Олега съ лодками на крѣпость; о просьбѣ ихъ пощадить городъ; о попыткѣ грековъ отравить Олега и сдать на его волю при ея неудачѣ; наконецъ, о переговорахъ и заключеніи договора, которымъ константинопольскіе цари обязались платить дань кіевскому князю. Движеніе воиновъ Олега на Константинополь съ кораблями и страхъ грековъ за гибель ихъ города стоятъ у лѣтописца въ непосредственной логической связи; по лѣтописцу, движеніе лодокъ на колесахъ къ Царьграду имѣло значеніе цѣлесообразнаго средства взять приступомъ константинопольскую крѣпость. И дѣйствительно, лодки съ парусами, двинутыя на колесахъ къ стѣнамъ Царьграда, должны были защищать осаждавшихъ городъ отъ стрѣлъ осажденныхъ въ немъ; а съ другой стороны, тѣ же лодки, придвинутыя къ стѣнамъ крѣпости, могли послужить матеріаломъ, по которому легко было взобраться на высокія стѣны Константинополя, считавшіяся неприступными. Вотъ почему греки, допустившіе безнаказанное опустошеніе руссами окрестностей Царьграда, равнодушно ждавшіе обыкновеннаго приступа непріятеля къ непобѣдимому городу, пришли въ ужасъ при видѣ движенія руссовъ съ кораблями и поспѣшили предложить миръ на условіяхъ Олега. Вотъ почему и князь Олегъ, придумавшій вѣрное средство взять неприступный Константинополь, казался современникамъ равнымъ по уму непобѣдимому воину—святому Димитрію Солунскому.

Способъ осады крѣпостей посредствомъ подвижнаго укрѣпленія, устроеннаго на колесахъ, практиковался въ древней Руси до времени введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ. Такое укрѣпленіе называлось въ древней Руси „*уляй-городомъ*“ или „*обознымъ градомъ*“. Въ одномъ изъ древнихъ лѣтописныхъ описаній осады города Москвы читается слѣдующее извѣстіе: „*близъ же града, яко поприща два, поставиша градъ, обозъ нарицаемый; иже нѣкою мудростію на колесницахъ устроены, и къ бранному ополченію зѣло удобены*“ *). Мало того, въ исторіи

*) См. Самовасова, Древніе города Россіи, стр. 33.

самой Византіи встрѣчается примѣръ приступа къ крѣпости Константинополя, совершенно аналогичный съ приступомъ Олега. Въ Кантемировой „Исторіи Оттоманской Порты“ приводится извѣстіе (повторенное и въ Риттеровомъ „Описаніи Константинополя“), по которому „султанъ (Магометъ) осуществилъ одинъ изъ отважнѣшихъ замысловъ, записанныхъ въ исторіи. Видя, что цѣпи, протянутыя предъ входомъ въ гавань Константинополя, невозможно было ни отпереть, ни разорвать, онъ приказалъ посредствомъ нѣкоторыхъ снастей *передвинуть въ гавань сужилъ путемъ 80 галеръ, съ натянутыми парусами развѣвавшимися на сухомъ пути*“, и такимъ способомъ взялъ Константинополь.

Слѣдовательно, въ движеніи Олеговыхъ воиновъ съ лодками, поставленными на колеса, отъ морского берега къ стѣнамъ Константинополя, ничего нѣтъ баснословнаго, невѣроятнаго. Это не безмысленное плаваніе въ лодкахъ по сушѣ, выдуманное Шлѣцеромъ, а цѣлесообразный способъ военнаго приступа къ крѣпости. Для осады Константинополя Олегъ употребилъ подвижную крѣпость, древнерусскій „обозный градъ“ или „гуляй-городъ“, матеріаломъ для котораго послужили лодки, поставленныя на колеса.

Другимъ баснословнымъ извѣстіемъ въ лѣтописной исторіи Олега похода объявлено Шлѣцеромъ свидѣтельство о парусахъ, сдѣланныхъ, по приказанію Олега, для русскаго флота по заключеніи договора съ византійскими императорами. Въ лѣтописи говорится такъ: „и рече Олегъ: „испійте *прѣ паволочиты* руси, а словѣномъ *кропинныя*“, и бысть тако... И всташа русь прѣ паволочитыя, а словѣне кропинныя, и раздра я вѣтръ. И ркоша словѣне: „имемся своимъ холстинамъ, не даны суть словѣномъ прѣ кропинныя“. Въ Шлѣцеровскомъ „Несторѣ“ выраженія „прѣ паволочитыя“ и „прѣ кропинныя“ переведены выраженіями „парусы парчевыя“ и „парусы кропивныя“, а въ толкованіи этого мѣста Шлѣцеръ утверждаетъ, что *паволоки означаютъ драгоценную ткань, золотую парчу*“, а лѣтописная „*кропина неоспоримо есть кропива*“. Но подлинникъ русской лѣтописи говоритъ не о парчѣ, шитыхъ золотомъ и серебромъ тканяхъ, называвшихся у насъ узорчьемъ, а о паволокахъ, означающихъ въ лѣтописи и другихъ памятникахъ древнерусской письменности *шелковыя ткани*, называвшіяся у грековъ *бабилонскими тканями*. Точно такъ же лѣтописный подлинникъ говоритъ не о парусахъ изъ кропивы, а о *парусахъ изъ кропины — бумажной матеріи* (что объяснилъ уже Татищевъ). Кропиною, кропинкою и кропнымъ полотномъ до сихъ поръ называются въ Мало-

росіи узорчатия бумажныя или *ситцевыя ткани*. Отсюда понятно, почему кропийные паруса славянских лодокъ раздраль вѣтеръ, и славяне замѣнили ихъ снова своими холстинами. Что же касается шелковыхъ парусовъ, сдѣланныхъ для лодокъ Олега, то всеобщая исторія представляетъ намъ неоднократные примѣры оснащѣнія кораблей побѣдителя шелкомъ на счетъ побѣжденнаго, начиная съ Алкивіада, возвратившагося изъ побѣжденной Спарты въ Аѣины на кораблѣ, оснащенномъ виссономъ и багрянницей, и кончая Кавендишемъ, на счетъ побѣжденныхъ испанцевъ оснастившимъ свои корабли шелковыми парусами.

За объясненіемъ свидѣтельствъ о движеніи воиновъ Олега къ стѣнамъ Царьграда съ кораблями, поставленными на колеса, и парусахъ изъ паволоки и кропины, въ *лѣтописномъ разсказѣ о походѣ и договорѣ Олега 907 года нѣтъ ничего, имѣющаго характеръ сказочный, даже легендарный*.

3) *Молчаніе византійской лѣтописи о договорахъ съ руссами представляетъ собою также изобрѣтеніе Шлёцера*. Я раскрываю византійскія лѣтописи (?) и смотрю“, говоритъ онъ, „что случилось въ полѣдную четверть IX и первую X столѣтій... и ни словечка о важномъ русскомъ походѣ 907 года? ни словечка о торжественномъ договорѣ? Это признаюсь для меня непонятно, хотя и помню я замѣчаніе, сдѣланное уже Байеромъ, что именно въ этомъ періодѣ, столь важномъ для русскаго историка, находится пустота, перерывъ въ византійской лѣтописи“*). Отъ послѣдней четверти IX вѣка сохранились показанія трехъ византійскихъ историковъ, современниковъ событій, о пребываніи руссовъ въ Царьградѣ и договорахъ руссовъ съ Михаиломъ III и Василиемъ Македоняниномъ**). Отъ времени княженія Олега въ Кіевѣ свѣдѣній о сношеніяхъ и договорахъ руссовъ съ греками въ византійскихъ лѣтописяхъ не сохранилось, а причина тому, какъ говоритъ и самъ Шлёцеръ, указана еще Байеромъ: „пустота, перерывъ въ византійской исторіи этой эпохи“***). Изъ греческихъ лѣтописцевъ второй половины X вѣка сохранился только *Левъ Діаконъ Калойскій, говорящій ясно и неоднократно о договорахъ съ греками предковъ Святослава и Игоря, а таковыми могли быть только договоры Олега и Игоря****)*.

*) Шлёцеровскій „Несторъ“, ч. II, стр. 754 и слѣд.

***) См. приложение № 37.

****) Шлёцеровскій „Несторъ“, ч. I стр. 353; ч. II, стр. 756 и слѣд.

*****) См. приложение № 45.

4) „Годовыя числа, утверждаетъ Шлёцеръ, относящіяся ко времени договоровъ Олега, означенныя въ русской лѣтописи, явно не-*вѣрны*. Подъ 907 годомъ называются Левъ и Александръ, какъ царствовавшіе въ это время вмѣстѣ императоры; договоръ 912 года подписывается въ сентябрѣ, а царствовавшими тогда императорами называются Левъ, Александръ и Константинъ, — все это не-*вѣрно*: Левъ царствовалъ по 11 мая 911 года; Александръ никогда не царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ и умеръ 7 іюня 912 года, а Константинъ былъ тогда еще ребенкомъ, на 7 году отъ рожденія, и вступилъ на престолъ послѣ дяди его Александра. Здѣсь *противо-рѣчія во времясчисленіи слишкомъ грубы*“*).

Когда послѣдователи Шлёцеровскій теоріи дикости славянъ и важнаго значенія нѣмцевъ въ древнеславянской цивилизаціи додумались до возможности употребить договоры руссовъ съ греками средствомъ сказанной теоріи**), то хронологическія соображенія Шлёцера, направленные противъ подлинности договоровъ, были опровергнуты учеными академиками нѣмецкаго же происхожденія. Во главѣ ихъ сталъ академикъ Кругъ, написавшій сочиненіе, посвященное византійской хронологіи, въ которомъ доказалъ, что соображенія Шлёцера, направленные противъ вѣрности хронологіи русской лѣтописи, *явились результатомъ полнаго незнанія Шлёцеромъ византійской хронологіи*; что Шлёцеръ въ своихъ исчисленіяхъ не принялъ во вниманіе различія въ началѣ года по русской и византійской хронологіи; что греческій императоръ Левъ умеръ не въ 911, а въ 912 году; что Левъ, Александръ и Константинъ соправительствовали въ 911 году, такъ какъ Константинъ былъ коронованъ еще ребенкомъ; что вообще хронологія русской лѣтописи, относящаяся къ договорамъ, соотвѣтствуетъ византійской хронологіи***).

---

*) Шлёц. „Несторъ“, ч. II, стр. 753.

**) См. ниже, главу VIII.

***) См. соч. Круга, *Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands*“, 1810, S. 108 u. s. w. „Когда знаменитый критикъ Шлёцеръ, говоритъ Эверсъ, въ первый разъ обратилъ свое вниманіе на договоры Олега и Игоря съ греками, которые ясно раскрываютъ предъ нами понятія древнихъ руссовъ о правѣ, то онъ нашелъ ихъ въ высшей степени важными... Но онъ возмущенъ былъ въ своей радости мнимымъ открытіемъ нѣкоторыхъ не-*вѣрностей* въ означеніи времени, молчаніемъ визан-

5) „Есть множество древних бумагъ, говоритъ Шлёцеръ, которыхъ неподлинность неоспоримо можно доказать и по одному ихъ внутреннему содержанию. *Можно начесть цѣлую дюжину такихъ мѣстъ, которыхъ никакъ не могли написать приведенныя въ договорахъ лица*“*). Это положеніе высказано Шлёцеромъ безъ всякой аргументаціи, совершенно голословно. По мнѣнію Карамзина, напротивъ, „хотя византійскіе лѣтописцы не упоминаютъ о договорахъ Олега и Игоря, но содержаніе оныхъ такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія грековъ и россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ“**).

6) „Когда я, говоритъ Шлёцеръ, занимаясь критическою своею работою, дошелъ до сего договора (907 года), то остановился, ибо *не встрѣчалъ еще въ лѣтописяхъ ничего столь для меня непонятнаго...* Вотъ гдѣ начинается мука для толкователя! Всѣ списки такъ искажены, что здѣсь, а еще болѣе въ слѣдующемъ пространномъ мирномъ договорѣ, на многихъ мѣстахъ совершенно ничего не поймешь“***). *Дѣйствительно, въ Шлёцеровскомъ текстѣ Несторовой лѣтописи многое непонятно... Но причина этой темноты — самъ Шлёцеръ.* Сравнивая списки лѣтописи, Шлёцеръ выбиралъ описки изъ позднѣйшихъ списковъ, вставлялъ ихъ въ текстъ древнихъ списковъ и такимъ образомъ составлялъ свой непонятный „сводный текстъ“, называемый имъ подлинникомъ русской лѣтописи, и эту свою работу онъ приписывалъ древнему тексту памятника. Въ древнѣйшихъ спискахъ Несторова свода говорится: „заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблѣй... и потомъ даяти уклады... да приходятъ русь хлѣбное емлють, елико хотять; а иже придуть гостье, да емлють мѣсячину... поидуть же

тѣйцевъ и отчасти даже содержаніемъ... Старецъ, оказавшій безсмертныя услуги Русской исторіи своими изысканіями, не дожилъ до того времени, какъ Кругъ съ такою основательностью разсвѣялъ его сомнѣнія относительно хронологіи, что послѣ того уже никто не дерзнетъ повторять ихъ, кто только способенъ понимать силу историческаго доказательства. Если бы и самъ Шлёцеръ, получше разсмотрѣлъ состояніе наполненной промежутокъ исторической литературы у византійцевъ въ семь періодъ времени, то едва ли бы молчаніе ихъ показалось ему подозрительнымъ“. „Древнѣйшее русское право“, переводъ Платонова, С.-Пб. 1835 г., стр. 133—135.

*) Шлёцеровскій „Несторъ“, ч. II, стр. 758.

***) „Ист. гос. Россійск.“, т. I, стр. 94.

***) Шлѣц. „Несторъ“, II, 642, 694, 696.

русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно...“ и т. д. *). Ничего непонятнаго здѣсь нѣтъ. Шлѣцеръ же составилъ изъ описокъ позднѣйшихъ списковъ русской лѣтописи слѣдующій текстъ условій договора 907 года, предложенныхъ Олегомъ: „заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль... а потомъ даяти углады... да приходячи русь слюбное емлють, елико хотячи. А иже придуть гости егда емлють мѣсячину. Поидучи же русь за ся, да емлють у царя вашего братно“, и т. д. Въ переводѣ и критикѣ содержанія договоровъ славяноруссовъ съ греками Шлѣцеръ употребилъ тѣ же средства, какія употреблены имъ въ отрицаніи свидѣтельствъ русской лѣтописи о расселеніи славянъ въ Европѣ, родствѣ славянъ со скинами, древнихъ сношенійхъ кіевлянъ съ Византіей, и т. д. **). *Темнота въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ не подлиннику русской лѣтописи, а „сводному тексту“ Шлѣцера и его „толкованіямъ“ этого текста.*

Но лѣтописныя свидѣтельства о походахъ кіевскихъ князей на Константинополь и содержаніе договоровъ славяноруссовъ съ греками дѣйствительно менѣе понятны, нежели Несторовы рассказы, составляющіе содержаніе безгоднаго введенія перваго кіевскаго лѣтописнаго свода. Причина этого различія заключается въ томъ, что рассказы Нестора писаны славянорусскимъ языкомъ христіанскаго времени, а рассказы о походахъ руссовъ на Царьградъ и договоры съ греками представляютъ намъ славянорусскій языкъ языческой эпохи, еще не обновленный христіанскимъ образованіемъ и рецепціей св. Писанія и другихъ памятниковъ христіанской письменности южныхъ славянъ. Рассказы о походахъ славяноруссовъ на Царьградъ и договоры съ греками были списаны Несторомъ изъ лѣтописей княженія Олега, Игоря и Святослава ***), а потому представляютъ намъ языкъ *X вѣка, лаконическій, народный, въ которомъ многое измѣнилось подъ вліяніемъ рецепціи христіанства ****).*

Въ языкѣ договоровъ съ греками, какъ древнѣйшихъ изъ сохранив-

---

*) См. приложение № 40.

**) См. Самогвасова, Ист. русск. права, в. II, стр. 87, 91—93, 97—106, изд. 1884 г.

***) См. выше, гл. I.

****) О языкѣ договоровъ съ греками см. Н. А. Лавровскаго, О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками, С-Пб. 1853 г.; И. И. Срезневскаго, О договорахъ съ греками, въ „Изв. Имп. Ак. Наукъ“, I, стр. 309—326; III, 259—295.

шихся памятниковъ славянорусской письменности, написанныхъ языкомъ X вѣка, въ которомъ *многое измѣнилось въ теченіе послѣдующаго 800-лѣтняго развитія*, встрѣчается много словъ и выраженій, вышедшихъ изъ употребленія или измѣнившихъ древнее значеніе, истинный смыслъ которыхъ, не всякому понятный въ наше время, опредѣляется только научными средствами, указанными выше, въ изложеніи научнаго метода разработки древнихъ письменныхъ или литературныхъ памятниковъ. Къ такимъ словамъ принадлежатъ: судъ (гавань-заливъ), городъ (крѣпость), палаты (дома), корабль (лодка), прѣ (паруса), покосны (попутный), полоняники (плѣнные), ратніи (военные), гости (купцы), мужъ (человѣкъ), погани (язычники), невѣголоси (несвѣдущіе), вѣщій (мудрецъ), миръ створити (заключить договоръ), яшася (приняли), вытать (жить), брашна (борошно-мука), мѣсячина (помѣсячное содержаніе), ужа (веревки), мыть (пошлина), рота (присяга), паволока (шелковая ткань), холстина (холстъ), узорочье (парча), кропина (бумажная матерія). Вотъ сколько словъ въ лѣтописномъ описаніи похода и договора Олега 907 года, вышедшихъ изъ употребленія и измѣнившихъ прежнее значеніе. Къ нимъ нужно прибавить „уклады“ и „ключъ“, значеніе которыхъ и теперь еще не опредѣлено наукою. Пониманіе истиннаго смысла такихъ словъ и русскому ученому дается съ трудомъ, а иностранцу они должны казаться совершенно „бесмысленными описками переписчиковъ, непонятною тарабарщиною“. Отсюда понятно признаніе Шлёцера: „когда я, занимаясь критическою своею работою, дошелъ до сего договора, то остановился, ибо не встрѣчалъ въ лѣтописяхъ еще ничего, столь для меня непонятнаго. Даже недавно еще думалъ я оставить все это безъ перевода“*).

Однакоже трудность пониманія языка договоровъ славяноруссовъ съ греками относительна. *Многое, что казалось непонятнымъ и бессмысленнымъ въ прошедшемъ столѣтіи, совершенно понятно въ наше время*, благодаря научнымъ изысканіямъ Болтина, Карамзина, Каченовскаго, Буткова, Погодина, Соловьева, Бѣляева, Лавровскаго, Срезнев-

---

*) Шлёцеровскій „Несторъ“, ч. II, стр. 696. Во всякомъ случаѣ это было бы выгодно для русской, славянскои, византійскои и германскои исторіи, потому что Шлёцеровскій переводъ „Несторовой лѣтописи“, съ его „толкованіями“, обманули и до сихъ обманываютъ ученый міръ западной Европы и многихъ русскихъ ученыхъ, изучающихъ Несторовъ лѣтописный сводъ не въ подлинникѣ, а въ переводѣ и толкованіяхъ Шлёцера.

скаго, Сергѣевича, Мейчика, Владимирскаго-Буданова и другихъ ученыхъ. Что кажется непонятнымъ въ наше время, то разъяснится наукою будущаго.

Есть и еще причина, затруднявшая до сихъ поръ пониманіе истиннаго смысла договорныхъ условій кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка. Со времени Шлѣцера въ историко-юридической литературѣ договоры разсматриваются, какъ *отдѣльные, самостоятельныя, безъ взаимной связи между ними и безъ общаго ихъ отношенія къ договору 907 года*, самая подлинность котораго отрицается. При такомъ воззрѣніи, содержаніе договоровъ славяноруссовъ съ греками представляется отрывочнымъ, безсвязнымъ, непонятнымъ, возбуждающимъ множество литературныхъ сомнѣній*). Но факты, отмѣченные нами въ изложеніи исторіи и содержанія договоровъ, кажется, неоспоримо доказываютъ, что *договоры 911, 945 и 971 годовъ представляютъ собою только подтвержденія и дополненія договора 907 года*. Во вступленіи договора 911 года прямо говорится, что онъ заключенъ согласно съ предыдущимъ договоромъ, бывшимъ при царяхъ Львѣ и Александрѣ, и согласно съ клятвенными условіями и многократными словесными совѣщаніями, слѣдовавшими за договоромъ 907 года. Точно такъ же договоръ 945 года, по точному смыслу его текста, только подтвердилъ и обновилъ ветхій миръ, старый договоръ. Нѣкоторыя статьи этого договора прямо ссылаются на договоръ 907 года, какъ на законъ дѣйствующій. Наконецъ, договоромъ 971 года русскій князь клянется хранить ненарушимо прежнія совѣщанія, прежніе договоры. Слѣдовательно, основнымъ закономъ, опредѣлившимъ отношенія Руси и Греціи въ X столѣтіи, былъ договоръ Олега 907 года, а договоры 911, 945 и 971 г. имѣли значеніе дополненій къ нему, вызванныхъ обстоятельствами времени. *Разсматривая содержаніе договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами во взаимной ихъ связи, мы получили возможность объяснить многія договорныя условія, казавшіяся непонятными изучавшимъ содержаніе договоровъ въ ихъ отдѣльности.*

За доказательствомъ ложности основаній ученія Шлѣцера о дого-

---

*) Напримѣръ, „Наша начальная лѣтопись сохранила содержаніе четырехъ отдѣльныхъ договоровъ... Въ точности всего этого повѣствованія о мирѣ 907 года и теперь есть поводы сомнѣваться... Число договоровъ, ихъ содержаніе, отношеніе этого содержанія къ русскому и греческому праву — все здѣсь сомнительно и спорно“. См. В. И. Сергѣевича, Лекція и изслѣд., стр. 99—101.

ворахъ славяноруссовъ съ греками, подлинность этихъ памятниковъ не нуждается въ доказательствахъ. *Договоры неизмѣнно содержатся во всѣхъ спискахъ Несторова лѣтописнаго свода*, а слѣдовательно, были занесены въ сводъ Несторомъ, а не составлены его позднѣйшими переписчиками „по образцу византійскихъ и ганзейскихъ трактатовъ“, Богъ знаетъ съ какою цѣлью.

ГЛАВА VIII.

Народность права договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка и значеніе ихъ въ исторіи русскаго права.

Рѣшеніемъ вопроса о подлинности договоровъ съ греками, сохранившихся въ русской лѣтописи, еще не рѣшается вопросъ о значеніи этихъ памятниковъ, какъ средствъ познанія системы права славяноруссовъ, потому что договоры могутъ содержать въ себѣ не славянорусское, а греческое право. Если бы такое предположеніе было справедливо, то договоры кievскихъ князей съ византійскими императорами должны быть исключены изъ ряда источниковъ познанія исторіи русскаго права, какъ памятники, содержащіе въ себѣ право, чуждое русскому праву. Отсюда, за рѣшеніемъ вопроса о подлинности договоровъ, внѣшняя исторія русскаго права должна рѣшить не менѣе важный вопросъ о народности ихъ содержанія.

Литературная исторія вопроса о народности права договоровъ славяноруссовъ съ греками можетъ быть изучаема и понята только въ связи съ исторіей литературныхъ воззрѣній на народность варягоруссовъ, призванныхъ славяноруссами, и на степень культурнаго и гражданскаго состоянія въ эпоху призванія призваннаго племени и призвавшаго.

Въ исторической литературѣ прошедшаго столѣтія по сказаннымъ вопросамъ были высказаны *два воззрѣнія*.

Основателемъ перваго воззрѣнія былъ нѣмецкій историкъ *Зимфридъ Байеръ*, въ сочиненіяхъ: „*De Varagis*“ и „*De origine Russorum*“, высказавшій предположеніе, по которому *варяги-руссы, призванные ильменскими славянами, были народъ германскаго происхожденія*, вышедшій въ новгородскую область изъ Скандинавіи. Это предположеніе Байеръ старался подтвердить ссылкой на воинственный характеръ обитателей Скандинавіи („такіе храбрецы, какъ Снорровы герои, не могли оставить въ покоѣ сосѣдній славянскій міръ“) и филологическимъ разборомъ древ-

нѣйшей русской номенклатуры, сохранившейся въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ (германскія имена русскихъ князей, германскія имена пословъ въ договорахъ съ греками, германскіе звуки въ русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ и пр.). Но самъ Байеръ сознавался, что въ Скандинавіи, „*apud hos piratas inauditum nomen Varagorum*“ *).

Второе воззрѣніе признавало племена руссовъ давними обитателями областей, лежавшихъ съ восточной стороны Балтійскаго моря. „Если бы Рюрикъ пришелъ къ славянамъ изъ Скандинавіи, говоритъ *Ломоносовъ*, то скандинавскіе историки не пропустили бы этого важнаго случая въ своихъ исторіяхъ, въ которыхъ вѣкъ Рюрика съ довольными обстоятельствами описанъ“ **). По ученію *Татищева*, руссы было общее имя племенъ финскаго происхожденія, занимавшихъ сѣверныя области Россіи нашего времени до прихода славянъ, и составлявшихъ здѣсь обширное государство, называвшееся Гардариккѣй. Руссы-финны, занимавшіе область за Финскимъ заливомъ, назывались варягами. „Венды (славяне) пришедъ, руссами овладѣли, и свой престолъ въ Гардарикіи утвердя, новое себѣ владѣніе основали, и оныя князи славенскіе, окончивъ мужское наслѣдство Гостомыслемъ, варяжскихъ князей Рюрика съ братією избрали“ ***). Славяне, овладѣвъ русскимъ государствомъ, усвоили себѣ общее имя подвластныхъ племенъ, стали также называться руссами ****). Съ передвиженіемъ изъ Новгорода въ Кіевъ славянорусскихъ князей, кіевская область стала называться также Русью, а поляне и всѣ другія славянскія племена, подвластныя кіевскимъ князьямъ, стали именоваться руссами. Варягоруссы, живучи въ сосѣдствѣ, въ эпоху призванія Рюрика имѣли

---

*) Очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о народности варяговъ-руси см. въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1869 г., ноябрь. Статья Д. Самоквасова, Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія.

***) „Древняя рос. исторія отъ начала рос. народа до кончины в. кн. Ярослава I, соч. Мих. Ломоносова“, стр. 55 и 56.

****) См. Д. Самоквасова, Исторія русск. права, вып. I, „Школа Татищева“, съ соотвѣтствующими тексту примѣчаніями, стр. 6, 75 и слѣд.

*****) „Имя руссовъ издревле, и гораздо прежде пришествія славянъ, было извѣстно. Руссы же жили не индѣ гдѣ какъ токмо около Ильменя, по Волхову... Когда славяне, пришедъ изъ Вандаліи, поселилися между руссовъ, тогда стало быть извѣстно и ихъ имя въ здѣшнемъ краю, но по времени и сами, отъ имени обладавшаго ими предѣла, стали руссами называться“. См. И. Болтина, Примѣчанія на „Исторію древн. и нын. Россіи“. Г. Леклерка, т. II, изд. 1788 г., стр. 47.

одинаковыя познанія и одно просвѣщеніе*), той же степени, на какой стояли въ то время ихъ западные сосѣди германскаго происхожденія**). Культурное и гражданское состояніе славянъ въ эпоху призванія Рюрика „выражается въ содержаніи договоровъ русскихъ съ греками, изъ которыхъ явствуетъ, что въ тогдашнее уже время имѣли русскіе правленіе на коренныхъ законахъ и на непремѣнныхъ правилахъ утвержденное; что народъ раздѣленъ былъ на разныя сословія, яко на бояръ, дворянъ, гостей, купцовъ, свободныхъ и рабовъ, кои не иные были какъ плѣнники; что каждое сословіе пользовалось особенными правами, преимуществами и отличностями; что всѣ вообще имѣли судъ и расправу; что успѣхи имѣли въ торговлѣ внутренней и внѣшней, мореплаваніи, художествахъ, ремеслахъ, и въ разсужденіи тогдашняго вѣка, въ нарочитомъ просвѣщеніи“ ***).

Сущность изложеннаго воззрѣнія ученыхъ школы Татищева по интересующимъ насъ вопросамъ можно выразить слѣдующимъ положеніемъ: *Варяги, призванные славянами, были народъ финскаго или литовскаго происхожденія, стоявшій на одной степени цивилизаціи съ сосѣдями славянами.* Въ эпоху договоровъ съ греками кievскіе славяне и руссы составляли *одинъ народъ* въ этнографическомъ смыслѣ. Степень образованности руссовъ-славянъ выражается въ содержаніи договоровъ съ греками, заключающихъ въ себѣ *славянское право.*

Это ученіе Шлёцера объявилъ „сказкою и невѣжествомъ“, а предположеніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ-руссовъ „истинною исторіей и безспорнымъ ученымъ доказательствомъ“. По ученію Шлёцера, до призванія норманновъ-скандинавовъ-руссовъ славяне жили подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, а руссы жили подобно проказамъ, управляясь своими кациками, родоначальниками, старшинами и атаманами. Дикіе, разсѣянные славяне соединяются „въ политическій составъ“, научаются строить города, получаютъ законы, научаются мореплаванію, знакомятся съ образованными греками только со времени призванія руссовъ-скандинавовъ-германцевъ... *Договоры же руссовъ съ греками не могутъ быть подлинными, потому что показываютъ такую степень образованія, какую невозможно допустить у руссовъ и славянъ, занимавшихъ сѣверныя области Европы*

*) Тамъ же, т. II, стр. 110.

**) Тамъ же, стр. 306—310.

***) Тамъ же, т. I, стр. 76.

и до времени русскаго князя Игоря не имѣвшихъ никакихъ сношеній съ цивилизованными народами южной Европы*).

Послѣдователи теорій Байера и Шлѣцера о нѣмецкомъ происхожденіи первыхъ славянорусскихъ государей и дикости славянъ эпохи призванія Рюрика внесли въ ученіе Шлѣцера поправку, признавшую договоры кіевскихъ князей съ византійскими императорами подлинными, но содержащими въ себѣ скандинавское, германское, нѣмецкое право, а не славянское**).

Такъ начался въ нашей исторической литературѣ періодъ, въ которомъ разработка исторіи руссовъ, варяговъ, германцевъ на славянской землѣ поглотила славянскую исторію; *славянскія мѣтописи и памятники древняго славянскаго права обращены въ средства познанія исторіи и исторіи права германцевъ.*

Направленіе научной разработки начальныхъ періодовъ русской исторіи, господствовавшее въ первой половинѣ нашего столѣтія, выражается въ слѣдующихъ словахъ историка-профессора *М. П. Погодина*: „Варяги до 1054 года были отдѣльнымъ племенемъ отъ славянъ, имѣли свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляли ее...“ „Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О народѣ къ которому пришли братья, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора... *Самъ первый мѣтописатель нашъ представляетъ славянскія племена еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно.* Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположникомъ исторической критики Шлѣцеровъ“***). Содержаніе договоровъ руссовъ съ греками, согласно съ ученіемъ Эверса, Погодинъ признавалъ норманско-варяжско-германскимъ.

Новое направленіе въ воззрѣніяхъ по интересующимъ насъ вопросамъ начинается изслѣдованіями *С. М. Соловьева*.

Въ ученіи о бытѣ русскихъ славянъ въ эпоху призванія Рюрика Соловьевъ является послѣдователемъ своихъ предшественниковъ, только развиваетъ и дополняетъ теорію родового быта нашихъ предковъ, предложенную Эверсомъ. Но въ ученіи о значеніи варяговъ въ исторіи куль-

*) См. приложение № 48.

***) См. приложение № 49.

***) „Ислѣдованія, зам. и лекціи о русской ист.“, т. II, изд. 1846 г., стр. 321—385, 391, 392; его же, Древняя русская исторія, изд. 1878 г., перепечатка „Ислѣдованій, зам. и лекцій“.

туры и гражданственности русских славянъ Соловьевъ рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ. Обзоръ исторіи Россіи при первыхъ Рюриковичахъ Соловьевъ оканчиваетъ выводами, направленными противъ основного положенія ученія Шлёцера-Карамзинской школы, выраженнаго Погодинымъ слѣдующими словами: „Варяги до 1054 года были отдѣльнымъ племенемъ отъ славянъ, имѣли свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляли ее“. По ученію Соловьева: „и въ событіяхъ внѣшнихъ, походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней славяне составляютъ свою исторію, въ которой варяги являются только пособниками, служебниками... варяги не составляли господствующаго народонаселенія относительно славянъ, приходили въ Русь безъ женъ, женились на славянкахъ; дѣти ихъ были уже только полуварягами, а внуки совершенно славянами... варяги не стояли выше славянъ на ступеняхъ развитія общественной жизни; бытъ варяговъ имѣлъ сходство съ бытомъ славянъ, а потому горсть варяговъ, поселившаяся среди славянъ, легко слилась съ большинствомъ. Въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно германскаго... Послѣ того какъ „Русская Правда“ была сличена съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ, что „Русская Правда“ есть скандинавскій законъ, но даже о сильномъ вліяніи въ ней скандинавскаго элемента“*).

Сущность ученія Соловьева по интересующему насъ вопросу можетъ быть выражена слѣдующимъ положеніемъ: *Славяне и варяги эпохи призванія Рюрика одинаково стояли на ступени естественнаго родового быта. Призванные новгородскими славянами варяги въ эпоху образованія государства Рюриковичей въ Кіевѣ составляли уже одинъ этнографическій типъ: варяги слились съ славянами, говорили славянскимъ языкомъ, поклонялись славянскимъ богамъ, имѣли славянское право.* „Русская Правда“ представляетъ собою сборникъ русско-славянскаго, а не варяжско-германскаго права.

Какъ же примирить теорію естественнаго родового быта славянъ и варяговъ, свойственнаго дикимъ и полудикимъ народамъ, съ содержаніемъ договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами,

---

*) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I, изд. 1866 г., стр. 307—309 и др. „Одновременно съ русскимъ образуется другое славянское государство — польское“, въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія германскаго“, и т. д.

выражающимъ понятія и отношенія государственнаго быта народовъ, не имѣющія ничего общаго съ бытомъ племенъ, живущихъ только кровными, родовыми союзами? Оставаясь послѣдовательнымъ въ своей теоріи естественнаго и постепеннаго развитія соціальной организаціи, Соловьевъ долженъ былъ смотрѣть на договоры глазами Шлёцера, подозрѣвать ихъ подлинность. Ограничившись въ текстѣ своей „Исторіи Россіи“ только изложеніемъ содержанія договоровъ Олега и Игоря, Соловьевъ прибавилъ примѣчаніе, по которому *договоры представляютъ собою вставку, не принадлежащую первому составителю начальной русскаго летописнаго свода**).

Въ новѣйшей историко-юридической литературѣ появилась другая попытка примиренія теоріи естественнаго родового быта славяноруссовъ въ эпоху призванія Рюрика съ содержаніемъ права договоровъ съ греками, по которой эти памятники заключаютъ въ себѣ *не русско-славянское и не германское, а греческое право*. Наиболѣе послѣдовательно это ученіе развито въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права“ *В. И. Сергѣевича*.

По мнѣнію проф. Сергѣевича, „на составителяхъ договоровъ лежала обязанность обезопасить Константинополь и его окрестности отъ русскихъ гостей, обычаи которыхъ угрожали безопасности греческихъ поданныхъ. Не требуя отъ русскихъ прямого отказа отъ своихъ обычаевъ, составители договоровъ должны были примирить примитивные способы возстановленія нарушеннаго права съ правомъ народа цивилизованнаго“****). Эту задачу составители договоровъ исполнили такъ, что всѣ статьи договоровъ явились содержащими въ себѣ цивилизованное право грековъ, а не примитивное право русскихъ. Статья объ убійствѣ — „чисто римское постановленіе“, а въ постановленіяхъ „объ убійствѣ въ случаѣ необходимой обороны“ мы имѣемъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющимъ русскіе нравы“*****). „Статья о побояхъ, какъ и статья объ

---

*) „Вставка договоровъ въ летопись съ уничтоженіемъ разсказа начального летописца ясна изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6421 годомъ: „посла Олегъ мужи свои построить мира и положить ряды межѣ греки и русью; и посла глаголя равно другаго свѣщанія“ и пр. Для насъ очевидно, что здѣсь послѣ „глаголя“ слѣдовалъ разсказъ начального летописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ разсказъ прерванъ насильственною вставкою договора“. „Ист. Россіи“, I, пр. 181.

***) „Лекціи и изслѣдованія“, изд. 1883 г., стр. 111—114.

***) Тамъ же, стр. 115, 121.

убійствѣ, не только ничего не прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о русскихъ обычаяхъ, но есть существенное ихъ измѣненіе... Заключение статьи также новое и вовсе не въ духѣ русскихъ обычаевъ*). Определеніе денежныхъ пеней за кражу въ размѣрѣ двойной или тройной цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое**). „Догадка (проф. Цитовича) о томъ, что статья о наследствѣ есть буквальный переводъ римскаго текста: Si intestato moritur cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto, представляется чрезвычайно вѣроятной***). Въ процессуальной статьѣ „если и есть русское, то опять не все русское, а только то изъ него, что подходило и къ греческимъ понятіямъ****) Установленіе выкупа плѣнныхъ, какъ обязанности, есть мысль греческая†)

Результатъ анализа содержанія договоровъ, предложеннаго проф. Сергѣевичемъ, выражается въ слѣдующей „оцѣнкѣ достоинства этихъ памятниковъ, какъ источниковъ древняго русскаго права: *предки наши, нападая на Грецію, обогащались не однимъ только золотомъ, паволоками, овощами и виномъ; они обогащались и новыми правовыми идеями, выработанными гораздо болѣе развитою жизнью, чѣмъ та, которую они знали у себя дома... Статьи договоровъ съ греками, относящіяся къ частному и публичному международному праву, даютъ новое право... Договоры сами по себѣ ничего не прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ уже о нашихъ древнихъ обычаяхъ на основаніи другихъ, болѣе чистыхъ, источниковъ††).*

Исключивъ такимъ образомъ договоры славяноруссовъ съ греками изъ ряда средствъ познанія славянорусскаго права, проф. Сергѣевичъ уже не обращается къ нимъ въ изложеніи исторіи древнѣйшаго русскаго права, а излагаетъ теорію „исключительно семейнаго и родового быта“ русскихъ славянъ до X вѣка „сравнительно“, на основаніи историческихъ догадокъ и наблюденій условій быта дикихъ народовъ нашего времени†††).

---

*) Тамъ же, 122.

**) Тамъ же, 123.

***) Тамъ же, 126.

****) Тамъ же, 128.

†) Тамъ же, 130.

††) Тамъ же, стр. 110, 130, 131.

†††) „Для исторіи русскаго права время историческое не восходитъ далѣе X, много IX вѣка. Историческому времени предшествуетъ доистори

Основанія изложеннаго ученія, лишающаго исторію русскаго права важнѣйшихъ, древнѣйшихъ и спеціальныхъ памятниковъ, должны имѣть силу доказательствъ положительныхъ, неопровержимыхъ; но доказательства проф. Сергѣевича далеко не отличаются такимъ характеромъ.

Проф. *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, въ примѣчаніяхъ къ его „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“, останавливается на соображеніяхъ проф. Сергѣевича о греческомъ содержаніи договоровъ и доказываетъ, что многіе изъ нихъ *не оправдываются содержаніемъ „Русской Правды“ и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права**). Сравненіе юридическихъ правилъ, выраженныхъ въ договорахъ славяноруссовъ съ греками, съ правилами другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права привели проф. Владимирскаго-Буданова къ слѣдующему заключенію: „право, выраженное въ договорахъ, *не есть ни право византійское, ни чисто русское*: оно составлено искусственно договаривающимися сторонами для соглашенія русскаго обычнаго права съ столь отличнымъ отъ него культурнымъ византійскимъ правомъ. Однако, *въ договорахъ гораздо больше слѣдовъ русскаго права, чѣмъ византійскаго* (не потому, что русскіе взяли перевѣсъ надъ греками, а потому, что культурному человѣку легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ наоборотъ ******).

Съ другой стороны, проф. Сергѣевичъ, называя право договоровъ „новымъ правомъ“ и утверждая, что договоры ничего не прибавляютъ къ „чистымъ источникамъ“ познанія нашихъ древнихъ обычаевъ, противорѣчитъ своему же ученію о недостаткѣ средствъ познанія системы славянорусскаго права языческой эпохи, называемой авторомъ доисто-

---

ческое время. Относительно этого предшествовавшаго времени въ наукѣ есть только догадки. Высшую степень вѣроятности имѣетъ догадка объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ, какъ предшествующей историческому времени стадіи развитія... Изложеніе древнѣйшаго состоянія человѣка я буду вести по возможности сравнительно, то-есть буду имѣть въ виду не исключительно нашъ доисторическій бытъ, о которомъ, если взять его отдѣльно, очень не много намъ извѣстно, а буду говорить и о другихъ индо-европейскихъ народахъ и, кромѣ того, для сравненія, остановлюсь на фактахъ изъ быта современныхъ дикихъ народовъ... На низшей ступени развитія всѣ племена и народы имѣютъ тѣ же признаки. У дикарей мы замѣчаемъ также черты патріархальнаго семейнаго быта...“ Тамъ же, стр. 53—55, 61, 67.

*) См. приложение № 50.

***) „Обзоръ ист. русскаго права“, изд. 1886 г., вып. I, стр. 66; „Хрест.“, вып. I, стр. 19, прим. 29.

рической. Откуда можно знать, что договоры представляют собою новое право, и что должно разумѣть подъ чистыми источниками нашихъ знаній русскаго права эпохи договоровъ славяноруссовъ съ греками, если теорія родового быта славяноруссовъ въ эпоху призванія Рюрика представляет собою „только догадку“, только „вѣроятное предположеніе“, не имѣющее опоры въ древнѣйшихъ сборникахъ русскаго права, каковыхъ, по ученію автора, и не существуетъ*).

Такимъ образомъ, *теоріи германизма и грецизма права договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами стоятъ въ генетической связи съ ученіемъ о дикомъ, примитивномъ состояніи культуры и гражданственности славянъ въ эпоху призванія варягоруоссовъ*. Послѣдователямъ этого ученія казалось невозможнымъ примирить понятія о дикости славянъ съ содержаніемъ договоровъ иначе, какъ предположеніемъ, что эти памятники заключаютъ въ себѣ не право славянъ, а право народа высшей цивилизаціи сравнительно съ славянскою, каковымъ, по одной теоріи, были германцы, а по другой, — греки. Но теорія германизма разрушена изслѣдованіями новѣйшаго времени, доказавшими, что варягоруоссы, жившіе въ Кіевѣ въ эпоху договоровъ, составляли одинъ этнографическій типъ со славянами, говорили славянскимъ языкомъ, поклонялись славянскимъ богамъ и подчинялись славянскому праву. Слѣдовательно, кто бы ни были варягоруоссы по ихъ происхожденію (славяне, литовцы, финны, германцы), во всякомъ случаѣ, въ настоящее время о германской народности права договоровъ не можетъ быть рѣчи. Смѣнившая теорію германизма, теорія грецизма права договоровъ построена на соображеніяхъ, не согласныхъ съ содержаніемъ договоровъ и другихъ памятниковъ древнѣйшаго русскаго права.

Въ эпоху договоровъ кievскихъ князей съ византійскими императорами славянское право не было отдѣлено отъ религіи, нормы права были тождественны съ догматами религіи, и воля законодателя не могла измѣнять дѣйствовавшую систему священнаго права. Въ виду отождествленія религіи съ правомъ, содержаніе договоровъ съ греками не могло противорѣчить славянорусскому праву, не могло быть новымъ правомъ для славяноруссовъ X вѣка. Для предковъ нашихъ новое право равнялось бы новой религіи, а принятіе новаго права означало бы измѣну своей религіи, измѣну своимъ богамъ и предкамъ. Отсюда, договоры

*) „Мы не имѣемъ никакого сборника древнихъ обычаевъ, такъ что нужно ихъ еще разыскивать(?). Это слабая сторона исторіи, по отношенію къ которой еще мало сдѣлано...“ („Лекціи и изслѣд.“, стр. 98.)

славяноруссовъ съ греками могли состояться не иначе, какъ подъ условіемъ полного согласія ихъ содержанія съ религіозною системою права славяноруссовъ. О такомъ согласіи содержанія договоровъ съ священнымъ русскимъ правомъ прямо заявляется въ заключеніи договора Олега, гдѣ этотъ договоръ, въ цѣломъ его составѣ, называется „твореніемъ Бога, основаннымъ на законъ и поконъ русскаго народа“*). Допуская пребываніе русскихъ на своей территоріи, греки должны были допустить на ней и дѣйствіе русскаго права, потому что славяноруссы, по своей религіи, не могли подчинить себя дѣйствію чуждаго имъ права. Вотъ почему договоры ни слова не говорятъ объ отношеніяхъ руссовъ къ руссамъ на греческой территоріи: отношенія въ русской колоніи у св. Мамы опредѣлялись исключительно русскимъ правомъ. Въ опредѣленіи уголовныхъ и гражданскихъ отношеній между руссами и греками составители договоровъ должны были рѣшить трудную задачу согласованія языческаго права славяноруссовъ съ христіанскимъ правомъ грековъ. Рѣшеніе этой задачи длилось долго, съ 907 по 911 годъ, пока, послѣ многократныхъ переговоровъ, былъ выработанъ руссами рядъ условий, принятыхъ греками въ 911 году и дополненныхъ въ 945 году, основанныхъ на „уставъ и законъ русскомъ“.

Результатъ нашей разработки вопросовъ о происхожденіи, содержаніи, подлинности и народности права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка, выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Сношенія кіевлянъ съ Византіей начались задолго до времени образованія въ Кіевѣ государства Рюриковичей.

Договоры кіевскихъ князей: Олега, Игоря и Святослава, съ греками находятся во всѣхъ сохранившихся до насъ копіяхъ или *стискахъ Несторова лѣтописнаго свода*; а слѣдовательно, договоры были занесены въ Начальный кіевскій лѣтописный сводъ первымъ его составителемъ Несторомъ.

Въ лѣтописной исторіи и въ содержаніи договоровъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, баснословнаго и легендарнаго, что давало бы право отрицать древность и подлинность всего содержанія договоровъ или какихъ бы то ни было отдѣльныхъ условій или статей.

---

*) „Мы же вляхомся въ царю вашему, иже отъ Бога суще, яко Божіе зданіе по закону и покону языка нашего, не преступать ни намъ, ни иному отъ страны нашея, отъ уставленныхъ главъ мира и любве“.

Исторія и содержаніе договоровъ вполнѣ соотвѣтствуютъ отношеніямъ славяноруссовъ къ грекамъ въ X вѣкѣ, записаннымъ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ исторіи византійской.

Языкъ договоровъ древнѣе, а потому темнѣе языка Нестора; но содержаніе договоровъ вполнѣ понятно, за исключеніемъ немногихъ мертвыхъ словъ, не препятствующихъ пониманію общаго смысла договорныхъ условій, въ которыхъ встрѣчаются такіа слова.

Литературныя теоріи германизма и грецизма содержанія договоровъ противорѣчатъ содержанію древнѣйшихъ памятниковъ славянорусскаго права и прямымъ указаніямъ самихъ договоровъ, по которымъ они заключаютъ въ себѣ священный законъ и поконъ руссовъ-славянъ.

Договоры кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка, сохранившіеся въ лѣтописныхъ копіяхъ, содержатъ въ себѣ систему священнаго права славяноруссовъ языческой эпохи, и историкъ-юристъ нашего времени долженъ положить эту систему въ основаніе познанія древнѣйшаго права періода исторіи русскаго права.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1, къ стр. 3.

По вопросу о происхожденіи лѣтописанія въ Россіи долгое время господствовали въ литературѣ невѣрныя воззрѣнія нѣмецкаго историка А. Шлёцера, приглашеннаго въ Россію въ 1761 году для объясненія памятниковъ русской исторіи и написавшаго сочиненіе „О Несторѣ, какъ древнѣйшемъ русскомъ лѣтописцѣ“. Согласно съ ученіемъ Шлёцера, историки прошедшаго и первыхъ десятилѣтій настоящаго столѣтія признавали Несторово-Сильвестровъ лѣтописный сводъ сочиненіемъ одного лица, монаха Нестора, жившаго во второй половинѣ XI вѣка, и „первымъ, древнѣйшимъ актомъ лѣтописанія въ Россіи“ (См. Д. Самоквасова, Ист. рус. права, изд. 1878 г., вып. I, стр. 7 и слѣд., 166, 167). Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, въ сочиненіяхъ профессора Русской исторіи въ Московскомъ университетѣ Каченовскаго и его послѣдователей (скептическая школа), эпоха происхожденія лѣтописанія въ Россіи придвинута къ нашему времени еще ближе. Скептическая школа, слѣдуя за Шлёцеромъ въ понятіяхъ о дикости славяноруссовъ IX—XI столѣтій, не допускала возможности появленія въ Россіи того времени „историческаго сочиненія“, подобнаго „Несторовой лѣтописи“, обличающей своимъ содержаніемъ значительную образованность автора, его знакомство со множествомъ словъ и понятій, заимствованныхъ отъ иноземныхъ народовъ. „Лѣтопись Нестора“, по ученію Каченовскаго, представляетъ собою не сочиненіе монаха Нестора, а позднѣйшую компиляцію, составленную неизвѣстнымъ лицомъ изъ разныхъ источниковъ не ранѣе времени открытія торговыхъ сношеній Новгорода съ ганзейскимъ союзомъ городовъ, не ранѣе XIII, а можетъ быть даже XIV вѣка (Тамъ же, стр. 18 и слѣд., 93 и слѣд.) Основанія сомнѣній скептической школы въ древности русскаго лѣто-

писанія были разрушены уже современниками Каченовскаго, особенно Бутковымъ. Въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Оборона лѣтописи русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ“, Бутковъ основательною аргументаціей доказаль, что понятія Шлёцера и Каченовскаго о дикости славяноруссовъ IX—XI столѣтій были основаны только на невѣрно понятыхъ свидѣтельствахъ Нестора и далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительной степени умственного, культурнаго и гражданскаго состоянія нашихъ предковъ въ эпоху первыхъ Рюриковичей; что славяноруссы задолго до времени образованія ганзейскаго союза городовъ вели торговыя сношенія съ Византіей, Западомъ и Востокомъ; что, слѣдовательно, появленіе на Руси въ концѣ IX вѣка историческаго сочиненія, обличающаго знакомство автора со словами и понятіями иноземныхъ народовъ, не представляетъ ничего страннаго и невозможнаго. (Тамъ же, стр. 20 и слѣд., 95 и слѣд.). Послѣ Буткова уже не раздавались въ ученой литературѣ голоса, направленные противъ древности и подлинности перваго кіевскаго лѣтописнаго свода. По всеобщему признанію ученыхъ нашего времени, Начальный русскій лѣтописный сводъ былъ составленъ въ эпоху жизни Нестора, не позже втораго десятилѣтія XII-го вѣка.

Между тѣмъ, аргументація Каченовскаго, направленная къ доказательству компилятивнаго или своднаго характера „Несторовой лѣтописи“, какъ составленной изъ источниковъ различнаго происхожденія и разныхъ временъ, послужила основаніемъ новѣйшихъ изысканій по вопросу о составѣ содержанія перваго кіевскаго лѣтописнаго свода, совершенно измѣнившихъ прежній взглядъ науки на исторію лѣтописанія въ Россіи. Полную литературу и результаты новѣйшей научной разработки вопроса о происхожденіи и составѣ содержанія Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода см. въ сочиненіяхъ: М. Сухомлинова, О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, 1856 г.; Н. Костомарова, Лекціи по русской исторіи, Источники русской исторіи, 1861 г., вып. I; И. Срезневскаго, Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, „Записки Имп. Академіи Наукъ“ 1862 г., № IV, Приложение; К. Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, „Лѣтопись Зан. Археогр. Комиссіи“ за 1865—1866 гг., т. IV; его же, Русская Исторія, т. I, стр. 18 и слѣд., изд. 1872 г.

№ 2, къ стр. 3.

Сюда принадлежатъ извѣстія о бездѣтномъ Гостомыслѣ, новгородскомъ князѣ; о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Ладогѣ; о перемѣщеніи Рюрика изъ Ладоги въ Новгородъ по смерти Синеуса и Трувора и о построеніи имъ новаго города на берегу Волхова, вблизи стараго города Славянска, стоявшаго на берегу озера Ильменя; о посольствѣ полянъ къ Рюрику съ просьбою прислать имъ князя и посылкѣ въ Кіевъ Аскольда и Дира; о возмущеніи новгородцевъ противъ Рюрика и казни Вадима Храбраго съ его единомышленниками; о рожденіи Игоря и пр. Напримѣръ, подъ 864 годомъ: „убіенъ бысть отъ болгаръ Осколдовъ сынъ. Того же лѣта оскорбишася новгородцы глаголюща: яко быти намъ рабомъ и многа зла пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ изби новгородцевъ совѣтниковъ его“, Подъ 865 годомъ: „того же лѣта родися Рюрику сынъ, и нарече имя ему Игорьъ. Того же лѣта воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сотвориша“. Подъ 867 годомъ: „того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много новгородскихъ мужей...“ („Никонов. лѣт.“, акад. изд. 1767 г., стр. 16, 17). Перечень извѣстій, не вошедшихъ въ составъ Несторова свода, но встрѣчающихся въ лѣтописныхъ сводахъ удѣльныхъ княжествъ и московскаго государства приложенъ къ труду К. Н. Бестужева-Рюмина, посвященному составу русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка. По мнѣнію автора, древнѣйшимъ кіевскимъ лѣтописнымъ сводомъ или „Повѣстью временныхъ лѣтъ“ не ограничивается весь историческій матеріалъ, завѣщанный намъ первоначальною эпохою русской письменности: въ разныхъ сборникахъ лѣтописныхъ мы находимъ извѣстія, не попавшія въ сводъ... Отстранивши извѣстія, очевидно выдуманная и даже сомнительныя, мы получимъ цѣлый рядъ извѣстій, несомнѣнно достоверныхъ, которыя не вошли въ первоначальный сводъ, что и подтвердило существованіе нѣсколькихъ современныхъ лѣтописцевъ“ („Лѣт. Зан. Арх. Ком.“ 1868 г., вып. IV, стр. 59, 61, 69).

№ 3, къ стр. 5.

Существованіе славянорусской письменности до времени крещенія князя Владимира Святославича доказываютъ слѣдующія историческія

указанія. Договоръ Олега съ греками 911 года: „аще ли створить (русинъ) обряженіе, таковойъ возьметъ уряженое его, кому будетъ писаль наслѣдити имѣніе, да наслѣдитъ е“ (П. С. Р. Л., I, стр. 15); договоръ Игоря съ греками 945 года: „нынѣ увѣдѣль естъ князь вашъ (русскій) посылати грамоту ко царству нашему... пишуче сице“ (тамъ же, 20); паннонское житіе св. Кирилла: „дошедъ до Корсуня... обрѣте ту евангеліе и псалтырь рушкими письмены писано, и человекъ обрѣте глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи приемъ, своей бесѣдѣ прикладае различы письменъ, гласная и согласная, и вскорѣ начеть чести и сказовати“ („Житіе Константина философа“, изд. Бодянского, въ „Чтен. Общ. Ист. и Древн.“ за 1863 г., кн. II, стр. 11, 47, 75). Слѣдовательно, св. Кириллъ познакомился съ славянскимъ языкомъ при посредствѣ русской грамоты, которая и послужила ему орудіемъ въ послѣдующей просвѣтительной дѣятельности среди южныхъ славянъ и при его переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Впослѣдствіи славяноруссы получили изъ Болгаріи переводъ священныхъ книгъ на своей грамотѣ языческой эпохи, дополненной нѣкоторыми буквами, взятыми св. Кирилломъ изъ греческой грамоты. По свидѣтельствамъ черноризца Храбра, писателя первой половины X вѣка, и древнѣйшаго источника нашихъ знаній по вопросу о значеніи св. Кирилла въ исторіи славянской грамоты: „прежде убо словѣне (южные) не имѣхъ къ книгѣ, но чертами и рѣзами чѣтяхъ и гатаахъ, погани суще... крестившеся римскими и гречскими письмены нуждахуся, словѣньска бо рѣчь бѣ безъ устроенія... Человѣколюбець Богъ... посла имъ св. Константина философа, нарицаемаго Кирилла... и створи имъ ѿ письменъ и ѿ ово убо по чину гречьскихъ письменъ, ово же по словѣньстѣй рѣчи...“ („Древніе памятники письма и языка юго-зап. славянъ“, изд. И. Срезневскаго, 1865, стр. 1—3). По свидѣтельству Ибнъ-Фадлана (первой половины X вѣка), руссы, насыпавъ курганъ надъ могилою покойника, вкопали дерево на его вершинѣ, а на деревѣ написали имя умершаго человекъ и имя русскаго князя (Гаркави, Сказ. мусульм. писат., стр. 101). По свидѣтельству Ибнъ-анъ-Надима (второй половины X вѣка): „русскіе имѣють письмена, вырѣзываемыя на деревѣ“ (Тамъ же, 240). Это извѣстіе объясняетъ и причину, по которой не сохранилось въ подлинникахъ памятниковъ славянорусской письменности языческой эпохи: матеріаломъ письменности служило дерево.

№ 4, къ стр. 7.

Сводный и критическій характеръ лѣтописной работы Нестора ясно проявляется въ повтореніяхъ, противорѣчіяхъ, полемическихъ замѣчаніяхъ и пробѣлахъ его труда. Такъ, напримѣръ, сказанія о водныхъ путяхъ, о происхожденіи радимичей и вятичей одинаково начинаются словами: „поляномъ же, живущимъ особе“, при чемъ въ первомъ и послѣднемъ сказаніяхъ эти слова не имѣютъ никакой связи съ послѣдующимъ содержаніемъ рѣчи. Сказаніе о расселеніи славянъ въ предѣлахъ Россіи разбито на три части и въ послѣдней изъ нихъ говорится: „живяху въ мирѣ поляне и деревляне...“, а ниже, въ сказаніи о завоеваніи полянъ козарами, читаемъ: „поляне быша обидимы деревляны, инѣми окольними“. Примѣромъ Несторовой полемики можетъ служить разсказъ о Кіѣ, въ которомъ говорится: „ини же несвѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ“. Примѣромъ давнихъ историческихъ сказаній, частію не внесенныхъ Несторомъ въ его сводъ, частію передѣланныхъ, можетъ служить лѣтопись времени Аскольда и Дира, изъ которой взяты Несторомъ только извѣстія о вокняженіи Аскольда и Дира въ Кіевѣ, о неудачномъ походѣ ихъ на грековъ и смерти отъ руки Олега. Примѣромъ давнихъ сказаній, передѣланныхъ Несторомъ, можетъ служить сказаніе о призваніи Рюрика новгородцами, которому данъ иной смыслъ, не вѣрный дѣйствительности.

№ 5, къ стр. 8.

Къ первой категоріи свѣдѣній принадлежатъ всѣ хронологическія лаконическія извѣстія о событіяхъ русской земли во второй половинѣ IX вѣка и въ X столѣтіи, а равно хронологическіе разсказы, написанные слѣдующимъ языкомъ: „Олегу приде къ Смоленску, и прія градъ, и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ по Днѣпру, и взя Любечъ, и посади мужъ свой (882 г.). ...Иде Олегъ на греки, и приде къ Царюграду, и греци замкоша судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ восемь своимъ изволочити корабля на берегъ; и повоева около города, и много убійство створи грекамъ, и палаты многи разбиша, а церкви пожгоша (907 г.). ...Изидоша деревляны противу. Снемшемся обѣма полкома на скупъ. Суну копьемъ Святославъ, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмольдъ: „князь уже почаль, а потягнѣте дружина по

князѣ“ (946 г.)... и т. д. Вторую категорію свѣдѣній составляютъ сказанія о судьбѣ славянскои придунайскои прародины и о переводѣ священныѣ книгѣ на славянскій языкѣ и славянскихъ первоучителяхъ (898 г.); сказаніе о смерти Олега по предсказанію волхва и разсужденіе о дивномъ исполненіи предсказаній кудесниковъ, со ссылками на разные примѣры бѣсовскихъ чудесъ (912 г.); сказаніе о крещеніи княгини Ольги (955 г.) и вообще всѣ сказанія, написанныя языкомъ, образомъ котораго могутъ служить слѣдующія цитаты: „по мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ угорска земля и болгарска. Отъ тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именовѣ Морава и прозвашася морава, а друзіи чеси нарекошася... Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть... Яко же се и при насъ нынѣ половцы законъ держать отецъ своихъ — кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуце мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, поймають мачехи своя и ятрови и ины обычаи отецъ своихъ творять; мы же христіане, елико землѣ, иже вѣрують въ Св. Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имама единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся...“ (П. С. Р. Л., I, стр. 3—7).

№ 6, къ стр. 8.

Историкъ Костомаровъ, признавая первымъ составителемъ кіевскаго лѣтописнаго свода игумена Сильвестра, пытался объяснить различіе въ наслоеніи его свѣдѣній предположеніемъ существованія въ древней Руси безгодныхъ историческихъ повѣстей, послужившихъ источниками свода Сильвестра. По его мнѣнію, „въ основаніи перваго кіевскаго лѣтописнаго свода лежитъ безгодная повѣсть древнихъ лѣтъ, разбитая Сильвестромъ на годы и перебитая вставками. Тонъ первоначальной повѣсти старыхъ временъ даетъ себя знать повсюду между другими вставками, такъ что, несмотря на смѣшенія, перестановку частей, измѣненія въ слогѣ, совершавшіяся въ теченіе вѣковъ, до сихъ поръ можно прослѣдить его, какъ иногда можно прослѣдить воду одной рѣки, впавшей въ другую...“ „Сильвестръ, — говоритъ Костомаровъ въ другомъ мѣстѣ, — имѣлъ подъ рукой уже готовые рассказы безъ годовъ, разлагалъ ихъ на годы, а тамъ, гдѣ не зналъ, къ какому году отнести событіе, ставилъ при немъ нѣсколько годовъ“ („Лекціи по Рус.

ист.", I, стр. 33—35). Но Сильвестръ, писавшій во второмъ десятилѣтїи XII вѣка, не могъ обозначить годы множества событїй, случившихся за два и за два съ половиною вѣка до его времени. Безсобытные годы лѣтописныхъ сводовъ очень просто объясняются тѣмъ, что лѣтописные сводчики, не находя въ давнихъ лѣтописяхъ событїй, соотвѣтствовавшихъ даннымъ годамъ и опуская событїя годовъ, не имѣвшихъ интереса съ ихъ точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе, вносили перечень безсобытныхъ годовъ въ свои своды, съ цѣлью оправдать хронологическую таблицу русскихъ княженїй, которою въ Несторовомъ сводѣ начинается хронологїя Русской исторїи. (Ср. Бестужева Гюмина, О составѣ рус. лѣт., стр. 49).

№ 7, къ стр. 10.

Напримѣръ, къ лѣтописи времени княженїя Олега прибавлены сводчикомъ слѣдующїя пояснительныя замѣчанїя: въ разсказѣ о вокняженїи Олега въ Кїевѣ: „устави варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ“ (882 г.); въ извѣстїи о движенїи угровъ мимо Кїева: „идоша угры мимо Кїевъ горою, еже се зоветъ нынѣ Угорское; пришедше къ Днѣпру и стапа вежами, бѣша бо ходяще, аки се половци“ (898 г.); въ разсказѣ о походѣ Олега противъ грековъ въ 907 году, за перечисленїемъ народовъ, участвовавшихъ въ походѣ: „яже суть толкованы, си вси звахуться Великая Скиѣ“, — очевидная ссылка Нестора на его вводныя „повѣсти“ къ своду, въ которыхъ, за перечнемъ славянорусскихъ племенъ, было сказано: „да то ся зваху отъ грекъ Великая Скиѣ...“ Нѣкоторые литературные источники перваго кїевского лѣтописнаго свода, не только византїйскаго и болгарскаго, но и русскаго происхожденїя, сохранились до нашего времени отдѣльно, независимо отъ лѣтописнаго свода; какъ, напримѣръ, „Житїе Владимира Равноапостольнаго“ и „Чтенїе о житїи и погубленїи стратотерпцевъ Бориса и Глѣба“, соч. Іакова Черноризца. Въ сказанїи лѣтописнаго свода объ ослѣпленїи Василька Ростиславича говорится: „присла по мя князь Давидъ и рече ми: „да се Василю, шлю ты, иди къ Василькови“ (П. С. Р. Л., I, 112). Очевидно, составитель свода имѣлъ подъ руками разсказъ какого-то Василя и вставилъ его въ свой сводъ, не выбросивъ имени Василя — автора разсказа, чѣмъ и обнаружилъ источникъ своего повѣствованїя объ ослѣпленїи Василька Ростиславича.

№ 8, къ стр. 10.

Хронологическая таблица Нестора заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаннѣ гречьстѣмъ; тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ. Яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2242... Отъ Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542. А отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олгова, русскаго князя, лѣтъ 29. А отъ перваго лѣта Олгова, понѣже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31. А отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33. А отъ перваго лѣта Святослава до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28. Ярополкъ княжи лѣтъ 8. А Володимеръ лѣтъ 37. А Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85“. Въ Несторово-Сильвестровомъ сводѣ, за хронологическою таблицею Нестора, находимъ слѣдующее добавленіе: „а отъ смерти Ярослава до смерти Святополчи лѣтъ 60; но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, что ся удѣя лѣта си“ (П. С. Р. Л., I, стр. 8); а за симъ, въ послѣдующихъ лѣтописныхъ сводахъ читаемъ: Володимеръ Всеволодовичъ Манамахъ княжи 12 лѣтъ. Вячеславъ княжи 4 мѣсяца. Всеволодъ Ольговичъ княжи 12 лѣтъ...“ (тамъ же, т. XV, стр. 12) и т. д., до времени прекращенія дома Рюриковичей.

№ 9, къ стр. 11.

Сюда принадлежатъ лаконическіе тексты слѣдующихъ хронологическихъ извѣстій и сказаній: о вокняженіи Олега въ Кіевѣ (882 г.); о размѣрахъ дани, наложенной Олегомъ на покоренныя племена (883, 884, 885); о греческихъ царяхъ Леонѣ и Александрѣ (887); о движеніи угровъ мимо Кіева (898); о наймѣ царемъ Леономъ угровъ противъ болгаръ и побѣдѣ угровъ надъ болгарями (902); о женитьбѣ Игоря (903); о походѣ Олега на грековъ и договорѣ съ греками (907); о явленіи кометы (911); договорѣ Олега съ греками 911 года (912); о вокняженіи Игоря (913) и войнѣ его съ древлянами (914); о нападеніи печенѣговъ (915) и мирѣ съ ними (920); о рожденіи Святослава (942); о походахъ Игоря на грековъ (941, 944); о договорѣ Игоря съ греками (945); краткія хронологическія извѣстія о событіяхъ въ гре-

ческой и болгарской земляхъ времени княженія Игоря (913, 914, 915, 920, 929, 934, 942 и 943); о смерти Игоря и вокняженіи Святослава (946); краткія хронологическія извѣстія о походахъ княгини Ольги и князя Святослава (947, 955, 964, 965, 966 и 967); о раздѣленіи Святославомъ русской земли на удѣлы между его сыновьями (970); о войнѣ Святослава съ греками и договорѣ его съ царемъ Іоанномъ Цимисхиємъ (971); о смерти Святослава (972).

№ 10, къ стр. 13.

Пока Русь эпохи Рюриковичей составляла одно политическое тѣло, до тѣхъ поръ существовали только лѣтописи кievскихъ князей, составившіе главную часть содержанія Несторово-Сильвестрова свода. Съ раздѣленіемъ Руси на удѣлы при потомкахъ Владимира Святославича, появляются удѣльныя лѣтописи. При Владимирѣ Святославичѣ началось политическое обособленіе Новгорода, утвержденное за нимъ грамотами Ярослава Владимировича; въ Несторово-Сильвестровомъ сводѣ и въ „Первой новгородской лѣтописи“ сохранились ясныя и многочисленные слѣды лѣтописи, веденной въ Новгородѣ со времени Ярослава Владимировича*). Распоряженіемъ Владимира Святославича выдѣлилось въ особый удѣлъ полоцкое княжество; въ Несторово-Сильвестровомъ сводѣ сохранилось много извѣстій, записанныхъ въ Полоцкѣ и очевидно взятыхъ кievскими лѣтописными сводчиками изъ несохранившихся лѣтописей рода полоцкихъ князей**). Съ дальнѣйшимъ раздробленіемъ Руси на родовыя княжества между потомками Ярослава Владимировича, размножаются лѣтописи удѣльныхъ князей, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образуются удѣльныя лѣтописные своды.

Каждый княжескій родъ желалъ имѣть исторію своего княжества, связанную съ исторіей всероссійской, съ исторіей своихъ предковъ. Отсюда, сохранившіеся лѣтописные своды удѣльныхъ княжествъ древней Руси представляютъ собою кievскій всероссійскій Несторово-Сильвестровъ сводъ, дополненный мѣстными лѣтописями удѣльныхъ князей и мѣстными историческими сказаніями, прибавленными сводчиками къ княжескимъ лѣтописямъ. Изъ такихъ лѣтописныхъ удѣльныхъ

---

*) Различіе текстовъ Несторова лѣтописнаго свода и перваго новгородскаго см. у Бестужева-Рюмина, О составѣ рус. лѣт., стр. 51 и слѣд.

***) См. П. С. Р. Л., I, стр. 55, 63, 67, 70, 72, 92 и др.

сводовъ сохранились: Кіевскій сводъ, начинающійся Несторово-Сильвестровымъ сводомъ, а далѣе обнимающій обзоръ политическихъ событій кіевскаго княжества до 1200 года, то-есть до времени, когда Кіевъ окончательно теряетъ политическую самостоятельность, переходитъ въ разрядъ второстепенныхъ княжествъ, зависящихъ отъ великихъ князей суздальской земли*); Волинскій сводъ, заключающій въ себѣ предыдущій Кіевскій сводъ, продолженный изложеніемъ событій галицко-волинской земли до 1292 года**); Суздальскій сводъ, начинающійся съ XII вѣка, доведенный въ древнѣйшемъ (Лаврентьевскомъ) спискѣ до 1305 года, а въ позднѣйшихъ спискахъ соединяющійся съ лѣтописными сводами московскаго государства***); Тверской сводъ, возникшій въ XIV вѣкѣ и доведенный до 1402 года****). Лѣтописи князей полоцкихъ, черниговскихъ, ростовскихъ, переяславскихъ и смоленскихъ не сохранились до нашего времени; но многія извѣстія изъ нихъ вошли въ составъ содержанія сохранившихся лѣтописныхъ сводовъ другихъ княжескихъ родовъ. Фрагменты полоцкихъ и особенно смоленскихъ лѣтописей вошли также въ составъ содержанія западно-русскихъ или литовскихъ лѣтописей XIV и XV столѣтій, заключающихъ въ себѣ исторію западной Руси со времени образованія литовскаго государства. Наконецъ, сохранились отрывки лѣтописей Нижняго-Новгорода, Устюга Великаго и др.

Особый отдѣлъ русскихъ лѣтописей составляютъ лѣтописи и лѣтописные своды народоправствъ новгородскаго, псковскаго и вятскаго†), въ которыхъ заключается много свѣдѣній, взятыхъ изъ мѣстныхъ источниковъ и не вошедшихъ въ древнѣйшіе южно-русскіе лѣтописные своды.

Со времени объединенія удѣльныхъ государствъ подъ властью князей московскаго дома, государственная всероссійская лѣтопись была введена при московскомъ царскомъ дворѣ. Къ тому же времени отно-

---

*) См. „Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кёнигсбергскому списку“, „Библиот. Рос. Ист.“, ч. I, акад. изд. 1767 года.

**) Лѣт. по Ипат. сп. 1871 г.

***) П. С. Р. Л., I, стр. 209.

****) Тамъ же, т. XV.

†) Тамъ же, тт. III и IV. Рукопись исторіи вятской земли, хранящаяся въ Импер. Петерб. Публ. библиотекѣ, интересная по своему содержанію, до сихъ поръ остается неизданною, а потому и научно не обработанною.

сится появленіе энциклопедіи русскихъ лѣтописей, составленной изъ русскихъ лѣтописей и лѣтописныхъ сводовъ всѣхъ временъ и мѣстностей. Первый такой всероссійскій сборникъ или сводъ былъ составленъ въ XV столѣтіи, а потомъ постепенно продолженъ до XVIII столѣтія, до времени изданія Татищевымъ „Исторіи російской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ“ *).

Составители удѣльныхъ лѣтописныхъ сводовъ, начиная свои труды Несторово-Сильвестровымъ сводомъ, не всегда довольствовались только его перепискою. Получивъ порученіе составить исторію даннаго княжества, составитель получалъ и всѣ историческіе матеріалы, находившіеся въ распоряженіи княжескаго двора, дававшего порученіе. Если въ числѣ такихъ матеріаловъ встрѣчались древніе источники, не вошедшіе въ составъ содержанія Несторово-Сильвестрова свода, то сводчикъ лѣтописей удѣльнаго государства заносилъ ихъ въ начальный русскій лѣтописный сводъ, помѣщая подъ годами по своему усмотрѣнію. Такъ, на примѣръ, монахъ Лаврентій, составившій по порученію великаго князя Дмитрія Константиновича сводъ суздальскихъ лѣтописей въ 1377 году**), занесъ въ начальную русскую лѣтопись поученіе или завѣщаніе Владимира Мономаха***). Другіе сводчики дополнили Несторово-Сильвестровскій сводъ свѣдѣніями, взятыми изъ древнѣйшихъ

---

*) Лѣтописные своды московскаго государства составляютъ „лѣтописи“ Соейская, Воскресенская, Никоновская, Степенная Книга и Русскій Временникъ. (П. С. Р. Л., тт. V—X).

**) Въ сводѣ суздальскихъ лѣтописей говорится слѣдующее: „радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ; такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентій мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый лѣтописецъ, мѣсяца генваря въ 14, на память святыхъ отецъ нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избѣенныхъ, князю великому Дмитрію Костянтиновичу, а по благословенью священнаго епископа Діонисія, и кончалъ есмъ мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри святаго Савы избѣенныхъ отъ срацинь, въ лѣто 6885 (1377), при благовѣрнѣмъ и христіюлюбивѣмъ князи великомъ Дмитріи Костянтиновичи, и при епископѣ нашемъ христіюлюбивѣмъ священномъ Діонисѣмъ суздальскомъ и новгородскомъ и городскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ“ (П. С. Р. Л., I, 209).

***) См. тамъ же, подъ годомъ 1906, стр. 100—107.

новгородскихъ лѣтописей, а также изъ византійскихъ источниковъ. Такъ возникли разныя редакціи начального русскаго лѣтописнаго свода, между которыми особенно различаются двѣ редакціи: краткая или южная и пространная или сѣверная. Разница между ними состоитъ въ томъ, что сводъ пространной редакціи заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, не внесенныхъ въ сводъ краткой редакціи, взятыхъ позднѣйшими сводчиками изъ древнѣйшихъ лѣтописей сѣвернаго происхожденія и изъ византійскихъ источниковъ, оставшихся не извѣстными Нестору и Сильвестру. Образцами начального русскаго лѣтописнаго свода краткой и пространной редакцій могутъ служить списки Кѣнигсбергскій и Никоновскій.

№ 11, къ стр. 14.

Литературныя воззрѣнія по означенному въ текстѣ вопросу сводятся къ тремъ направленіямъ, представителями которыхъ могутъ служить ученія Татищева, Шлёцера и Шафарика.

По ученію Татищева, имя славянъ появляется только въ европейской исторіи VI вѣка, въ сочиненіяхъ Прокопія и Иорнанда, но народъ этого имени такъ же старъ, какъ и другіе народы. Европейскіе историки до Прокопія называли всѣ области и всѣ народы нашего отечества Скиѳіей и скиѳами. Но скиѳы классическихъ писателей, по ученію Татищева, не были народомъ одного этнографическаго типа, одного происхожденія и языка. Общимъ именемъ „скиѳы“ классическіе историки называли народы трехъ этнографическихъ типовъ: собственно скиѳами — народы монголо-татарскаго происхожденія, сарматами — народы германо-финскаго происхожденія, и народы славянскаго происхожденія, называемые классическими историками алазонами, мещенами, галатами и венетами, а средневѣковыми писателями — венетами, антами и славянами. („Ист. Рос.“, предъизвѣщ., XXI, XXII). Отсюда, по ученію Татищева, первый періодъ славянорусской исторіи долженъ заключать въ себѣ обзоръ сказаній древнихъ писателей о скиѳахъ, сарматахъ и славянахъ со времени Геродота до времени призванія новгородцами династіи Рюрика. „Званіе славяне, говоритъ Татищевъ, хотя по сказаніямъ Прокопія и Иорнанда давно знаемо быть стало, однакожь у разныхъ разнo выговаривано... Хотя подлинно о старости званія сего, сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ, безъ сомнѣнія, такъ же старъ, какъ всѣ прочіе“. (Тамъ же, кн. I, гл. XXX II, стр. 424, 428, изд. 1768 г.). „Скиѳы, сарматы и славяне

весьма во всемъ разные и единъ съ другимъ въ происхожденіи и языкѣ единства не имѣли... Древніе писатели всѣ странные народы за едино скиѣами именовали и болѣе въ тѣ три разные, яко славяне, сарматы и сущіе скиѣы или татары и турки заключались..." (Тамъ же, стр. 72, 249. Ср. тамъ же главы о скиѣахъ, сарматахъ и славянахъ).

По ученію Шлёцера, собранное русскими историками прошедшаго столѣтія о скиѣахъ, сарматахъ и славянахъ не пригодно для славяно-русской исторіи. Сказанія классическихъ и средневѣковыхъ писателей о скиѣахъ и сарматахъ не относятся къ исторіи славянъ и славяно-руссовъ; сказанія южныхъ и западныхъ историковъ о славянахъ принадлежатъ исторіи южныхъ и западныхъ славянскихъ племенъ, а не сѣверныхъ, остававшихся совершенно неизвѣстными иноземнымъ народамъ до времени Игорева похода на грековъ. Сказанія древнихъ писателей о руссахъ принадлежатъ исторіи народовъ германскаго происхожденія. Славяно-русская исторія начинается событіемъ призванія Рюрика новгородцами, и единственнымъ источникомъ ея знанія до 1054 года должно служить сочиненіе Нестора. „Все, говоритъ Шлёцеръ, до сихъ поръ въ Россіи напечатанное, ощутительно дурно, недостаточно и невѣрно. Татищевъ, Ломоносовъ, Еминъ и Щербатовъ не могли издать ничего полезнаго... Все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о славянахъ, съ прибавленіемъ скиѣовъ, сарматовъ и многихъ другихъ, совсѣмъ не принадлежащихъ къ нимъ народовъ, и поставили въ предисловіяхъ къ своимъ Русскимъ исторіямъ, совершенно бесполезно для настоящаго историка... Новѣйшія сочиненія по Русской исторіи только переписываютъ неученыхъ своихъ предшественниковъ, бредятъ о скиѣахъ и сарматахъ, киммеріанахъ и массагетахъ, совсѣмъ не принадлежащихъ къ Русской исторіи“ (См. Шлёц., „Несторъ“, стр. 119, 325, 381, 413). „Извѣстно, что славяне есть новый народъ, то-есть подъ симъ названіемъ выходитъ онъ изъ скиѣскаго и сарматскаго хаоса не прежде, какъ во второй половинѣ VI столѣтія. Отчего же не ранѣе? Это изъясняется тогдашнимъ ихъ мѣстопребываніемъ и совершеннымъ недостаткомъ всякаго сообщенія южныхъ европейцевъ съ обширнымъ сѣвернымъ міромъ“ (Тамъ же, стр. 123). „Византійцы узнали Русь только во время Игоря“ (Тамъ же, стр. 425). „Греки и руссы, Царьградъ и Кіевъ узнали друга друга только въ 941 году, спустя по меньшей мѣрѣ 80 лѣтъ послѣ Рюрика, по случаю неудачнаго морского похода великаго князя Игоря“ (Тамъ же, ч. III, стр. 253, изд. 1819 г.). „Древнѣйшая Русская исто-

рія оканчується 1054 годомъ, смертю Ярослава, а починається около 860 года призваніємъ Рюрика, когда три совершенно различные народы, славяне, финны и норманны, соединились и составили одинъ народъ. Передъ сею эпохою все покрыто мракомъ какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда сюда зашли; но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, не имѣвшіе никакого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ европейцемъ“ (Тамъ же, стр. 421—423). „Несторъ есть первый древнѣйшій и единственный отечественный источникъ Русской исторіи до 1054 года. Несторъ есть первый, древнѣйшій, единственный, по крайней мѣрѣ главный источникъ для всей славянской, лешской и скандинавской исторіи сего періода. Писанное Дитмаромъ и франкскими лѣтописцами, даже современникомъ Несторовымъ Адамомъ, есть не что иное, какъ отрывки и не значить ничего. А византійцы узнали Русь только со времени Игоря. Польскія хроники всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла; истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выкрадена изъ Нестора, а бессмыслица принадлежитъ имъ собственно. Такимъ же образомъ надобно отказаться и отъ исландскихъ сказокъ“ (Тамъ же, стр. 425, 426).

Успѣхъ ученія Шлѣцера въ исторической литературѣ нашего столѣтія выражается въ слѣдующихъ словахъ лекціи профессора Погодина, читанной въ 1846 году: „Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и ненужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположителемъ исторической критики прошедшаго столѣтія — Шлѣцеромъ“ (Издѣд., замѣч. и лекціи, т. II, стр. 321).

Историки и историки-юристы почитали ненужнымъ изученіе сказаній иноземныхъ писателей о скинахъ, славянахъ и россахъ до времени появленія въ печати изслѣдованій Шафарика о славянскихъ древностяхъ, снова обратившихъ вниманіе науки на средства познанія условій жизни нашихъ предковъ, сохранившіяся въ сочиненіяхъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей и остававшіяся въ полномъ пренебреженіи со времени Шлѣцера.

По ученію Шафарика, въ сочиненіяхъ греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ писателей, говорящихъ о сарматахъ, венетахъ, антахъ и склавинахъ, встрѣчается много свѣдѣній, принадлежащихъ славянской исторіи, поясняющихъ и дополняющихъ свѣдѣнія Нестора. Но въ вопросѣ о происхожденіи славянъ и славяноруссовъ Шафарикъ является послѣдователемъ Шлёцеровской доктрины. Отрицая родство скивовъ съ индо-европейскими народами, признавая въ скивахъ Геродота народъ монголо-татарскаго происхожденія, Шафарикъ, согласно съ ученіемъ Шлёцера, искалъ славянскую прародину за предѣлами древней Скиеи, въ областяхъ Геродотовыхъ вудиновъ и невровъ, въ сѣверной половинѣ Европы, а не въ южной. Но, опираясь на историческія свѣдѣнія о вудинахъ и неврахъ, невозможно понять древнѣйшую исторію нашихъ предковъ, потому что въ исторіи сохранились только названія: вудины и невры и неопредѣленные указанія на мѣсто ихъ жительства. Съ одинаковымъ правомъ можно предположить предками славянъ меленхленовъ, антропофаговъ, фиссагетовъ и всякій другой народъ времени Геродота, исторія и этнографія котораго не извѣстны. Отсюда, разсужденія Шафарика о стародавности славянъ въ Европѣ и важномъ значеніи нашихъ предковъ въ европейской исторіи со времени Геродота до времени образованія государства Рюриковичей отличаются слабостью аргументаціи, построены на множествѣ неосновательныхъ предположеній. Таковы предположенія Шафарика о передвиженіяхъ славянъ изъ сѣверныхъ областей Европы въ области придунайскія и обратномъ переселеніи славянъ на сѣверъ, вслѣдствіе натиска кельтовъ (въ IV в. до Р. X.); о единствѣ происхожденія скивовъ, монголовъ и татаръ; объ истребленіи европейскихъ скивовъ сарматами; о сербахъ, какъ общемъ и древнѣйшемъ домашнемъ имени славянъ, и т. д. Невѣрность воззрѣнія Шафарика на прародину и предковъ славянъ, завлекшаго автора въ область безконечныхъ предположеній, была причиною безсилія его ученія въ борьбѣ съ ученіемъ Шлёцероваго направленія, признавашаго дорюриковскій періодъ славянорусской исторіи временемъ баснословнымъ, донациональнымъ и доисторическимъ. Идеи Шлёцера и въ наше время господствуютъ въ литературѣ по древнѣйшему періоду Русской исторіи и исторіи русскаго права. (См. В. И. Сергѣевича, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1883 года, стр. 53—55: „для исторіи русскаго права историческое время не восходитъ далѣе X, много IX вѣка... Историческому времени предшествуетъ доисторическое время. Относительно этого доисторическаго

времени въ наукѣ есть только догадки“; М. Ф. Владимирскаго-Буданова, Обзоръ исторіи русскаго права, вып. I, изд. 1886 года, стр. IV: „быть донаціональный (доисторическій) не долженъ входить въ исторію національнаго права; таковы: быть скиеовъ, сарматовъ и др. народовъ, населявшихъ восточную Европу до образованія русской націи или по крайней мѣрѣ непосредственныхъ ея элементовъ (славянскихъ племень)... Исторія русскаго права дѣлится естественно на три періода: 1) періодъ земскій (или т. н. княжескій) IX—XIII в.“...)

Предлагая русскимъ историкамъ признать дорюриковскую эпоху временемъ доисторическимъ и бросить научную разработку сказаній древнихъ писателей о скиеахъ и сарматахъ, какъ не принадлежащихъ къ славянорусской исторіи, Шлѣцеръ обѣщаль Русской исторіи ясность и вѣрность. Предложеніе Шлѣцера было принято. Въ теченіе почти столѣтія источники познанія славянорусской исторіи были ограничены въ литературѣ содержаніемъ Несторова лѣтописнаго свода. Согласно съ обѣщаніемъ Шлѣцера, мы должны уже владѣть ясною и вѣрною Русскою исторіей. Такъ ли на самомъ дѣлѣ? Со времени Шлѣцера по Русской исторіи напечатано множество сочиненій, а между тѣмъ, по признанію ученыхъ историковъ и историковъ-юристовъ нашего времени, научная разработка даже основныхъ вопросовъ Русской исторіи и исторіи русскаго права представляетъ собою самую жалкую картину. (См. пред. къ первому выпуску нашихъ Изслѣд. по исторіи русскаго права, изд. 1896 г.).

Слѣдовательно, направленіе, господствующее въ современной историко-юридической литературѣ, данное Шлѣцеромъ, не оправдывается результатами, не даетъ знанія научнаго, положительнаго. Необходимъ новый пересмотръ стараго вопроса объ именахъ нашихъ предковъ и количествѣ сохранившихся до нашего времени сказаній иноземцевъ о славянахъ и славяноруссахъ. Попытку такого пересмотра мы предлагаемъ въ текстѣ.

№ 12, къ стр. 12.

„И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языки и раздѣли на 70 и 2 языка, и разсѣя по всей земли... Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ отъ племени Афетова. Нарци еже суть словѣне. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ

есть нынѣ угорская земля и болгарска. Отъ тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣкѣ имянемъ Морава и прозвашася моравы, а друзи чеси нарекошася... Словѣни же ови, пришедши, сѣдоша на Вислѣ и прозвашася ляхове, а отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне... Также и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру нарекошася поляне, а друзи древяне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзи сѣдоша между Припетью и Двиною и нарекошася древичи; ини сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша ѿ Новъгородъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Сулѣ и нарекошася сѣверь... Радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата въ лясѣхъ Радимъ, другой Вятко; и пришедша сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ на Оцѣ, отъ него же прозвашася вятичи... Се бо токмо словѣнскъ языкъ въ Руси: поляне, древяне, ноугородцы, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне. А се суть ини языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, вѣсь... си суть свой языкъ имущи“ (П. С. Р. Л., т. I, стр. 3—5). Разказъ Нестора о населеніи славянскихъ народовъ заключается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „такъ разидеся словѣнскій языкъ; тѣмъ же и грамота прозвася словѣнская“. Сказанія о крещеніи придунайскихъ славянъ, о первоучителяхъ славянскихъ Меѳодіи и Константинѣ, которые „начаста составивати писъмена азѣбуковная словѣнски“, о преложеніи священныхъ книгъ на „словѣнскую грамоту“, о апостолѣ Павлѣ, доходившемъ Иллюрика, гдѣ „бѣше словѣни первѣ“, оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: „тѣмъ же словѣнску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есме русь: тѣмъ же и намъ руси учитель есть Павелъ апостоль, понеже училъ есть языкъ словѣнскъ, и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника словѣнску языку. А словѣнскъ языкъ и русскій одинъ, отъ варягъ бо прозвашася русью, а первѣ бѣша словѣне; аще и поляне звахуся, но словѣнская рѣчь бѣ; поляни же прозвашася занеже въ полѣ сѣдяху; языкъ словѣнскій бѣ имъ одинъ“ (Тамъ же, стр. 3, 12). Дѣйствительно, въ сохранившемся до насъ паннонскомъ житіи св. Меѳодія и другихъ древнихъ памятникахъ письменности юго-западныхъ славянъ IX—XI ст., номенклатура вполне соотвѣтствуетъ Несторовой: „прежде убо словѣне не имѣха

книгъ... крестившеса римскими и гречьскими письмены нуждахуся, словѣньска бо рѣчь бѣ безъ устроенія. Человѣколюбецъ Богъ... помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла... И сотвори имъ ѿ письменъ и ѿ, ово убо по чину гречьскихъ письменъ, ово же по словѣньстѣй рѣчи... Отъ ученикъ своихъ посажъ два попа скорописца зѣло, прѣложи вброзѣ вся книги исполнь, развѣ Макавѣи, отъ гречьска языка въ словѣньскъ“ („Древнїе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ IX—XII вв.“ И. Срезневскаго, 1865 г., стр. 1, 3, 9).

№ 13, къ стр. 18.

„Въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на греки, и придоша въ 14-е лѣто Михаила царя. Царю же отшедшю на Огоряры, дошедшю же ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко русь на Царьгородъ идетъ...“ (П. С. Р. Л. I, стр. 9). По ученію Шлѣцера, руссы, осаждавшїе Константинополь, въ 866 году, были не кїевскїе руссы Аскольда и Дири, а какїе-то руссы-германцы, будто бы обитавшіе въ IX вѣкѣ въ областяхъ черноморскихъ. „Россы, говоритъ онъ, осаждавшїе въ 866 году Константинополь, не могутъ быть Оскольдовыми руссами: первые составляли великій, сильный, завоевательный и давно уже извѣстный народъ, приводившїй въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря; Аскольдъ же и Диръ были бѣдные странствующїе рыцари. Сїи россы, навѣрное, не были настоящїе руссы, почему впередъ никогда не надобно упоминать о нихъ въ Русской исторїи...“ (Шлѣц. „Несторъ“, стр. 92—110, 112). Куда же дѣвался этотъ великій, сильный и давно извѣстный черноморскїй народъ — россы, и гдѣ его историческія дѣянїя? Исчезновение такого великаго народа изъ южной Россїи не могло оставаться незамѣченнымъ въ европейской исторїи, такъ какъ вторая половина IX вѣка, во всякомъ случаѣ, эпоха историческая не только для Греціи, но и для болгаръ, нѣмцевъ, руссовъ и арабовъ. Припонтїйскїе россы германскаго происхожденїя — вымыселъ Шлѣцера, не имѣющїй никакого оправданїя въ исторїи. Россы-руссы, приплывшіе съ сѣвера по Черному морю въ Константинополь при Михаилѣ III и позже при Василии Македонянинѣ, согласно съ показанїями русскихъ и византїйскихъ лѣтописей, могли быть только славяноруссами, подвластными Аскольду и Диру.

№ 14, къ стр. 19.

Неполная выборка сказаній византийцевъ о россахъ и руссахъ помѣщается въ сборникѣ Стриттера, *Memoriae populorum*, т. II, р. 957—1044. Перечень писателей и сочиненій византийцевъ, говорящихъ о бытѣ и нравахъ руссовъ языческой эпохи, см. въ соч. Макушева, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, 1861 г., стр. 1—30. Изъ сказаній византийцевъ о руссахъ для исторіи русскаго права языческой эпохи особенно важны: свидѣтельства Георгія Амартола, патріарха Фотія и епископа Никиты объ осадѣ Константинополя руссами при Михаилѣ III; свидѣтельства патріарха Фотія и Константина Багрянороднаго о примиреніи руссовъ съ греками и крещеніи руссовъ при Васильѣ Македонянинѣ; свидѣтельства Константина Багрянороднаго о приѣмѣ въ Константинополѣ русской княгини Ольги, содержащія въ себѣ чрезвычайно важныя указанія на политическое устройство русской земли въ первой половинѣ IX вѣка; подробное описаніе войны русскаго князя Святослава Игоревича съ болгарами и греками Льва Калойскаго, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о договорахъ съ греками предковъ Святослава и много важныхъ указаній, характеризующихъ политико-юридическій бытъ руссовъ, составлявшихъ державу Святослава Игоревича.

Выборку, русскій переводъ и объясненіе свѣдѣній о руссахъ, сохранившихся у восточныхъ писателей IX—X столѣтій, см. у Гаркави, Сказанія мусульм. писат. о славянахъ и руссахъ, изд. 1870; его же, Дополн. къ сказан. мус. писат., изд. 1871 г.; Хвольсона, Извѣстія о славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даста, изд. 1869 г.; „Записки Имп. Акад. Наукъ“, т. XXXII, прилож.: „Извѣстія Ал-Бекри и др. авторовъ о Руси и славянахъ“, изд. 1872 г.

У писателей западныхъ имя Русь не встрѣчается до X столѣтія. Нѣмецкіе писатели западнаго происхожденія обыкновенно называли Русь языческой эпохи Скиеіей, а сѣвернаго — Гардариккіей. Только въ „Сагъ Олава, сына Тригвиева“, короля норвежскаго, мы встрѣтили слѣдующее указаніе: „превосходная и достойная вѣры книга, называемая „*Imago mundi*“, говоритъ ясно, что тѣ народы, которые называются руссы (*Rusci*), поляки (*Polavi*), венгерцы (*Ungaria*) обращены въ христіанскую вѣру во время императора Отгона III“ (См. „Русскій ист. сборникъ Общ. ист. и древн. рос.“ 1840 г., т. IV, кн. I, стр. 103).

№ 15, къ стр. 20.

Выборку извѣстій восточныхъ писателей о славянахъ-сакалибахъ см. въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ Гаркави и Хвольсона и въ академическомъ изданіи сказаній о Руси и славянахъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ. Перечень сочиненій восточныхъ, южныхъ и западныхъ писателей, оставившихъ извѣстія о сакалибахъ, склавинахъ, антахъ и венетахъ, см. въ сочиненіи Макушева, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, стр. 2—46, изд. 1861 г. Выборку извѣстій византійскихъ историковъ о склавинахъ-славянахъ см. въ сборникѣ Стриттера, *Memoriae populorum etc.*, т. II, стр. 17—110. Къ византійскимъ историкамъ, оставившимъ свѣдѣнія объ условіяхъ быта славянъ и антовъ, принадлежатъ: Прокопій († 562), Агаѳій († 569), Менандръ (конца VI в.), Маврикій († 602), Теофилактъ Симоката († около 640), Теофанъ († около 818), Иосифъ Генезій († 959), Константинъ Багрянородный († 959) и Левъ Грамматикъ († позже 963 г.). Къ историкамъ западно-европейскимъ, оставившимъ свѣдѣнія о бытѣ склавинъ и антовъ, принадлежатъ: Иорданъ или Иорнандъ († позже 552 года), Фредегаръ Схластикъ (конца VII в.), Павелъ Варнефридъ († 799), Эйнгардъ (844), географъ равенскій (ок. 866), баварскій географъ (866—890), Иоаннъ экзархъ болгарскій (890—927), Видукиндъ († позже 973), Титмаръ Межиборскій († 1018), Адамъ Бременскій (1076), Гельмольдъ († 1146), мнихъ Храбръ (X в.), Косьма Пражскій († 1125), Мартинъ Галль (XII вѣка), Викентій Кадлубѣкъ († 1223), Далемиль (между 1282 и 1314) и Янъ Длугошъ († 1480), составившій сводъ извѣстій о славянахъ изъ древнихъ лѣтописей русскихъ, польскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ.

№ 16, къ стр. 25.

Jordanis, De gaetharum seu Gothorum origine rebusque gestis, гл. III и V. Со времени Зигфрида Байера нѣмецкая историческая литература признаетъ гетовъ-готовъ-скинеовъ народомъ нѣмецкаго происхожденія и на сказаніяхъ Иорнанда построила средневѣковую исторію Европы, заселивъ народами германскаго происхожденія всю Скиею и всю Германію древнихъ историковъ (См. Д. Самоквасова, *Ист. русск. права*, в. II, стр. 91 и слѣд.). Основаніями отождествленія Иорнандовыхъ гетовъ-

скиевъ съ народами германскаго происхожденія послужили Байеру нѣкоторыя имена гето-скиескихъ племенъ и царей и сказаніе Йорнанда, по которому геты-скиевы якобы вышли первоначально изъ Скандинавіи. Но происхожденіе нѣмецкихъ названій нѣкоторыхъ гето-скиескихъ племенъ и царей самъ Йорнандъ объясняетъ древнимъ обыкновеніемъ, по которому „одни народы часто назывались именами другихъ народовъ, употребляя многія имена; напримѣръ, римляне назывались именемъ македонянъ, греки — римлянъ, сарматы — германцевъ...“ (Тамъ же, гл. IX). Что же касается сказанія Йорнанда, по которому геты-скиевы якобы вышли первоначально изъ острова „Scandz'ы“, подъ предводительствомъ царя Бериха, бывшаго родоначальникомъ всѣхъ царей и всѣхъ народовъ древней Скиеи (см. тамъ же, гл. IV, XIV, XXIV), то это сказаніе не имѣетъ ни малѣйшей доли исторической вѣроятности, такъ какъ Йорнандъ относитъ выселеніе гетовъ изъ Скандинавіи ко времени, предшествовавшему войнѣ Геркулеса и Тезея съ Меналиппою и Ипполитою (гл. VIII), войнѣ готскаго царя Танавзиса съ египетскимъ царемъ Везорисомъ (гл. VI) и войнѣ готской царицы Томирисы съ персидскимъ царемъ Киромъ (гл. X). Сочиненіе Йорнанда не исторія, а сборникъ гето-скиескихъ преданій, въ которыхъ историческая основа такъ перепутана съ вымыслами народной фантазіи, что разграничить ихъ такъ же трудно, какъ въ древне-русскихъ былинахъ и древнихъ скандинавскихъ преданіяхъ, признаваемыхъ сагами или сказками. Сюда принадлежатъ сказанія Йорнанда объ островѣ Scandza, какъ прародинѣ гето-скиескихъ царей и народовъ, объ участіи гетскихъ народовъ въ троянской войнѣ, о войнахъ гетскихъ царей съ персидскими и египетскими царями, о великихъ переселеніяхъ гето-скиескихъ народовъ, о великихъ завоеваніяхъ гето-скиескихъ царей (Гаптарика Великаго, Филимера, Остгота, Вандала, Германрика, Алариха, Валамбера, Аттилы и др.), сказаній, въ которыхъ великіе люди и великіе народы смѣняють другъ друга подобно маріонеткамъ. Йорнанду кажется совершенно правдоподобнымъ рассказъ, по которому Филимеръ, царь гетовъ, сынъ Гаптарика Великаго, изгналъ изъ среды своего народа волшебницъ, соединившихся съ нечистыми духами и породившихъ народъ гунновъ — обитателей меотійскихъ болотъ, изъ которыхъ гунны вышли подъ предводительствомъ Баламбера и покорили всю Скиею и Германію, до того времени состоявшія якобы подъ властью Германрика (гл. XXIV). Если можно чему вѣрить въ сказаніяхъ Йорнанда, то только свѣдѣніямъ о Скиеи, какъ землѣ венетовъ-гетовъ-склавинъ

и антовъ, потому что объ этомъ Иорнандъ говоритъ какъ современникъ и притомъ согласно съ свидѣтельствами Прокопія, Амміана, Марцелина, Приска, Діона и другихъ греческихъ и римскихъ писателей, ближайшихъ по времени къ Иорнанду.

№ 17, къ стр. 25.

По свидѣтельству Иорнанда, обитатели Скиѳіи и Гетики, славяне и анты, назывались также венетами*). По свидѣтельству Тацита, въ I вѣкѣ венеты жили на востокъ отъ Германіи, на пространствѣ между певкинами, обитавшими при устьѣ Дуная, и финнами, жителями сѣверныхъ областей Европы**), то-есть венеты Тацита занимали Скиѳію, въ которой исторія VI-го вѣка именуетъ многолюдные народы славянъ и антовъ. Въ другомъ мѣстѣ, опредѣляя восточную границу Германіи, Тацитъ именуетъ даковъ и сарматовъ, не упоминая ни венетовъ, ни скиѳовъ***), откуда ясно видно, что Тацитъ подъ венетами, даками и сарматами разумѣлъ гето-скиѳскія племена греческихъ писателей, — предковъ народовъ славянскаго происхожденія.

По свидѣтельствамъ Плинія Старшаго, области Тацитовыхъ венетовъ, даковъ, певкиновъ и сарматовъ были заняты народами скиѳскими. Страну, лежавшую по берегу Понта и простиравшуюся на сѣверъ до истоковъ рѣки Гипана (Буга), являющуюся съ VI вѣка областью венетовъ-антовъ, занимало въ эпоху Плинія „скиѳское племя авхаты“, а западными сосѣдями авхатовъ, занимавшими область позднѣйшихъ венетовъ-славянъ, были „скиѳы-геты, прозванные у римлянъ даками“****).

Другой современникъ Тацита, географъ Страбонъ, также не упоминаетъ имени венетовъ между обитателями надпонтійскихъ и наддунайскихъ областей. Въ областяхъ Тацитовыхъ венетовъ и даковъ, а Плиніевыхъ авхатовъ и гетовъ, Страбонъ помѣщаетъ даковъ, ге-

---

*) „De Getharum origine“, cap. XXIII: „Ermanricus in Venetos arma commovit... Hi (Veneti), ut initio expositionis vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina edidere, id est, Veneti, Antes, Sclavi“.

**) „Veneti multum ex moribus traxerunt. Nam quidquid inter Peucinos Fenosque silvarum as montium erigitur latrociniiis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur“ (Tacit, Germania, cap. 46).

***) Тамъ же, гл. I.

****) „Historia naturalis“, t. VI, cap. XI, XXV.

товъ и тиригетовъ, называя ихъ народами скиѣскаго происхожденія. Издавна, по свидѣтельствамъ Страбона, земля гетовъ дѣлится на двѣ части: „въ западной половинѣ, лежащей ближе къ Германіи, обитаютъ даки, а восточная половина простирающаяся къ Понту и далѣе на востокъ, до земли тиригетовъ, занята гетами собственно“*). „Собственно геты и даки, утверждаетъ далѣе Страбонъ, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ“**) и имѣютъ одно происхожденіе съ народами, которыхъ зналъ Гомеръ подъ именами мисовъ, галактофаговъ, гиппемолговъ и абіевъ, а Гезіодъ, Эсхиль, Геродотъ, Эфоръ, Эратосѣенъ, Аполлодоръ и Понсейдоній подъ именемъ скиѣовъ***).

Въ географіи Страбона мы находимъ объясненіе происхожденія восточнаго именованія славянъ саками, сакалибами, саклабами. Въ цитатѣ Страбона, взятой изъ не сохранившейся исторіи Европы Эфора, упоминается о Херилѣ, который, при вступленіи персидскаго царя Дарія въ область надпонтійскихъ скиѣовъ-сколотовъ, сказалъ слѣдующія слова: „Пастухи овецъ — саки, по происхожденію скиѣи, обитатели на богатой пшеницею Азидѣ; они потомки непорочныхъ людей — номадовъ“****). Въ сочиненіи В. В. Григорьева собраны богатые свѣдѣнія „о скиѣахъ сакахъ“. Изученіе историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній объ этомъ народѣ привело ученаго ориенталиста къ заключенію, по которому древніе скиѣи-саки были народъ арійскаго происхожденія, родственныи народамъ славянскаго происхожденія†).

Слѣдовательно, родство славяноруссовъ со скиѣами представляетъ собою истинный историческій фактъ: на всемъ пространствѣ времени отъ Нестора до Геродота мы нашли историческія указанія на единство происхожденія скиѣовъ и славянъ. Отсюда понятна возможность и научная необходимость этнографическаго сближенія скиѣовъ-славянъ и славяноруссовъ. Ученый Рёслеръ, сравнивая этнографическія особенности гетовъ, скиѣовъ и сарматовъ, пришелъ къ выводу, по которому геты „zeigen mit Scythen und Sarmaten denselben Rassentypus“††);

*) „Географія“, кн. VII, гл. III, § 2, 6—9; гл. IV, § 2, 3, 5 и 7.

**) Тамъ же, § 13.

***) Тамъ же, § 1—4, 8, 10.

****) „Географія“ Страбона, кн. VII, гл. III, § 9.

†) См. В. В. Григорьева, О скиѣск. нар. сакахъ, стр. 3 и слѣд., 91 и слѣд., изд. 1871 г.

††) „Romän. Stud.“ Wien 1871, S. 52—62.

а ученый Брунъ, на основаніи историко-этнографическихъ данныхъ, пришелъ къ заключенію о единствѣ происхожденія гетовъ, даковъ и славянъ. (См. Ф. Бруна, Черноморье, О родствѣ гетовъ съ даками, сихъ послѣднихъ со славянами, стр. 141 и слѣд.). Изложенные въ текстѣ факты доказываютъ намъ этнографическое сродство славяно-русовъ со скинами-сколотами времени Геродота.

№ 18, къ стр. 27.

Къ такимъ словамъ принадлежатъ, на примѣръ, названіе народа *Skoloti*, и его вѣтвей — *Katiari*, *Traspies*, *Paralatae*, *Auchatae*; мужскія имена, особенно царей: *Targitaus*, *Lipoxais*, *Kolaxais*, *Agroxais*, *Idanthysus*, *Skorasis*, *Ariantas*, *Ariapithes*, *Skolopitus* и пр.; имена боговъ и богинь: *Tabiti*, по Геродоту *Vesta*, *Paraeus* = *Iupiter*, *Aria* = *Gaea*, *Oitosyros* = *Apollo*, *Artimpasa* = *Aphrodita*, *Thamimasadas* = *Neptunus*; наконецъ, собственныя и нарицательныя имена: *Ехамраеос* — названіе кислаго источника, *Енагеес* — калѣки, *Оеората* — мужеубійца“ и т. д. (См. Шафарика, Слав. древности, изд. 1848 г., т. I, кн. II, стр. 27 и слѣд.). „*Ariapithes*, *Ariantas*, говоритъ Шафарикъ, соответствуютъ мидскимъ — *Ariabarzanes*, *Ariawarta*, *Ariana*, гдѣ — *aria*, *ari* — значить добрый, честный. Окончаніе *ais* въ именахъ скинскихъ царей есть зендское *kšieo* новоперсидское *šah*, царь, греческое *ξης*. Окончаніе *pithes* въ именахъ царей есть зендское *raitis*, санскр. *patis* = пань, литовское *patis*, *pats* = пань, славянское *подь*, *подинь*, въ словѣ *господь*, *господинь*, откуда литовское *wieszpats*, польское *waćpan*. Поэтому и *Artimpasa* = *Aphrodita*, *Venus*, вѣроятно, можно перевести словомъ *Велепани*, *Бѣлопани* (ср. санскр. *arthia* = чистый, великолѣпный). Скинское *Енагеес* есть чисто персидское слово, отъ корня *pag*, *peg* = мужь. Въ словѣ *Ехамраеос*, кажется, скрывается индо-европейское *pani*, *peni* = вода. Въ имени бога *Thamimasadas* и царя *Oktamasades*, послѣднее слово *masades*, есть зендское *mazdâo* = богъ. Въ имени *Oitosyros* = *Apollo*, *Phoebus*, солнце, скрывается *σεῖρος*, *sur*, т.-е. солнце. Въ имени *Idanthysus*, если оно только правильно записано (потому что у другихъ, позднѣйшихъ читаемъ: *Idanthuras* и *Iancirus*), не значить ли окончаніе *-thysus* — витязь, богатырь, великанъ?“ И т. д.

№ 19, къ стр. 32.

Фантазія Шафарика нарисовала слѣдующій образъ скиѳа эпохи Геродота: „Скиѳы всѣ были похожи одинъ на другого ростомъ и лицомъ, точь въ точь какъ нынѣшніе монголы. Они имѣли тѣло толстое и обрюзглое; ляшки, покрытыя тучнымъ мясомъ; брюхо вздутое; волоса рѣдкіе“ („Слав. древности“, т. I, кн. II, стр. 23). Благодаря археологическимъ изысканіямъ послѣднихъ десятилѣтій, на югѣ Россіи открыты скиѳскія могилы III и IV столѣтій до Р. Х., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями скиѳовъ, передающими черты ихъ наружности до мельчайшихъ подробностей. На всѣхъ изображеніяхъ скиѳовъ мы встрѣчаемъ волоса густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо направленные, носъ узкій и прямой. На многихъ изображеніяхъ, какъ, на примѣръ, на монетахъ царей Скилура, Фарзоя и Канитеса, въ изображеніяхъ скиѳовъ на кульобской и никопольской вазахъ, на золотыхъ бляхахъ, изображающихъ скиѳскихъ всадниковъ, на золотомъ ошейникѣ и пр., индо-европейскій типъ древнихъ скиѳовъ выраженъ совершенно отчетливо, ясно и убѣдительно. Главнѣйшіе изъ относящихся сюда памятниковъ древности изданы въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи“, изд. Имп. Арх. Ком., вып. I, 1886 г.; вып. II, 1872 г.; а также въ изданіи В. А. Прохорова, подъ заглавіемъ: „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“, 1881 г. — „Форма лицевыхъ костей въ скиѳскихъ черепахъ“, говоритъ академикъ Бэръ, „не представляетъ ничего монгольскаго. Носъ у скиѳскихъ череповъ высокъ и узокъ, а у монголовъ, какъ извѣстно, онъ плоскій и широкій. У скиѳскихъ череповъ нѣтъ сильно выдающихся скулъ, а мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ далѣе отстоятъ отъ средней теменной линіи, чѣмъ у монголовъ“ („Arch. für Anthropologie“, 1877, t. X, p. 215). „Курганное населеніе скиѳской эпохи“, говоритъ проф. А. П. Богдановъ, „настолько близко по общеплеменнымъ чертамъ къ курганному населенію другихъ прилегающихъ областей средней Россіи, что съ большою вѣроятностью должно быть отнесено къ одному типу съ ними“ („О могилахъ скиѳо-самартской эпохи въ Полтавской губерніи и о краниологіи скиѳовъ“, стр. 14). Академикъ Стефани, изучая изображенія скиѳовъ на извѣстныхъ художественныхъ вазахъ, открытыхъ въ скиѳскихъ могилахъ, безъ всякой мысли открыть въ нихъ признаки славянской народности, нашелъ слѣдующія черты: „всѣ человѣческія фігуры, помѣщенные на фризѣ серебрянной вазы

(открытой И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ), очевидно, изображаютъ скиеовъ. Передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей; ни у одного изъ нихъ нѣтъ шапки на головѣ; всѣ отличаются густыми, длинно-остриженными волосами, какіе еще и теперь точно такъ же носятъ русскіе крестьяне и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній скиеовъ. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ скиеи представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ широкіе шаровары, которые такъ же, какъ на изображеніяхъ скиеовъ золотой кульобской вазы, заткнуты за сапоги, но, будучи шире и длиннѣе, чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Извѣстно, что такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно прилегающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ казачій кафтанъ — казакинъ“ (Отч. Арх. Ком. за 1864 г., стр. 10, 11, 15, 16).

И. Е. Забѣлинъ, въ его очеркѣ „Древняя Скиеія въ своихъ могилахъ“, представляющемъ сводъ фактовъ, относящихся къ этнографіи древнихъ скиеовъ, добытыхъ раскопками въ южной Россіи до 1876 года, высказываетъ рядъ заключеній не менѣе важныхъ для рѣшенія вопроса, подлежащаго нашему изученію. „Простые глиняные горшки скиескихъ могилъ“, говоритъ г-нъ Забѣлинъ, „имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ простой нашей чашки и доходя до кувшина или малороссійскаго глечика; обыкновенная форма очень сходна съ малороссійскою же макитрою... Скиеи подпоясывались поясомъ, состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, собранныхъ на ремнѣ въ чешую другъ на друга. Переднія полы кафтана кроились косяками, въ родѣ фалдъ; по бокамъ, какъ у русскихъ одеждъ, дѣлались прорѣхи; ские-ская рубашка пряталась по-малороссійски въ широчайшіе шаровары... Изображенія скиескихъ царицъ во многомъ напоминаютъ русскую старину даже XVII вѣка... На скиескихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV вѣку до Р. Хр., мы находимъ форму травчатого узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, очень извѣстную въ нашихъ русскихъ украшеніяхъ на вещахъ и въ рукописяхъ... Любимымъ питейнымъ сосудомъ скиеовъ была братина, очень сходная формою съ нашею древнею братиною, и рогъ, тоже любимый сосудъ славянъ, на нашемъ югѣ, на славянскомъ сѣверѣ и на Балтійскомъ поморьѣ“ („Ист. русской жизни“, т. I, стр. 640, 642, 645, 647, изд. 1876 г.).

В. А. Прохоровъ, бывший профессоръ русскаго искусства въ Петербургской Академіи Художествъ, нѣсколько лѣтъ посвятившій специально собранію и сличенію древностей скиескихъ и славянскихъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „многіе изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ обстановкѣ быта скиеовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни славянъ вообще и въ особенности славяно-руссовъ, даже въ періодѣ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются, или имѣютъ близкое сходство и значеніе. („Матер. по ист. русск. одеждъ“, стр. 7, изд. 1881 г.).

№ 20, къ стр. 44.

Напримѣръ, во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ встрѣчаемъ повѣствованіе о первоначальной osobной жизни полянъ и построеніи города Кіева тремя братьями, Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ. Древность этого сказанія и его принадлежность Нестору не подлежатъ сомнѣнію; смыслъ сказанія понятенъ. Но сказаніе это имѣетъ характеръ сказки. Извѣстіе объ osobной жизни полянъ стоитъ у лѣтописца въ связи съ преданіемъ о трехъ братьяхъ, будто бы жившихъ отдѣльно другъ отъ друга. Изъ содержанія самаго сказанія видно, что ко времени лѣтописца кіевляне уже забыли быть полянъ времени Кія, имя основателя города Кіева и время его основанія. По прилагательному названію Кіева, думали, что этотъ городъ основанъ Кіемъ; но кто былъ Кій и когда онъ жилъ — никто не зналъ. Одни предполагали, что Кій былъ перевозчикомъ, такъ какъ на Днѣпрѣ существовалъ древній перевозъ, называвшійся Кіевымъ перевозомъ; другіе, и между ними лѣтописецъ, — что Кій былъ начальникъ полянъ, князь, такъ какъ существовало преданіе, по которому Кій будто бы ходилъ въ Царьградъ и принималъ тамъ честь отъ какого-то цари; но какъ тѣ, такъ и другіе не могли представить достаточныхъ доказательствъ своего мнѣнія. Византійской исторіи не извѣстно имя Кія, князя кіевскаго. Самъ лѣтописецъ, основывая свое понятіе о княжескомъ достоинствѣ Кія на преданіи о его свиданіи съ греческимъ царемъ, не могъ назвать этого цари и даже опредѣлить время, когда онъ жилъ. Слѣдовательно, рассказъ лѣтописца о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, будто бы жившихъ на osobныхъ горахъ, а потомъ построившихъ общій городъ, названный именемъ старшаго брата, основанъ на преданіи, всегда легко переходящемъ въ сказки. „Можетъ быть“, справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, „что Кій

и братья его никогда не существовали въ самомъ дѣлѣ, и что вымыселъ народный обратилъ названія мѣстъ, не извѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Склавицы, горы Хоревицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ недалеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ, чему находимъ многіе примѣры въ греческихъ и сѣверныхъ повѣствованіяхъ, которыя, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя исторіи и біографіи“ („Исторія гос. рос.“, т. I, стр. 20). Такимъ образомъ, въ самомъ содержаніи лѣтописнаго сказанія объ osobной жизни полянъ находятся основанія къ предположенію, что оно представляетъ собою не описаніе историческаго факта, а фантазію. Съ другой стороны, повѣрка этого сказанія выводами сравнительной этнологіи доказываетъ намъ, что древніе поляне стояли на той степени быта, когда особная жизнь братьевъ невозможна. Слѣдовательно, лѣтописное сказаніе о трехъ братьяхъ полянахъ, живущихъ будто бы на особыхъ мѣстахъ, послужившее въ историко-юридической литературѣ источникомъ многихъ теоретическихъ построеній, представляетъ собою сказку, а не быль.

№ 21, къ стр. 45.

„По распоряженію начальства назначено было доставить въ Керчь отъ 300 до 400 сажени камня для сооруженія казармъ. Камни готовые, отесанные, по обыкновенію тогда добывались изъ кургановъ; о томъ, что этотъ способъ добыванія камня служитъ къ разрушенію историческихъ памятниковъ, тогда и не думали. 19 сентября въ курганѣ Куль-Оба, отыскивая камень, открыли могильный склепъ, котораго входъ былъ тщательно заложенъ. Сдѣлавъ сверху дверей отверстіе, открыватель вошелъ въ склепъ. Вотъ что представилось его глазамъ: подъ балдахиномъ, на возвышенномъ мѣстѣ, въ деревянныхъ саркофагахъ лежали царь и царица. Митра царя была украшена двумя повязками; на его шеѣ находилось шейное кольцо изъ массивнаго золота; много золотыхъ колецъ покрывали его руки; возлѣ него лежало царское оружіе: мечъ съ золотою рукояткою, золотой скипетръ, безцѣнный щитъ изъ массивнаго золота и золотое налучье. Голова царицы была украшена точно такою же митрою, съ превосходными повязками; шея ея была украшена золотыми кольцами и пятью золотыми

медальонами. На обоихъ была одежда, украшенная золотыми бляхами. Царь и царица были окружены множествомъ сосудовъ изъ золота и серебра (въ числѣ ихъ находился одинъ сосудъ, драгоцѣнный по изображеніямъ скиеовъ); здѣсь же лежали: музыкальный инструментъ превосходной работы, съ гравированными фигурами, электрова статуэтки... и т. д. („Сборн. антропол. и этнограф. статей о Россіи“, изд. В. Л. Дашковымъ, кн. I, 1868 г., статья К. К. Герца, Погребальныя обряды грековъ и скиеовъ Босфора Киммерійскаго, стр. 150, 151. Ср. отрывки отчета Дю-Брюкса (открывателя), помѣщенные въ „Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Imperial de l’Ermitage. Ouvrage publié par ordre de S. M. l’Empereur (par F. Gilles). Vol. 1—2. St.-Pétersbourg 1854). Результаты археологическихъ раскопокъ и находокъ въ предѣлахъ древняго босфорскаго царства были издаваемы въ погодныхъ „Отчетахъ Археологической Комиссіи“, а въ концѣ сороковыхъ годовъ были сгруппированы въ изданіи А. Ашина, подъ заглавіемъ: „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами“, чч. I—III, 1848—1849 гг., Одесса. Результаты изслѣдованій Археолог. Комиссіи въ областяхъ Приднѣпровья опубликованы особымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Древности Геродотовой Скиеи, Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ черноморскихъ степяхъ“, вып. I, С.-Пб. 1866 г.; вып. II, С.-Пб. 1872 г. См. еще И. Е. Забѣлина, Ист. русской жизни, ч. I, Прилож.: „Древняя Скиея въ своихъ могилахъ“, 1876 г. Объ археол. находкахъ въ южной Россіи, сдѣланныхъ до открытія раскопокъ Арх. Комиссіи, см. въ соч. графа А. С. Уварова, Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря, С.-Пб. 1851 г.

№ 22, къ стр. 46.

Теорія богослужбнаго значенія городищъ основана въ двадцатыхъ годахъ Адамомъ Чарноцкимъ, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Зоріана-Доленги-Ходаковскаго. Обративъ вниманіе на большое количество сохранившихся городищъ и подчиняясь вліянію Шлѣцеровской теоріи отсутствія городовъ-крѣпостей у славянъ дорюриковской эпохи, Ходаковскій далъ городищамъ слѣдующее объясненіе. „Утверждаютъ“, говоритъ онъ, „что городища должны быть остатками древнихъ городовъ, но уже Шлѣцеръ училъ насъ, что въ Россіи до половины

IX вѣка не было ни одного города, собственно такъ-называемаго... Сии однохарактерныя окопы, всегда имѣющіе входъ съ востока, насыпанные изъ чернозема, однообразной формы, должны быть признаны мѣстами языческаго богослуженія древнихъ славянъ, нашими *lucus*, священными насыпями, ограждавшими посвященныя многобожію мѣста“ (См. „Ж. М. Н. Пр.“ за 1838 г., № 12, стр. 488 и слѣд. „Рус. Ист. Сборникъ“, изд. Погодина, т. I и III, стр. 53; т. IV, стр. 10). Несмотря на неясность теоріи Ходаковского и на несогласіе его описанія городищъ съ фактическими данными, относящимися къ ихъ устройству, эта теорія была принята и пропагандирована Шафарикомъ („Слав. древн.“, I, стр. 372), Срезневскимъ („Зап. Од. Общ. ист. и др.“, т. II, стр. 335; „Свят. и обр. язык. богослуж. славянъ“, стр. 40) и особенно Погодинымъ („Изсл., зам. и лекціи“, II, 40). Въ 1763 году былъ разрытъ въ Новороссіи курганъ, въ которомъ нашли золотую цѣпь, четыре серебряныхъ подсвѣчника, золотую рукоятку отъ кинжала и пр. (См. Миллера, *Ежемѣсячн. Сочин.* 1764 г., стр. 497). По поводу этой находки Шлѣцеръ высказалъ слѣдующее: „Новоруссія есть та земля, чрезъ которую всѣ народы, переселявшіеся изъ Азіи въ Европу, не только проходили, но и останавливались въ ней. Чего еще впередъ не вырочутъ изъ здѣшнихъ кургановъ... но всѣ эти рѣдкости не принадлежатъ туда, гдѣ говорится о первыхъ столѣтіяхъ Россіи“ (Шлѣц. „Несторъ“, I, Введ., стр. ре—ри). Въ 1868 году А. Котляревскій слѣдующими словами формулировалъ господствовавшее со времени Шлѣцера въ литературѣ воззрѣніе по интересующему насъ вопросу: „какъ младшій побѣгъ индо-европейской семьи, славяне шли по торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизації предшественниковъ... Принимая въ соображеніе эти обстоятельства водворенія славянъ въ Европѣ, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцевъ, при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ? Думаемъ, что вообще едва ли“ („О погребальныхъ обрядахъ язык. славянъ“, стр. 160, изд. 1868 г.).

№ 23, къ стр. 47.

Результаты археологическихъ изслѣдованій въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныхъ въ послѣднія дѣсятилѣтія, опубликованы въ „Трудахъ“ археологическихъ съѣздовъ и въ періодическихъ изданіяхъ ученыхъ обществъ. Отдѣльныя изданія общаго характера:

графа А. С. Уварова, Археологія Россіи, Каменный періодъ, 1881 г.; графа А. Бобринскаго, Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы, Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ, 2 тома, изд. 1887 и 1894 гг.; Д. Самоквасова, Основанія хронологической классификаціи могильныхъ древностей, изд. 1892 г. Обзоръ литературы по русской антропологии, этнографіи и археологіи см. въ сочиненіи проф. Штида: *Berichte aus der russischen Literatur über Anthropologie, Ethnographie und Archäologie. Von Ludwig Stieda. „Archiv für Anthropologie“, Band XII. Heft 3 и 4. Separatabdruck. 1880.*

№ 24, къ стр. 48.

Археологъ Кеппенъ, изслѣдовавъ нѣсколько городищъ въ земляхъ западныхъ славянъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Городищъ, каковыя находятъ г. Ходаковскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь градащами называютъ развалины древнихъ замковъ“ („Сѣвер. Архивъ“ 1823 г., № 1, стр. 25). Археологъ Калайдовичъ, осмотрѣвъ 12 городищъ въ Рязанской губерніи, вынесъ убѣжденіе, что „городища представляютъ собою памятники древнихъ городовъ“ („Письма объ арх. изслѣдованіяхъ въ Ряз. губ.“ Калайдовича, № 4 и сл.). Историкъ Вадимъ Пассекъ, осмотрѣвъ до 15 городищъ, лежащихъ въ Харьковской губерніи, по верхнему теченію рѣки Донца, пришелъ къ заключенію, что они „представляютъ собою остатки городовъ Россіи дотатарскаго времени“ („Рус. Ист. Сборн.“ Погодина, т. III, 1838 г., стр. 21; Пассека, Очерки Россіи, кн. II, стр. 197). По изслѣдованіямъ гр. Уварова, „городища служили укрѣпленными мѣстами для самихъ жилищъ обитателей“ („Меряне и ихъ бытъ“, стр. 94). Съ 1871 г. по настоящее время мною осмотрѣны и частью раскопаны около 150 городищъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи; я вынесъ убѣжденіе, что эти памятники представляютъ собою пункты, на которыхъ въ древности стояли города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ селитьбъ. (См. Самоквасова, Древніе города Россіи, стр. 109 и слѣд.).

№ 25, къ стр. 50.

По результатамъ раскопокъ графа Уварова: „городища были населены... вѣрнѣйшимъ признакомъ древнихъ поселеній были группы кургановъ... древнія городища почти всегда находятся вблизи курга-

новъ“ („Меряне и ихъ быть“, стр. 22, 47, 94). Къ тому же заключенію привели и наши изслѣдованія въ предѣлахъ земли древнихъ сѣверянъ и полянъ (губерніи Черниговская, Курская, Полтавская и Кіевская), гдѣ сохранилось болѣе 600 городищъ древнихъ формъ, сопровождаемыхъ языческими кладбищами. Но, сверхъ того, должно замѣтить, что далеко не всѣ городища, не сопровождаемыя въ настоящее время языческими могилами, по времени ихъ происхожденія, относятся къ христіанской эпохѣ. Курганы исчезаютъ во множествѣ отъ различныхъ причинъ, а особенно отъ распадки; мѣстность, прежде изобиловавшая курганами, въ настоящее время можетъ не имѣть ихъ вовсе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстное городище лишается этого признака опредѣленія его древности. (См. рефератъ Д. Самоквасова, Историческое значеніе городищъ, въ „Трудахъ третьяго (кіевского) археологическаго съѣзда“, т. I, стр. 234, изд. 1878 г.).

№ 26, къ стр. 51.

Городища обыкновенно помѣщаются на берегахъ рѣкъ, озеръ и на островахъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе удобныхъ для древнихъ поселеній, а потому многія изъ нихъ были обитаемы въ разныя историческія эпохи, съ глубокой давности и по новѣйшее время; другія были обитаемы только въ данныя историческія эпохи и оставались незаселенными въ послѣдующія. Отсюда, вопросъ о происхожденіи даннаго городища и пространствѣ времени его обитаемости рѣшается только раскопкою его площади и изученіемъ всѣхъ фактовъ, добытыхъ раскопкою. Примѣрами городищъ, запустѣвшихъ въ глубокой давности, въ доисторическое время, могутъ служить: городище, раскопанное въ 1877 году Коперницкимъ и Пржибыславскимъ у деревни Городницы, въ Городенскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Днѣстра, и Юхновское городище, въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, на правомъ берегу Десны. При раскопкѣ перваго изъ нихъ, только въ верхнемъ, распаханномъ слоѣ были встрѣчены предметы новѣйшаго времени (*rozmaite przedmioty nowozytne przeogane z powierzchni*), а ниже этого слоя и до грунта попадались только предметы изъ бронзы, кости, камня и глины: бронзовая шпилька, обломки бронзовыхъ предметовъ, обломокъ бронзовой фибулы, костяныя иглы, выдолбленные обрубки оленьихъ роговъ, шлифованное каменное долотцо, шлифованный каменный топорикъ, обломокъ такого же топорика, обломки

кремневыхъ ножей и другихъ кремневыхъ орудій, обломки глиняныхъ фигурокъ, множество черепковъ глиняной посуды, уголь, пережженные и непережженные кости разныхъ животныхъ („*Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem*“, dr. J. Kopernicki, Kraków 1878, стр. 6—19). При раскопкѣ Юхновскаго городища въ 1873 и 1876 годахъ были найдены только слѣдующіе предметы: четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, бронзовая шпилька, бронзовая буса, обломокъ бронзоваго браслета, оловянная рѣзная бляшка, привѣска изъ морской раковины, костяныя иглы, костяная ручка какого-то орудія, кость, продыравленная по срединѣ и заостренная по концамъ, кирка изъ лосинаго рога, нѣсколько роговыхъ обрубковъ, 7 метательныхъ гранитныхъ камней круглой и кубической формы, глиняные, дырчатые слѣпки разной формы неизвѣстнаго назначенія, 3 пращевыхъ глиняныхъ слѣпка, 18 дырчатыхъ глиняныхъ шариковъ, изъ которыхъ три украшены орнаментами изъ точекъ и черточекъ, обломки каменныхъ орудій, кремневые осколки, черепки грубой глиняной посуды, украшенной орнаментами, состоящими изъ дырочекъ, точекъ и прямыхъ линий, уголь, пережженные и непережженные кости различныхъ животныхъ („*Антропологическая выставка 1879 года*“, т. III, ч. I, вып. 4, изд. 1882 г., рефератъ Д. Самоквасова, *Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи*, стр. 343). Слѣдовательно, Городницкое и Юхновское городища, по времени ихъ происхожденія, относятся къ доисторическому времени, были обитаемы только человѣкомъ доисторическимъ („*W wymienionych dopiero przedmiotach dostateczne i jasne dowody, że grodzisko horodnickie było niewątpliwie siedliskiem ludności przedhistorycznej*“. Kopernickiego, *Poszuk. archeol. w Horodnicy nad Dniestrem*, стр. 14), о которомъ не сохранилось никакихъ литературныхъ или письменныхъ извѣстій, потому что эти городища содержатъ въ себѣ только предметы быта каменно-бронзовой культуры и не включаютъ въ себѣ никакихъ предметовъ культуры человѣка желѣзныхъ эпохъ. Примѣрами городищъ, оставленныхъ своими обитателями въ эпоху желѣзной культуры, но до времени принятія ими христіанства, могутъ служить городища, изслѣдованныя нами въ Курской губерніи, Суджанскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Псѣла, у Бѣлогорской пустыни, въ Путивльскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Клевени, у села Волокитина, и Лариновское городище въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губ., на берегу рѣки Малотечи, въ содержаніи которыхъ не было найдено никакихъ признаковъ христіанства, а открыты

желѣзные, серебряные и бронзовые предметы, совершенно подобныя предметамъ, найденнымъ въ сопровождавшихъ эти городища группахъ языческихъ кургановъ: желѣзные ножи, пряжки, наконечники стрѣлъ, разнаго состава бусы, серебряныя и бронзовыя привѣски, бляхи, кольца и пр. Примѣромъ городищъ, запустѣвшихъ въ христіанскую эпоху, но до времени завоеванія Россіи татарами, можетъ служить городище Кіевской губ., Каневского уѣзда, въ 2 верстахъ отъ села Пекарей, на берегу Днѣпра, извѣстное у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „Княжа гора“. Часть этого городища, подмытая весенними разливами воды, обрушилась въ Днѣпръ, а сохранившаяся часть была раскопана нами до основанія. Здѣсь найдено множество предметовъ, изъ которыхъ самыя новыя относятся къ первой трети XIII вѣка: бронзовыя зеркало, ножикъ, гвоздь, бляхи, пряжка и наконечникъ ноженъ кинжала, много желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, копій, проколокъ, ножей, удокъ, стремянъ, удилъ, пряжекъ и колець, серебряныя браслеты, серьги, бусы, привѣски и цѣпочки, серебряныя рубли кіевскаго типа, золотыя сережки и бляшки, каменный образокъ св. Николая и свинцовая печать митрополита Кирилла II. Примѣромъ городищъ, оставленныхъ обитателями въ татарскую эпоху, служитъ городище Курскаго уѣзда, у села Городища, на берегу рѣки Рати. Здѣсь не было найдено ни одного предмета XVII—XIX столѣтій, но рядомъ съ татарскими монетами, серебряными и бронзовыми крестами и образками XIII—XVI столѣтій, найдены предметы языческой эпохи, совершенно сходныя съ такими же предметами изъ мѣстныхъ кургановъ, расположенныхъ вблизи городища (ножи, пряжки, кольца, браслеты, привѣски, бусы, бляхи и пр.). (См. „Антр. Выст. 1879 г.“, стр. 343—350).

№ 27, къ стр. 55.

См. А. Гаркави, Сказ. мусульм. писателей о славянахъ и руссахъ, стр. 96—101, изд. 1870 г. Въ жертвенной части кургановъ Черной Могилы и Гульбища, раскопанныхъ въ Черниговѣ, открыты сосуды со жжеными костями барановъ и слѣдующіе предметы: бронзовое изображеніе челоуѣка (божка?), сидящаго на корточкахъ, со сложенными на груди руками; два турьихъ рога (кубки), обтянутые серебряными бляхами, съ различными на нихъ изображеніями; три желѣзныхъ шлема съ остроконечными шишаками; три желѣзныхъ кольчуги; желѣзный мечъ съ серебряною рукояткою, украшенною рѣзьбою и камнями;

желѣзные копья и наконечники стрѣлъ; бронзовый щитъ; желѣзныя удила и стремена; двѣ золотыя византійскія монеты конца IX вѣка. Ниже, въ тѣхъ же курганахъ, въ ихъ кострищахъ, открыты: саманидскій диргеми и половина золотой византійской монеты X вѣка; дѣйствию огня и времени слитые въ общую массу: 2 желѣзныхъ меча, 2 копья, пашка или сабля, три ножа, пара стремянъ и дротикъ; фрагменты двухъ бронзовыхъ щитовъ; желѣзные наконечники копій и стрѣлъ; бронзовый наконечникъ ноженъ кинжала; бронзовый набалдашникъ; остатки золотого шитья и холстинныхъ тканей; золотыя, серебряныя, бронзовыя и костяныя пуговицы; серебряныя сережки съ привѣсками; ожерелья изъ стеклянныхъ, каменныхъ и глиняныхъ бусъ; множество серебряныхъ бляхъ различной формы и величины, украшенныхъ позолотой и рѣзбой различныхъ рисунковъ; бронзовыя бляхи различныхъ рисунковъ; бронзовые бубенчики; бронзовыя и желѣзныя пряжки и кольца; костяныя гребенки, украшенныя рѣзбой; игральныя кости; рѣзныя костяныя украшения; желѣзныя удила и стремена; бронзовые, желѣзные и глиняные сосуды; остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами; желѣзные замки и ключи; желѣзные ножи съ костяными ручками; каменные оселки; желѣзныя огнива съ кремнями къ нимъ; желѣзные топоры и долота; желѣзные гвозди; множество мелкихъ золотыхъ, а также мелкихъ и крупныхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и стеклянныхъ слитковъ; обугленные зерна ржи, овса, ячменя и пшеницы; желѣзные серпы; обугленные кости человѣка и разныхъ животныхъ и пр. (См. „Труды третьяго (киевского) археологическаго съѣзда въ Россіи“, стр. 189—194, 209 и слѣд.).

№ 28, къ стр. 56.

Форма, величина, внутреннее устройство и содержаніе курганныхъ кладбищъ съ костяками совершенно одинаковы въ уѣздахъ Черниговскомъ, Новгородѣверскомъ, Стародубскомъ, Переяславскомъ, Курскомъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, занятыхъ славянорусскими племенами въ IX и X столѣтіяхъ. При остовахъ встрѣчаются: у головы: золотыя, серебряныя и бронзовыя сережки; остатки золотыхъ и серебряныхъ лентъ, серебряныя и бронзовыя привѣски въ формѣ полумѣсяца, бусы различнаго состава, мелкія бронзовыя пуговицы; у рукъ: серебряныя и бронзовыя кольца; у пояса: бронзовыя и желѣзныя пряжки и желѣзные ножики. Сверхъ того, встрѣчаются остатки кожаной обуви,

глиняные сосуды, желѣзные кирки и пр. Только одинъ курганъ этого вида, разрытый подѣ Черниговомъ, при впаденіи рѣчки Бѣлоуса въ Десну, заключалъ въ себѣ болѣе богатое содержаніе. Курганъ этотъ былъ господствующимъ въ группѣ могилъ, состоявшей изъ 62 насыпей. Онъ имѣлъ 60 аршинъ въ окружности основанія и 4 аршина отвѣсной высоты. Подѣ нимъ раскрыта могила въ размѣрѣ 3 аршинъ длины и ширины и 4 аршинъ глубины. На днѣ могилы обнаружены человѣческой и лошадиный остовы, погребенные рядомъ и обращенные головами на западъ. При остовахъ найдены: глиняный сосудъ, желѣзный серпъ, шесть бронзовыхъ пуговицъ, четыре бронзовыя рѣзные бляхи, желѣзное огниво и два кремня къ нему; каменный оселокъ и желѣзный ножикъ; желѣзный топоръ; желѣзный наконечникъ копья; желѣзные удила, стремяна и пряжки; остатки двухъ ведеръ съ желѣзными обручами. Перечисленные предметы изъ кургановъ съ костяками совершенно сходны съ такими же предметами, найденными въ курганахъ съ кострищами и праховницами.

№ 29, къ стр. 57.

Примѣромъ кладовъ каменной эпохи можетъ служить находка 1816 года въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ Луганскаго желѣзолитейнаго завода. „Мастеровые Луганскаго завода, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на границѣ земли войска Донскаго, при копаніи канавы, наступили на горшокъ порядочной величины. Надѣясь обрѣсти въ немъ по крайней мѣрѣ сокровища Креза, мастеровые разбили его; но вмѣсто золота нашли въ немъ множество стрѣлъ, ножей, пикъ и пр. — все изъ чистаго кремня, съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвіе; зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ въ лучшихъ англійскихъ пилахъ... По необыкновенной чистотѣ камня, трудной отдѣлкѣ и желанію сохранить сіе сокровище, можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоценностямъ древности, составляли богатство какого-нибудь древнѣйшаго обитателя сей страны“. („Древности, Археологическій Вѣстникъ Моск. Арх. Общ.“, т. I, 1867 г., стр. 29, 30). Подобная же находка была сдѣлана въ началѣ 60-ыхъ годовъ у деревни Гамарни, Каневского уѣзда Кіевской губерніи. Распахивая поле при впаденіи рѣчки Россавы въ рѣку Рось, крестьянинъ задѣлъ плугомъ глиняный сосудъ, имѣвшій форму малороссійской ма-

китры, въ которомъ оказались: нѣсколько десятковъ кремневыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, два каменныхъ топора со сверлинами и каменный молотъ (поступившій въ наше собраніе древностей). Примѣромъ клада предметовъ бронзовой культуры можетъ служить находка 1869 года въ Калишской губ., Ленчицкомъ уѣздѣ, у села Белдова, состоявшая изъ бронзоваго сосуда, бронзоваго меча, бронзовыхъ нашейниковъ и бронзовыхъ браслетъ. Изъ этого клада, открытаго при распашкѣ луга, были доставлены проф. Павинскому сосудъ, мечъ, 3½ нашейника и 22 браслета (хранятся въ собраніи древностей проф. Варш. унив. А. И. Павинскаго). Примѣрами кладовъ скинской эпохи могутъ служить: богатый кладъ золотыхъ украшеній, найденный въ Галиціи и поступившій во владѣніе гр. Пржездецкаго; кладъ Шубинскій, открытый въ окрестностяхъ Кракова, состоявшій изъ 39 монетъ Аѣинъ, Эгины и Ольвіи, относящихся къ IV вѣку до Р. Х.; кладъ, открытый на Таманскомъ городищѣ есауломъ Пуленцовымъ, состоявшій изъ золотыхъ монетъ Пантикапей и Цизики и т. д. (См. D. K. Levesov, Ueber mehre in G. Posen gefundene uralte griech. Münzen, Berlin 1834; А. Ашика, Воспорское царство, ч. II, стр. 17 и слѣд.). Свѣдѣнія о кладахъ сарматской эпохи собраны во II выпускѣ „Исторіи русскаго права“ Д. Самоквасова, стр. 111—144, изд. 1884 г. Свѣдѣнія о кладахъ славянорусской эпохи, открытыхъ до 1846 года, собраны въ соч. П. С. Савельева, Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII—XI вѣка, объясненная историческими свидѣтельствами о торговлѣ сѣверо-востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія русскаго государства. С.-Петербургъ 1846 г. Въ настоящее время Русское Археол. Общество, по инициативѣ А. А. Куника, предприняло пополненіе труда Савельева находками кладовъ съ византійскими и восточными монетами, открытыми въ Россіи за послѣднее сорокалѣтіе (См. „Записки Имп. Рус. Археол. Общ.“, т. II, вып. III, С.-Пб. 1887 г., стр. CLI и слѣд.).

№ 30, къ стр. 62.

Позднѣйшіе памятники русскаго права и современное намъ обычное право русскаго народа разъясняютъ также, что слова Нестора: „древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше... и радимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху... браци не бы-

ваху въ нихъ... си же обычаи творяху кривичи и прочіи поганые“, не должны быть понимаемы буквально, въ томъ смыслѣ, что славянонорускіе племена языческой эпохи жили подобно животнымъ, не зная даже простѣйшей формы человѣческаго общежитія — союза брачнаго или супружескаго. Самъ Несторъ говоритъ, что „радимичи, вятичи, сѣверяне... схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто сѣвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“ (И. С. Р. Л., I, 6), то-есть, славяноноруссы языческой эпохи имѣли брачный союзъ, которымъ отличалась законная жена отъ простой любовницы или наложницы, которымъ отличалось постоянное супружеское сожительство отъ временнаго плотскаго соединенія. Митрополитъ Іоаннъ (XII вѣка) и митрополитъ Кирилль (XIII вѣка) въ своихъ поученіяхъ дѣлаютъ явныя указанія на обряды языческаго брака, не согласныя съ обрядами христіанскаго брака, а потому запрещенныя церковью. Митрополитъ Іоаннъ, въ поученіи черноризцу Якову, осуждая языческіе обычаи, говоритъ: „не бываетъ на простыхъ людяхъ благословенія вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людѣмъ яко именемъ и плесканіемъ“. Митрополитъ Кирилль, въ одномъ изъ своихъ посланій, говоритъ: „се слышахомъ въ предѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти и то проклинати повелѣваемъ“ („Русскія достопамятности“, 1815 г., стр. 101). Древнѣйшія указанія на языческіе способы расторженія брака встрѣчаемъ только у иностранныхъ писателей Герберштейна и Барбарини. Герберштейнъ упоминаетъ о разводныхъ грамотахъ, которыя тщательно скрывались русскимъ народомъ, потому что были противны христіанской религіи („Записки о Московіи“, переводъ Анонимова, изд. 1886 г., стр. 74). Барбарини описываетъ древній обрядъ брачнаго развода, состоявшій въ томъ, что мужъ и жена шли къ проточной водѣ и тамъ, взявши за концы тонкую холстину, переброшенную черезъ рѣчку или ручей, тянули ее, пока не разрывали, а послѣ того расходились и дѣлались свободными. (См. Шпилевскаго, Семейныя власти, стр. 142.).

№ 31, къ стр. 64.

По схемѣ Шлейхера, выраженной въ его знаменитомъ *Compendium*’ѣ, праотецъ индо-европейскихъ языковъ выдѣлилъ изъ себя первоначально двѣ вѣтви: азіатскую или арійскую и европейскую. Съ теченіемъ вре-

мени, азіатская вѣтвь выдѣлила изъ себя языкъ индійскій и языкъ иранскій, распавшіеся на нарѣчія индійскихъ народовъ и нарѣчія народовъ иранскихъ, индо-персидскихъ. Европейская вѣтвь выдѣлила изъ себя языки южно-европейскій, сѣверно-европейскій и западно-европейскій или кельтскій. Съ теченіемъ времени южно-европейскій языкъ распался на нарѣчія греческія и италійскія, а сѣверно-европейскій языкъ выдѣлилъ изъ себя языки германскій, славянскій и литовскій, бывшіе праязыками существующихъ нынѣ нарѣчій германскихъ, олавянскихъ и литовскихъ народовъ. Эту систему Шлейхеръ пояснилъ схематическимъ рисункомъ, представляющимъ собою такъ называемое генеалогическое дерево, составленное изъ нѣсколькихъ линій, выходящихъ изъ одной линіи, угловыя разстоянія между которыми показываютъ различныя степени родства языковъ между собою, а длина ихъ приблизительно эпоху раздѣленія европейскихъ языковъ на обособленныя группы, а группъ на отдѣльные языки. Дополненія къ теоріи Шлейхера см. въ сочиненіяхъ I. Шмидта, *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*, Weimar 1872; А. Лескина, *Die Declination im Slawisch-Litauschen und Germanischen*, 1876.

№ 32, къ стр. 65.

Напримѣръ, понятіе матери выражается:

въ индійскомъ языкѣ	словомъ	mâtr.
„ зендскомъ	„	mata.
„ персидскомъ	„	mader.
„ греческомъ	„	meter.
„ латинскомъ	„	mater.
„ германскомъ	„	mutter.
„ славянскомъ	„	mati.

Понятіе отца выражается:

въ индійскомъ языкѣ	словомъ	pitr.
„ зендскомъ	„	pata.
„ персидскомъ	„	pader.
„ латинскомъ	„	pater.
„ греческомъ	„	pater и atta.
„ германскомъ	„	fader и fater.
„ славянскомъ	„	papa, otec.

Пранародъ-праотець народовъ индо-европейскаго происхожденія уже зналъ металлы (золото, серебро и мѣдь), культурныхъ животныхъ (собаку, барана, козу, свинью, быка и лошадь) и культурныя растенія (гречу и пшеницу); скотъ имѣлъ у него значеніе имущества и предмета мѣны; счетъ онъ вель десятками; умѣлъ плести, ткать, шить, изготовлять искусственныя орудія для добыванія пищи и самозащиты; зналъ семейныя учрежденія и отношенія (что доказываютъ слова съ общими корнями, обозначающія въ новѣйшихъ языкахъ индо-европейскихъ народовъ понятія отца, матери, сына, дочери, брата, сестры, мужа, жены и вдовы). (См. Pictet, *Les origines indo-européennes ou les Arias primitifs*, t. I, 1850; t. II, 1863 an., Paris; Geiger, *Ursprung und Entwicklungsgeschichte der Menschheit*, Stuttgart 1871; Шрадера, *Сравнительное языковѣдніе и первобытная исторія. Лингвистико-историческіе матеріалы для изслѣдованія индо-европейской древности. Переводъ съ нѣмецкаго. С-Пб. 1886 г.*)

№ 33, къ стр. 70.

Требованіе приложенія сравнительнаго метода къ рѣшенію вопросовъ Русской исторіи и исторіи русскаго права впервые поставлено въ нашей ученой литературѣ проф. Каченовскимъ, почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ сочиненія польскаго ученаго В. Мацейевскаго, подъ заглавіемъ: *Historya prawodawstw Słowiańskich*, въ которомъ въ первый разъ была показана возможность и необходимость сравнительнаго изученія исторіи славянскихъ законодательствъ. Послѣ Каченовскаго, проф. Иванишевъ, въ своемъ разсужденіи: „О платѣ за убійство“, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „для объясненія памятниковъ російскаго законодательства необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ славянскихъ и германскихъ народовъ... законодательство каждаго отдѣльнаго народа можетъ быть понято только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ народовъ“. Но въ то время требованіе приложенія сравнительнаго метода къ познанію древней Русской исторіи и исторіи русскаго права не было въ нашей ученой литературѣ общепризнаннымъ. Погодинъ, въ своей „Параллели Русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ“, старался доказать, что въ нашей исторіи и исторіи западныхъ государствъ „нѣтъ рѣшительно никакихъ точекъ соприкосновенія и подобія“ (Изсл., зам. и лекціи, III, 493—397). По ученію

Кавелина: „Россія представляет собою явленіе совершенно исключительное, небывалое даже среди нерусскаго славянскаго міра; въ исторіи Россіи и другихъ государствъ нѣтъ ни одной черты сходной...“ а потому авторъ усматриваетъ ключъ къ правильному взгляду на Русскую исторію „не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ“ (Соч., I, 305—311).

Нерѣдко встрѣчается въ нашей историко-юридической литературѣ и другая крайность: подъ предлогомъ недостатка древнихъ источниковъ знанія русскаго права, изслѣдователи наполняютъ свои сочиненія бесполезными въ научномъ отношеніи сопоставленіями политическихъ учреждений разныхъ народовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ учреждениями русскаго права изучаемой эпохи. Нерѣдко также встрѣчаются въ литературѣ ссылки на историческую аналогію, представляющія собою предположенія, а не факты сравнительной этнологіи. (См. Д. Я. Самоквасова, Изсл. по ист. рус. права, в. I, гл. V, стр. 76, изд. 1896 г.; И. М. Собѣстіанскаго, Круговая порука у славянъ, стр. I и слѣд., изд. 1888 г.)

№ 34, къ стр. 71.

Такъ, напримѣръ, договоры съ греками, лѣтописныя свидѣтельства, факты археологіи, право русскихъ славянъ христіанскаго времени и общеславянская терминологія не даютъ намъ ясныхъ указаній на существованіе у русскихъ славянъ языческой эпохи формы коллективнаго владѣнія землею, поземельной общины, но, съ другой стороны, и не отрицаютъ возможности предположить существованіе у нашихъ предковъ сказанной формы поземельнаго владѣнія. Такимъ образомъ, является вопросъ о существованіи поземельной общины въ эпоху племенныхъ государствъ, не рѣшаемый средствами познанія, непосредственно относящимися къ условіямъ политико-юридической жизни нашихъ предковъ. Вотъ здѣсь и являются на помощь исторіи русскаго права выводы сравнительной этнологіи. Факты исторіи права древнихъ и новыхъ народовъ (собранные Мауреромъ, Морайромъ, Меномъ, Ротеромъ, Нассе, Лавале и другими учеными), доказываютъ, что во всѣхъ странахъ и у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ, жившихъ и живущихъ разрозненными племенными союзами, существуетъ поземельная община съ періодическимъ передѣломъ полей между ея членами. Основываясь

на такомъ выводѣ сравнительной этнологіи, историкъ-юристъ имѣетъ право признать доказаннымъ существованіе поземельной общины у русскихъ славянъ языческой эпохи первыхъ Рюриковичей указаній на учрежденія и нормы права, регулирующія институтъ частной поземельной собственности. Другой примѣръ. Въ повѣствованіи начальной русской лѣтописи не упоминается о существованіи князей у нѣкоторыхъ славянорусскихъ племенъ дорюриковской эпохи, напримѣръ у полочанъ, тиверцевъ, уличей, откуда нѣкоторые историки вывели заключеніе, что такія племена не имѣли князей въ значеніи органовъ общественной власти, а управлялись въ общественныхъ дѣлахъ только народными собраніями. (См. Бѣляева, Русская земля предъ приб. Рюрика въ Новгородъ). Но сравнительная этнологія доказываетъ, что это мнѣніе не можетъ быть принято, потому что нигдѣ не было и нѣтъ племенныхъ общественныхъ союзовъ, управлявшихся или управляемыхъ только народными собраніями. Рядомъ съ народными собраніями, всегда и вездѣ существуютъ выборные или наслѣдственные единоличные органы общественной власти въ значеніи исполнителей рѣшеній народныхъ собраній, военачальниковъ, судей и жрецовъ, въ значеніи князей. Такую же помощь оказываетъ сравнительная этнологія исторіи русскаго права въ рѣшеніи вопросовъ о значеніи въ эпоху племенныхъ государствъ рода, города, вѣча и пр. (См. Д. Я. Самоквасова, Изсл. по ист. рус. права, в. I, гл. VII, изд. 1896 г.)

№ 35, къ стр. 71.

Литература договоровъ:

Krug, Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bizantischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands, 1810 г., стр. 106 и слѣд.

Эверса, Древнѣйшее русское право, переводъ Платонова, кн. I, отд. VII, стр. 133 и слѣд., изд. 1885 г.

М. Погодина, О договорахъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ греками, „Русскій Историч. Сборникъ“, изд. „Обществомъ ист. и древн. рос.“, т. I, кн. IV, стр. 98—137; его же, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, 1846 г, т. I, гл. VI, стр. 113 и слѣд.

Срезневскаго, О договорахъ съ греками, „Извѣстія Имп. Ак. Наукъ“, т. I, стр. 309—326; т. III, стр. 259—295.

Н. Лавровскаго, О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками, С-Пб. 1853.

Сокольскаго, О договорахъ Олега и Игоря (Вступительная лекція), „Кіевскія Универс. Извѣстія“ 1870 г.

Стефановскаго, Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права, Договоры съ греками, „Журналь Мин. Нар. Просв.“ 1873 г., февраль, стр. 276 и слѣд.

Мейчина, Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря, „Юрид. Вѣстникъ“, 1875 г., январь — мартъ.

Сергѣевича, Договоры русскихъ съ греками, „Журналь Мин. Нар. Просв.“ 1882 г., январь; его же, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, Договоры съ греками, стр. 99 и слѣд., изд. 1883 г.

Владимирскаго-Буданова, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, изд. III, 1885 г., стр. 1—25; его же, Обзоръ исторіи русскаго права, вып. I, изд. 1886 г., стр. 65 и слѣд.

Самоквасова, Свидѣтельства современныхъ источниковъ о военныхъ и договорныхъ отношеніяхъ славяноруссовъ къ грекамъ до Владимира Равноапостольнаго. (Рѣчь на торжественномъ актѣ Имп. Варш. Универс. 30-го августа. 1886 г.).

№ 36, къ стр. 72.

Вотъ главнѣйшіе изъ относящихся сюда археологическихъ фактовъ.

Въ 1876 году въ Кіевѣ былъ найденъ кладъ монетъ сыновей Константина Великаго. Профессоръ В. Б. Антоновичъ, сообщившій намъ свѣдѣнія объ этомъ кладѣ, между прочимъ пишетъ, что „находка кіевскаго клада 1876 года правдоподобно объясняется давними торговыми сношеніями съ Византіей“ (См. Самоквасова, Ист. рус. права, вып. II, стр. 137). Въ Днѣпровскихъ порогахъ было найдено нѣсколько сотъ золотыхъ византійскихъ монетъ, изъ которыхъ экземпляры, бывшіе въ рукахъ графа А. С. Уварова, относятся къ VI—X столѣтіямъ. (См. гр. А. С. Уварова, Изслѣдов. о древн. южной Рос., стр. 16). Въ Александровскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу р. Конки, были произведены нами раскопки въ 1884 году, по порученію Императорской Археологической Комиссіи. Здѣсь открыты были восемь могилъ съ остатками сожженныхъ покойниковъ и предметами византійскаго искусства изъ золота, серебра, бронзы и желѣза, украшенными камнями и стекломъ и относящимися къ первымъ столѣтіямъ существованія Константинополя. (Находки въ курганахъ Александровскаго уѣзда 1884 года хранятся въ скиескомъ отдѣлѣ древностей С.-Пб. Императорскаго Эрмитажа).

Въ языческихъ могилахъ Кіевской губерніи, относящихся къ VIII и IX столѣтіямъ, были найдены золотая парча и золотыя шелковыя ткани несомнѣнно византійскаго происхожденія. (См. изданіе В. А. Прохорова, Матеріалы по ист. руск. одеждъ, 1881 г., таблицы за стр. 40 и 86). Въ черниговскихъ курганахъ съ остатками трупосоженія (съ кострищами), раскопанныхъ нами въ 1872 и 1873 годахъ, были найдены золотыя монеты византійскихъ императоровъ второй половины IX и первой половины X столѣтій, вмѣстѣ съ множествомъ предметовъ византійскаго происхожденія, относящихся къ орнаментикѣ костюма. (Монеты и другіе предметы изъ черниговскихъ могилъ языческой эпохи хранятся въ нашемъ собраніи древностей).

№ 37, къ стр. 72.

П. С. Р. Л., I, 7 и 9. О нашествіи скивовъ-россовъ-русовъ на Константинополь при Михаилѣ III изъ византійскихъ писателей-современниковъ событія говорятъ: патріархъ Фотій (Fotii epistolis, ed. Richar. Mont, p. 58. Арх. Пор. Успенскаго: Четыре бесѣды Фотія, 1864), пафлаг. епископъ Никита (въ Житіи патр. Игнатія 878 г. Ragius, ad Baron. Annal., p. 554) и Георгій Амартоль (см. Прибавл. къ П. С. Р. Л., т. I, стр. 242, цитата изъ хронографа Георгія Амартола); а изъ позднѣйшихъ — Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логофеть, Кедринъ и Зонара. (См. Strit., Memor. populorum, t. II, p. 957, 958). Въ проповѣди патр. Фотія, произнесенной въ виду непріятели, осадившаго Константинополь, о причинѣ русскаго нашествія при Михаилѣ III, говорится слѣдующее: „зачѣмъ же ты (народъ Константинополя), плачущій теперь, презрѣлъ копье твоихъ союзниковъ и расторгнулъ союзный договоръ, какъ безчестный человѣкъ“. Во второй проповѣди Фотія, произнесенной по удаленіи непріятели отъ стѣнъ Царьграда, говорится: „эти варвары, россы, несправедливо были обижены умерщвленіемъ ихъ соплеменниковъ и справедливо требовали наказанія, равнаго нашему злодѣянію“. Другой современникъ событія, епископъ Никита, описывая нашествіе руссовъ на Константинополь при Михаилѣ III, говоритъ слѣдующее: „κατ' ἐκείνον γὰρ τὸν καιρὸν τὸ μαιφρονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ρῶς διὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου προσεχωρηκότες τῷ Στέμφ, καὶ πάντα μὲν χωρία, πάντα δὲ μοναστήρια διηλακότες, ἔτι δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιοχίδων κατέδραμον νησίων, σκευὴ μὲν πάντα ληϊζόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρώπους δὲ τοὺς ἀλόντας πάντας ἀποκτείνοντες (Pariусъ, Ad Baron. Annal. ad A. 861, p. 554).

№ 38, къ стр. 72.

Никон. лѣт., ч. I, стр. 12, 16, 21, 22: „О князѣ русемъ Осколдѣ... Возвратишася тщи князи Аскольдъ и Диръ. Василій же... сотвори и мирное устроение съ прежереченными руссы и приложи сихъ на христіанство, и обѣщавшася креститися; и просиша архіерея и посла къ нимъ царь... и вся крестишася“. По свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго (въ Житіи и дѣяніяхъ Василя Македонянина), „императоръ Василій, щедро одаривъ руссовъ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями, склонилъ ихъ къ договору и даже убѣдилъ содѣлаться послѣдователями вѣры Христовой и принять къ себѣ архіерея, назначеннаго патріархомъ“ (Script. Byzant. post-Theofan, p. 211). По поводу тѣхъ же событій, въ окружномъ посланіи патр. Фотія говорится слѣдующее: „не только болгары перемѣнили прежнее нечестіе на вѣру Христову, но и народъ, превосходящій воинственностью всѣ другіе народы, называемый руссами, покорившій окрестныя народы и поднявшій руки свои на самоѣ Римскую имперію, и этотъ народъ перемѣнилъ нынѣ язычество на чистую и правую христіанскую вѣру и, вмѣсто недавняго враждебнаго къ намъ отношенія, послушно заключилъ съ нами дружественный договоръ, и принялъ къ себѣ епископа, пастырей и христіанское богослужение“ (Fotii epist., p. 58. „Разговоры о правосл. между испыт. и увѣр.“, изд. 1833 г., стр. 175). О крещеніи скивовъ-россовъ при Васильѣ Македонянинѣ говорятъ также Симеонъ Логофеть, Кедринъ, Зонара и др. (См. Strit., Memoriae popul., t. II, p. 958—965).

№ 39, къ стр. 74.

Греческихъ лѣтописей отъ первой половины X вѣка не сохранилось. Этотъ періодъ времени составляетъ собою „пустоту, перерывъ въ византійской исторіи“ (См. Шлёцеровскій „Несторъ“, ч. I, стр. 353; ч. II, стр. 756, 761). Но о договорѣ Олега съ греками неоднократно упоминается въ византійской лѣтописи второй половины X вѣка. Такъ, на примѣръ, въ рѣчи пословъ Іоанна Цимискія къ Святославу, приводимой въ исторіи Льва Діакона, говорится слѣдующее: „вѣруя въ Провидѣніе, управляющее вселенною, и исполняя христіанскіе законы, мы не должны разрывать договора, дошедшаго до насъ отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ. Совѣтуемъ вамъ, какъ друзьямъ, немедленно выступить изъ земли, совсѣмъ вамъ не принадлежащей; въ про-

тивномъ случаѣ, вы разорвете древній договоръ нашъ, а не мы... Я думаю, что ты, Святославъ, еще не забылъ отца своего Игоря, который, презрѣвши клятвенный договоръ, съ великимъ войскомъ, на многихъ тысячахъ судовъ, подступилъ къ Царствующему граду...“ *Ἰωάννης δὲ ὁ αὐτοκράτωρ, τὰς τοιαύτας ἀποκρίσεις τοῦ Σκύθου δεξάμενος, καὶ αἰθίς τοῖς προαποστελλέμοις ἀμείβεται τάδε· ἤτιν ἐκ πατέρων ἐς ἡμᾶς διαβᾶσαν εἰρήνην ἀλώβητον καθ' ἣν Θεὸς ἐμεσίτευσεν, οἱ δεῖν οἰόμεθα λείν αἰτοῖ ἅτε πρόνοιαν εἶναι πιστεύοντες τὴν τὸ πᾶν διευθύνουσαν, καὶ τὰ Χριστιανῶν πρεσβέοντες ἔθιμα. διὰ ταῦτα εἰσηγοῦμεθά τε ἡμῖν ὡς φίλοις, καὶ συμβουλείομεν, ἑξαυτῆς ἀπαίρειν τῆς μηδὲν τι προσηκούσης χώρας ἡμῖν, καὶ μὴ διαμέλλειν, μηδ' ἀναδέεσθαι, εἰδότες ὡς εἰ μὴ καταλειθεῖς ταύτῃ τῇ ὀνησιφόρῳ ξυμβολῇ γένοισθε, οἷχ ἡμᾶς, αἰτοῖς δὲ, λείν τὰς ἀνεκαθεν συντεθείσας σπονδάς. καὶ μὴ γε δόξωμεν μεγαλαίχους ταύτας τὰς ἀποκρίσεις ποιεῖν. ἐν Χριστῷ γὰρ θαρσύνομεν τῷ ἀθανάτῳ Θεῷ ὡς, εἰ μὴ τῆς χώρας ἀπέλθοιτε, καὶ ἄκοντες παρ' ἡμῶν ταύτης ἀπελαθῆσεσθε. οἶμαι γάρ σε μὴ κληθέναι τὸ τοῦ σοῦ παῖσμα πατρὸς Ἰγγορος, ὅστε τὰς ἐνόρκους σπονδάς παρὰ φαιλον θέμενος, σὶν μεγάλῳ κινήματι καὶ μυρίοις σκάφεσι κατὰ τῆς βασιλευούσης ἐκλείσας, μόλις σὶν δέκα λέμβοις ἐς τὸν Κιμμέριον ἀφίκετο Βόσπορον, αἰτάγγελος τῶν οἰκείων γεγονῶς συμφορῶν“ (Leonis Diaconi Historiae, lib. VI, cap. 10, Вопнае 1828). Подъ клятвеннымъ договоромъ, нарушеннымъ Игоремъ, и подъ договоромъ предковъ Святослава и Цимисхія византийскій историкъ могъ разумѣть только договоръ Олега. По тексту договора Иоанна Цимисхія со Святославомъ греки обязуются позволять русскимъ привозить въ Византію хлѣбъ и посылаемыхъ туда по торговымъ дѣламъ признавать друзьями по древнему договору: *κατ' ἐμπορίαν πρὸς τὸ Βυζάντιον στελλομένους, καθάπερ ἀνεκαθεν ἔθιμον ἦν*“ (Тамъ же, lib. IX, cap. 10). Подъ древнимъ договоромъ, опредѣлявшимъ признавать друзьями русскихъ гостей въ Константинополѣ, договоръ Иоанна Цимисхія со Святославомъ могъ разумѣть только торговыя постановленія договора Олега 907 года, подтвержденныя договоромъ Игоря 945 года.*

№ 40, къ стр. 76.

„Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на греки, а Игоря оставивъ въ Кіевѣ, поя же множество варягъ, и словенъ, и чуди, и кривичи, и мерю, и поляны, и сѣверъ, и деревляны, и радимичи, и хорваты, и дулебы, и тиверцы, еже суть толкованы, си вси звахуся отъ грекъ Великая Скиѳія.

И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ; и бѣ числомъ кораблѣй 2000. И приде къ Царюграду; и греци замкоша судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ и повеле восемь изволочити корабля на берегъ и воевати около города. И много убійство створи грекомъ; и палаты многи разбиша, а церкви пожгоша; а яже имяху плѣнники, овѣхъ посѣкаху, а другія мучаху, иныя же разстрѣлаху, а другія въ море вметаша; и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратниі творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въ ставити корабля на колеса, и бывшую покосну вѣтру, успяша прѣ съ поля, и идяше къ городу. Видѣвше же грецѣ, убоюшася и ркоша, выславше ко Ольгови: „не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хочещи“. И устави Олегъ вой своя. И вынесоша ему греци изъ града брашно и вино, и не приать его, бѣ бо устроено со отравою. И убоюшася греци и рѣша: „нѣсть се Олегъ, но святыи Дмитрей посланъ отъ Бога на ны“. И заповѣда Олегъ дань дати на 2000 кораблѣй по 12 гривенъ на человѣка, а въ корабли по 40 мужъ. И яшася греци по се. И почаша греци мира просите, дабы не воевалъ грецкой земли. Олегъ же отступивъ мало отъ града, нача миръ творити съ царема греческими съ Леономъ и Александромъ, посла къ нимъ въ градъ Карла, Фарлафа, Велимида, Рулава и Стемида, глаголя имъ: „имѣте ми ся по дань?“ И рѣша греци: „чего хочещи, дамы ти“. „И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблѣй по 12 гривенѣ на ключъ, и потомъ даяти уклады на русскіе города, первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города, по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще. Да приходятъ русь, хлѣбное емлють, елико хотять; и еже придуть гостье, да емлють мѣсячину, на шесть мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы, и оwoщемъ; и да творять имъ мовь, елико хотять; и пойдуть же русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и прѣ, и елико надобѣ“. И яшася греци. И ркоша царя и боярство все: „аще придуть русь безъ купли, да не взимають мѣсячины; да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей. Приходящии русь да витають у святаго Мамы; и послетъ царство наше, да испишють имена ихъ, и тогда возмутъ мѣсячное свое, первое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и Переяславля, и прочіи города; и да входятъ въ городъ одиными вороты, съ царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, не платяче мыта ни въ чемъ же“.

Царь же Леонъ съ Александромъ миръ створиста съ Ольгомъ, имъшеся по дань. И ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужій его на роту по русскому закону: кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, Богомъ своимъ, и Волосомъ, скотыимъ богомъ. И утвердиша миръ. И рече Олегъ: „испійте прѣ паволочиты руси, а словѣномъ кропинные; и бысть тако. И повѣсиша щиты своя въ вратахъ, показующе побѣду, и поиде изъ Царяграда. И въспаша русь прѣ паволочитые, а словѣне кропинные, и раздра я вѣтръ; и ркоша словѣне: „имемся своимъ толстинамъ, не даны суть словѣнамъ прѣ кропинные“. И приде Олегъ Кіеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и всяко узорочье. И прозваша Ольга вѣщій, бяху бо людіе погани и невѣголоси“ (Ср. П. С. Р. Л., т. I, стр. 12; т. VII, стр. 272; т. IX, стр. 18; т. XV, стр. 37; лѣт. по Ипат. сп., стр. 18; лѣт. по Кѣн. сп., стр. 25; лѣтоп. по Ник. сп., акад. изд., стр. 30).

№ 41, къ стр. 76.

„Въ лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построить мира и положить ряды межи греки и русью. И посла глаголя равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра: мы отъ рода русскаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлафъ, Велемидъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемиръ, иже послани отъ Олга, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великимъ о Бозѣ самодержцемъ, царемъ грецкимъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межу христіаны и русью бывшую любовь. Похотѣнемъ нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ руси, наша свѣтлость, болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межу христіаны и русью, многажды право судихомъ, но точію простословесне, и писаніемъ и клятвою твердою кленшеся оружьемъ своимъ такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя: по первому слову, да умиримся съ вами, греки, да любимъ другъ друга...“ (П. С. Р. Л., I, 14; лѣт. по Ипат. сп., 19; лѣт. по Кѣн. сп., 27). Н. А. Лавровскій, предполагая въ лѣтописномъ текстѣ договора переводъ съ несохранившагося греческаго подлинника, слова „равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра“, пере-

водитъ такъ: „копія другой грамоты, находящейся у царей Льва и Александра“. Но этому переводу, противорѣчатъ лѣтописная форма глагола, указывающая на прошедшее, бывшее совѣщаніе, и отсутствіе имени императора Константина, именуемаго въ договорѣ 911 года. По прямому смыслу лѣтописнаго текста, договоръ 911 года только письменно формулировалъ словесное соглашеніе, принятое на предшествовавшемъ совѣщаніи, бывшемъ при тѣхъ же императорахъ Львѣ и Александрѣ, съ которыми Олегъ заключилъ договоръ 907 года, то есть въ то время, когда Константинъ еще не былъ императоромъ.

№ 42, къ стр. 77.

Полный текстъ договора 911 года, съ пояснительными примѣчаниями, напечатанъ по Лавр. списку въ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ Владимирскаго-Буданова (вып. I, стр. 1—9, изд. 1885 г.). Въ переводѣ на русскій языкъ нашего времени, договорныя условія 911 года заключаютъ въ себѣ слѣдующее (Ср. Кѣнигсбергскій сп. стр. 28; Никоновскій, стр. 32; П. С. Р. Л., I, 14; т. XV, 39; лѣт. по Ипат. сп., 19):

„Всего прежде будемъ мирны съ вами, греки, будемъ любить другъ друга отъ всей души и, сколько отъ насъ зависить, не дадимъ обижать васъ никому изъ состоящихъ подъ властью свѣтлыхъ князей нашихъ, но всѣми силами будемъ стараться сохранить навсегда ненарушимо нашу дружбу, утвержденную письмомъ и клятвою. Также и вы, греки, храните такую же дружбу, ненарушимую и вѣчную, ко всѣмъ свѣтлымъ русскимъ князьямъ и ко всѣмъ, состоящимъ подъ властью свѣтлаго нашего князя.

„А объ условіяхъ, относящихся до преступленій, договоримся такъ:

„Если случится несомнѣнное преступленіе и будутъ представлены явныя показанія противъ преступниковъ, а обвиняемая сторона станетъ оправдывать себя клятвою, то на клятву не обращать вниманія, а казнить преступника, глядя по его винѣ.

„Въ томъ случаѣ, если кто убьетъ, христіанина русинъ или христіанинъ русина, то лишается жизни на мѣстѣ совершеннаго убійства. Если убійца убѣжитъ, а будетъ онъ человѣкъ состоятельный, то все принадлежащее ему по закону имущество дѣлается собственностью ближайшаго родственника убитаго; но жена убійцы сохраняетъ имущество,

слѣдующее ей по закону. Скрывшійся несостоятельный убійца считается состоящимъ подъ судомъ пока не найдутъ его и казнятъ смертью.

„Ударившій кого-либо мечомъ или палкою или сосудомъ обязанъ заплатить 5 литръ серебра по закону русскому; а если виновный не имѣеть средствъ, то долженъ заплатить, сколько можетъ, долженъ снять съ себя и то платье, въ которомъ ходитъ, а сверхъ того долженъ присягнуть по своей вѣрѣ, что онъ ни откуда не можетъ получить помощи, и тогда только тяжба къ нему обиженнаго прекращается.

„Если украдетъ русскій у христіанина, а также христіанинъ у русскаго, а пойманъ будетъ воръ во время кражи обокраденнымъ хозяиномъ и станеть защищаться и будетъ убитъ, то смерть его не взыскивается ни христіанами, ни русскими; а напротивъ, потерявшій свое возвращаетъ погубленное. Если же пойманный воръ отдается въ руки обокраденному христіанину безъ сопротивленія, то долженъ быть связанъ, возвращаетъ похищенное и платитъ тройную его цѣну.

„Отнятое посредствомъ явнаго насилія, русномъ у христіанина христіаниномъ у русина, должно возвратить втрое.

„Если греческая лодья будетъ выброшена бурей на русскую землю, то русскіе должны хранить лодью и ея грузъ, отослать ее въ землю христіанскую и проводить до безопаснаго мѣста. Если буря или мели задержать греческую лодью на одномъ мѣстѣ, то русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами до греческаго берега, если таковой случится по близости; если же такая бѣда приключится греческой лодкѣ вблизи русской земли, то ее должно проводить въ русскую землю, продать тамъ грузъ и лодку, а вырученное, по совѣсти, должно препроводить въ Грецію черезъ отправляющихся туда пословъ или купцовъ русскихъ. Если на такой лодкѣ будетъ совершено русскими убійство, насиліе, воровство, то виновные подвергаются наказанію, указанному въ предыдущихъ условіяхъ.

„Если въ той или другой странѣ, русской или греческой, содержится плѣнникъ, грекъ или русскій, проданный въ ту страну, то такой плѣнникъ отпускается на родину, а купившій его получаетъ цѣну, какую самъ заплатилъ, или законную цѣну раба, существующую въ день выкупа. Военноплѣнные также возвращаются на родину, а плѣннившіе ихъ получаютъ сказанную цѣну невольниковъ. Но русскіе плѣнные, получившіе свободу, имѣютъ право остаться на службѣ у греческаго царя, если того пожелаютъ. Русскіе и греческіе плѣнники, приводимые на продажу въ Грецію или въ Русь изъ другихъ странъ, выкупаются по 20 золотыхъ.

„Если русскій невольникъ будетъ украденъ, или убѣжитъ, или по принужденію проданъ будетъ, и это будетъ доказано показаніемъ невольника, то, по жалобѣ русскихъ, невольникъ возвращается. Гости, теряющіе невольниковъ, заявивши о томъ, имѣютъ право разыскивать ихъ и, нашедши, получить обратно, а кто станетъ противиться поискамъ, тотъ признается виновнымъ и уплачиваетъ искъ.

„О русскихъ, работающихъ въ Греціи у христіанскаго царя. Если кто умретъ, не оставивъ распоряженія о своемъ имѣніи, а родныхъ при немъ не будетъ, то наслѣдство пересылается въ Русь, ближайшимъ родственникамъ умершаго; когда же умершій оставилъ завѣщаніе, то наслѣдство передается чрезъ приходящихъ въ Грецію тому, кому назначено завѣщаніемъ.

„О должникахъ. По жалобѣ къ христіанскому царству, преступникъ бѣжавшій изъ Руси, долженъ быть схваченъ и возвращенъ въ Русь. Такъ же поступаютъ и русскіе по отношенію къ грекамъ.

„Для прочности и вѣрности бывшій договоръ между христіанами и русью мы написали теперь Ивановымъ письмомъ на двухъ хартіяхъ, скрѣпили и подписями царя вашего и нашими и утвердили клятвою, съ вашей стороны, честнымъ крестомъ и Св. Троицею единого истиннаго Бога вашего, данною въ нашемъ присутствіи; а мы клялись вашему царю, богомъ поставленному, по закону и по обычаю нашему исполнить ненарушимо договорныя условія дружбы нашей. Эта грамота, согласная съ словеснымъ договоромъ, утверждена и объявлена 2 сентября, въ недѣлю 15, въ 6420 году отъ сотворенія міра“.

№ 43, къ стр. 77.

„Въ лѣто 6449. Иде Игорь на греки; яко послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ русь на Царьградъ, скедій 10 тысящъ... Теофанъ же устрѣте я въ лядехъ со огнемъ, и пушати нача трубами огонь на лодѣ русскія; и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящи пламянь, вметахуса въ воду морскую, хотяще убрести, и тако прочіи възвраташася въ свояси. Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ, и о ладнѣмъ огни, „якоже молонья“, рече, „иже на небесѣхъ, греци имуть у себе, и ею пуцающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ“ (П. С. Р. Л., I, 18, 19). Лодочной греческій огонь, которымъ былъ сожженъ флотъ Игоря, называется въ византійскихъ источникахъ мидійскимъ огнемъ, а его пригото-

ніе содержалось въ Византіи въ глубокой тайнѣ. (См. Макушева, Сказанія иностранцевъ, стр. 26). „Я думаю, говорили послы Цимискія Святославу, ты не забылъ пораженія отца твоего Игоря, который, презрѣвши клятвенный договоръ, дошедшій до насъ отъ предковъ нашихъ, съ безчисленными судами подступилъ къ царственному граду и только съ 10 лодками возвратился въ Босфоръ Киммерійскій“ (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pars XI. Bonnæ 1818. Leo Diaconus. Lib. VI, cap. X, p. 106*). Въ другомъ мѣстѣ Левъ Діаконъ, описывая войну Святослава съ Цимисхіемъ, говоритъ: „когда показались на рѣкѣ Дунаѣ огненосныя римскія лодки, то римляне, видя ихъ, исполнились чрезвычайной радости, а скиѣны, боявшіеся текучаго огня, пришли въ ужасъ, такъ какъ они слышали отъ своихъ стариковъ, что римляне симъ мидійскимъ огнемъ обратили въ пепель безчисленный флотъ Игоря, родителя Святослава“ (Тамъ же, *lib. IX, cap. II, p. 144*).

№ 44, къ стр. 78.

„Въ лѣто 6453. Присла Романъ и Константинъ и Стефанъ слы къ Игореву построити мира перваго; Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужъ своя къ Роману; Романъ же созва бояре и сановники. Приведоша русскія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ, равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ и Константинѣ и Стефанѣ, христіюлюбивыхъ владыкъ. Мы отъ рода русскаго съли и гостье, Иворъ, соль Игоревъ, великаго князя русскаго, и обѣчи сли: Вуефастъ... Синко, Боричъ, послании отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всякаго княжья, и отъ всѣхъ людій русскія земли. И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветхій миръ, пенавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити, отъ многъ лѣтъ утвердити любовь межю греки и русью. И великій князь нашъ Игорь, и бояре его, и люде вси рустіи послаша ны къ Роману и Константину и Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, дондеже сіяеть солнце и весь міръ стоитъ“ (П. С. Р. Л., I, 20; лѣт. по Кѣнигсб. сп., стр. 39; лѣт. по Ипат. сп., стр. 29; Христоматія Владимирскаго-Буданова, вып. I, стр. 10—12).

№ 45, къ стр. 83.

Это событіе въ византійской лѣтописи разсказано подробнѣе*). Полководецъ Никифоръ Фока, воцарившись въ Византіи, съ удивленіемъ узналъ отъ высшаго царедворца о существованіи договора, по которому греки обязаны платить ежегодную дань сосѣднему народу скиѣскаго происхожденія — мизамъ-болгарамъ**). Съ цѣлью освободиться отъ этой дани, Никифоръ предпринялъ походъ противъ мизовъ, но, встрѣтивъ страну гористую и лѣсистую, въ которой всюду „опасность стоитъ на опасности“ и гдѣ греческіе отряды часто подвергались совершенной гибели, императоръ возвратился съ войсками своими въ Константинополь. Здѣсь, почтивъ достоинствомъ патриціа нѣкоего Калокира, Никифоръ „послалъ его къ тавроскиѣамъ, обыкновенно называемымъ россами, съ тѣмъ, чтобы Калокиръ, отдавши имъ тысячу пятьсотъ фунтовъ (15 центенаріевъ) золота, пригласилъ ихъ для войны въ землю мизовъ***).

Но Калокиръ обманулъ довѣріе императора. Пришедши въ Скиѣю, онъ очаровалъ главнаго начальника тавроскиѣовъ Святослава лестными рѣчами и корыстными обѣщаніями и убѣдилъ его предпринять походъ противъ мизовъ, „съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, покоривши мизовъ, удержалъ ихъ страну въ своей власти, а ему, Калокиру, содѣйствовалъ къ восшествію на престолъ Византіи“. Калокиръ обѣщалъ за то Святославу безчисленныя сокровища изъ казны византійской. Подчи-

---

*) О важности лѣтописи Льва Діакона Калойскаго, какъ источника знаній по вопросу объ отношеніяхъ славяноруссовъ къ грекамъ въ X вѣкѣ см. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Вонпае 1827. Pars XI. Praefatio C. V. Hosii, p. XXI.

***) Исторія Льва Діакона, кн. III, гл. 8; кн. IV, гл. V. Удивленіе имп. Никифора объясняется тѣмъ, что въ публичныхъ международныхъ трактатахъ среднихъ вѣковъ обыкновенно умалчивалось о количествѣ дани, какую обязывалось платить одно государство другому. Количество ежегодной дани составляло тайну царей и царедворцевъ.

***) Тамъ же, кн. IV, гл. 6. 15 центенаріевъ золота, по всей вѣроятности, представляли собою количество „укладовъ“ — дани по договору Олега 907 года. Тысяча пятьсотъ фунтовъ золота была очень умѣренная плата за безопасность Византіи со стороны Европы, дававшая византійскимъ императорамъ свободу дѣйствій въ Азій, откуда они получали безчисленныя сокровища. (См. тамъ же, кн. II, гл. 8 и 9; кн. III, гл. 11; кн. IV, гл. 4; кн. V, гл. 1; кн. X, гл. 2 и др.).

нившись этимъ внушеніямъ, Святославъ собралъ шестьдесятъ тысячъ храбраго войска, кромѣ обозныхъ отрядовъ, двинулся на мизовъ и завоевалъ Болгарію*).

Узнавъ объ измѣнѣ Калокира и успѣхахъ оружія Святослава въ Болгаріи, императоръ Никифоръ сталъ готовиться къ войнѣ: собиралъ, обучалъ и вооружалъ войска, строилъ и ставилъ на городскихъ стѣнахъ метательныя орудія; прикрѣпилъ къ Сотенной башнѣ тяжелую желѣзную цѣпь и по столбамъ протянулъ ее черезъ Босфоръ къ Галатской башнѣ, находящейся на противоположномъ берегу**); примирился съ мизами. Но во время этихъ приготовленій императоръ получилъ предсказаніе, по которому чрезъ три мѣсяца ему суждено оставить этотъ міръ. Съ того времени Никифоръ проводилъ жизнь въ смиреніи, оставивъ военные замыслы; а 10 декабря 970 года онъ былъ убитъ въ своемъ дворцѣ, на ночномъ ложѣ, Іоанномъ Цимисхіемъ и его сообщниками. Отрядомъ воиновъ 11 декабря Іоаннъ Цимисхій былъ провозглашенъ римскимъ императоромъ, вмѣстѣ съ сыновьями царствовавшего Романа, Василіемъ и Константиномъ***).

Новый императоръ „всего болѣе тревожился успѣхами русскаго оружія въ Болгаріи“, а потому онъ пытается посредствомъ переговоровъ возобновить договоръ съ руссами и удалить Святослава изъ Болгаріи. Послы Іоанна предложили Святославу „взять обѣщанное Никифоромъ за походъ противъ мизовъ и оставить Мизію, которая по праву принадлежитъ грекамъ, какъ древняя часть Македоніи“****). Святославъ

---

*) Тамъ же, кн. V, гл. 1, 2.

**) Это свидѣтельство объясняетъ значеніе выраженія „и греци замкоша судъ“ въ описаніи похода Олега на грековъ русскимъ лѣтописцемъ.

***) Тамъ же, кн. V, гл. 2—5; кн. VI, гл. I. Изъ русской лѣтописи видно, что Святославъ, по завоеваніи Болгаріи, въ 968 году былъ вызванъ въ Русь для защиты Кіева отъ печенѣговъ, а прогнавъ печенѣговъ, вслѣдствіе болѣзни матери, оставался въ Кіевѣ до ея смерти. Похоронивъ мать, Святославъ, раздѣливъ Русь между своими сыновьями, въ 971 году возвратился въ Болгарію, встрѣтилъ здѣсь новое сопротивленіе болгаръ и вторично побѣдилъ ихъ. „Въ лѣто 6479. Приде Святославъ въ Переяславлецъ, и затворишася болгаре въ градъ. И възвзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху болгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски братья и дружино!“ И къ вечеру одолѣ Святославъ и взя градъ копьемъ“ (П. С. Р. Л., I, 29). Въ это время въ Византіи царствовалъ уже Іоаннъ Цимисхій.

****) Левъ Діаконъ, кн. VI, гл. 8.

отвѣчалъ, что онъ не оставитъ Мизіи, пока греки не заплатятъ ему громадныхъ военныхъ издержекъ и не выкупятъ городовъ и плѣнныхъ, взятыхъ войною. Если императоръ не согласенъ на это, то пусть самъ переселяется въ Азію изъ Европы, ему не принадлежащей, и пусть не мечтаетъ о возобновленіи договора съ тавроскиѳами*). Получивъ такой отвѣтъ, Іоаннъ снарядилъ новое посольство, долженствовавшее указать Святославу на клятвенный договоръ его предковъ; сказать, что, оставаясь въ Болгаріи, Святославъ нарушитъ сказанный договоръ; напомнить Святославу, что его отецъ Игорь, нарушивъ клятвенный союзный договоръ съ греками, потерпѣлъ великое бѣдствіе; наконецъ, предупредить, что, оставаясь въ Болгаріи, Святославъ вооружитъ противъ себя все римское войско, и тогда не миновать ему бѣдствія, а придется погибнуть со всѣми войсками своими въ занятой странѣ. Святославъ отвѣчалъ: передать римскому государю, чтобъ онъ не трудился путешествовать къ намъ; мы сами скоро станемъ лагеремъ подъ стѣнами Византіи. Только по невѣжеству своему императоръ считаетъ возможнымъ устрашить насъ своими угрозами, какъ пугаютъ дѣтей пустыми чучелами**).

Получивъ такой отвѣтъ, императоръ торопливо сталъ готовиться къ войнѣ, чтобъ предупредить движеніе Святослава на Константинополь. Несмотря на зимнее время, немедленно были посланы отряды войскъ въ пограничныя области Болгаріи, подъ предводительствомъ лучшихъ полководцевъ; а весной Іоаннъ лично выступилъ противъ Святослава со всѣми военными силами Византіи. Послѣдовалъ рядъ упорныхъ сраженій грековъ со скиѳами-россами. Сосредоточивъ свои войска у города Преславы, Іоаннъ взялъ его приступомъ. Защитники Преславы, воевода Сфенкель и Калокиръ, бѣжали къ городу Дористолу, гдѣ стоялъ Святославъ со всѣми своими силами***).

По взятіи Преславы, Іоаннъ послалъ къ Святославу нѣсколько плѣнныхъ, съ предложеніемъ прекратить войну и немедленно оставить Бол-

---

*) Отвѣтъ Святослава былъ совершенно справедливъ, такъ какъ до завоеванія Святославомъ Болгарія пользовалась независимостью, и греки платили дань за мирныя отношенія къ болгарамъ. Въ отвѣтъ на неосновательное требованіе Цимисхіа, Святославъ почиталъ себя въ правѣ предложить узурпатору власти византійскаго императора переселиться въ завоеванныя его оружіемъ области Азіи и оставить Европу, не принадлежавшую ему по праву рожденія или военной добычи.

***) Тамъ же, кн. VI, гл. 10.

***) Тамъ же, кн. VI, гл. 11—13, кн. VIII, гл. 1—7.

гарію. Святославъ не отвѣчалъ. Прождавъ нѣсколько дней отвѣта, Іоаннъ со всѣми своими силами двинулся къ Дористолу, взявъ по пути Плискуву, Динею и многіе другіе города, отложившіеся отъ скиевъ и передавшіеся римлянамъ. Подъ стѣнами Дористола послѣдоваль рядъ битвъ, въ которыхъ Святославъ потерялъ двадцать тысячъ воиновъ и главнѣйшихъ своихъ воеводъ-богатырей: храбраго исполина Икмора, перваго полководца послѣ Святослава, и сильнаго великана Сфенкела, занимавшаго третье мѣсто послѣ Святослава*).

На другой день сраженія, въ которомъ былъ убитъ русскій богатырь Икморъ, Святославъ созвалъ лучшихъ мужей своихъ для обсуждения своего положенія. На совѣтѣ одни предлагали: ночью сѣсть тихо на суда и спастись бѣгствомъ, такъ какъ, потерявши первыхъ ратоборцевъ, невозможно продолжать войну; другіе совѣтовали: возобновить клятвенный договоръ съ греками, такъ какъ невозможно сохранить оставшіяся войска тайнымъ бѣгствомъ, въ виду огненосныхъ греческихъ судовъ, стерегущихъ русскіе суда. „Тогда Святославъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: погибнетъ слава, сопутница русскаго оружія, побѣждавшаго безъ труда сосѣдніе народы и безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны**), если мы теперь постыдно уступимъ римлянамъ. И такъ, съ храбростію предковъ нашихъ и съ тою мыслию, что русская сила была донинѣ непобѣдима, сразимся мужественно на жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая спастись бѣгствомъ, но или жить побѣдителями, или, совершивши великіе подвиги, умереть со славою. Тавроскиены рѣшились отдать свою жизнь опасности и сразиться съ римскою силою***).

На другой день войска противниковъ построились къ послѣдней битвѣ. Началось упорное, жестокое сраженіе, долго остававшееся нерѣшеннымъ; но личное вмѣшательство въ битву императора Іоанна и внезапно поднявшаяся буря противъ непріятели, засыпавшая пылью глаза скиевъ, рѣшили битву въ пользу римлянъ. Разбитые скиены

---

*) Тамъ же, кн. VIII, гл. 8—10; кн. IX, гл. 2 и 6.

**) Ср. П. С. Р. Л., I, стр. 10, 27.

***) Тамъ же, гл. 7 и 8. Ободрительная рѣчь Святослава къ его воинамъ выражается въ русской лѣтописи слѣдующими словами: „и рече Святославъ: „уже намъ нѣвамо ся дѣти, волею и неволею стати противу. Да не посраимъ земли русской! но ляжемъ костью, мертвии бо срама не имуть; аще ли побѣгнемъ, срамъ имами убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“. И рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ“ (П. С. Р. Л., I, 30).

бѣжали въ городъ. „Самъ Святославъ, раненый и истекавшій кровью, не остался бы живъ, если бы не спасла его наступившая ночь. Говорятъ, что въ этомъ сраженіи Святославъ потерялъ 15 тысячъ скивоувъ и взято 20 тысячъ щитовъ и множество мечей“ *).

Всю ночь гореваль Святославъ о пораженіи своей рати, но, чувствуя, что уже не можетъ продолжать войну, почиталь своею обязанностию употребить всѣ средства для спасенія уцѣлѣвшихъ его воиновъ. Такимъ образомъ, на другой день послѣдняго сраженія Святославъ шлетъ пословъ къ Іоанну просить мира на слѣдующихъ условіяхъ: „Тавроскиены сдаютъ римлянамъ Дористоль, отпускаютъ плѣнныхъ, оставляютъ Мизию и возвращаются въ свое отечество; а римляне должны дозволить имъ безопасно отплыть, не нападая на нихъ съ огненосными судами; должны снабдить ихъ съѣстными припасами и дозволить привозить къ себѣ хлѣбъ, а посланныхъ для торговли въ Византію принимать какъ союзниковъ, по старому установленію“ **).

„Императоръ охотно приняль предложенныя ему условія, утвердилъ ихъ и распорядился дать каждому по двѣ мѣры хлѣба. Получившихъ хлѣбъ было только 22 тысячи человекъ, оставшихся отъ шестидесяти тысячнаго русскаго войска; слѣдовательно, 38 тысячъ пали отъ римскаго меча. По утвержденіи договора, Святославъ предложилъ свиданіе съ императоромъ для личныхъ переговоровъ. Императоръ приняль предложеніе и въ позлащенномъ вооруженіи, верхомъ на конѣ, приѣхаль къ берегу Дуная, сопровождаемый большимъ отрядомъ всадниковъ, блиставшихъ доспѣхами. Святославъ переѣхаль рѣку на морской лодкѣ и, съ весломъ въ рукахъ, гребъ наравнѣ съ прочими, безъ всякаго различія. Наружность его была такова: средняго росту, густыя брови, голубыя глаза, ровный носъ, бритая борода, густые и длинные волосы на верхней губѣ; голова голая, только съ одной стороны висѣлъ локонъ волосъ, означавшій знатность рода; шея толстая; плечи широкія; весь станъ очень стройный; казался онъ мрачнымъ и суровымъ; въ одномъ ухѣ висѣла и него золотая серьга, съ двумя жемчужинами и рубиномъ посреди ихъ; одежда на немъ бѣлая, ничѣмъ отъ другихъ неотличная, кромѣ чистоты. Такимъ образомъ, поговоривъ нѣсколько съ императоромъ о договорѣ, сидя въ лодкѣ на лавкѣ, онъ переправился назадъ. Такъ кончилась война римлянъ со скивами“ ***).

*) Тамъ же, гл. 8—10.

**) Тамъ же, гл. 10.

***) Тамъ же, гл. 11.

Отдавъ по договору плѣнныхъ, Святославъ отплылъ въ свое отечество; но пащинаки (печенѣги), многочисленный кочевой народъ, нечаянно напали въ пути на Святослава, убили его и перебили сопровождавшихъ его воиновъ, такъ что немногіе изъ нихъ благополучно возвратились подъ родные кривы*).

Въ русской лѣтописи исторія войны и договора Святослава съ Цимисхіемъ сохранилась только въ отрывкахъ, не вполне согласныхъ съ исторіей Льва Діакона въ отношеніи порядка событій и частію ихъ содержанія. Излагая лѣтопись княженія Святослава, Несторъ соединилъ переговоры Цимисхіа со Святославомъ, предшествовавшіе войнѣ, съ переговорами, слѣдовавшими за послѣднюю битвою подъ стѣнами Дориста, а описаніе этой битвы, съ ободрительною рѣчью Святослава, помѣстилъ въ самомъ началѣ войны съ Цимисхіемъ, а не въ концѣ ея**). Съ другой стороны, въ русской лѣтописи сохранилась копія договора Святослава съ Цимисхіемъ 971 года, приведеннаго въ исторіи Льва Діакона только по предложенію (проекту) Святослава.

№ 46, къ стр. 83.

П. С. Р. Л., 31; лѣт. по Ипат. сп., стр. 48; лѣт. по Кѣнигсб. сп., стр. 65; лѣтоп. по Ник. сп., стр. 50. Подлинникъ договора 971 года: „Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, и при Свѣналдѣ, писано при Теофилѣ синкелѣ, къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479: Язь Святославъ, князь русскій, якоже кляхся, и утверждаю на свѣщанѣ семь роту свою. Хочу имѣти миръ и свершену любовь со всякимъ царемъ греческимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, съ боговдохновенными цари, и со всѣми людьми вашими, и иже суть подо мною русь, князи, бояре и вся русь, до скончанія вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашу, ни собираю вои ни языка иного приведу въ страну вашу и елико есть подъ властью греческою, ни на власть корсунскую, и елико городовъ ихъ, ни на страну болгарску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ. Якоже кляхся ко царемъ греческимъ, и со мною бояре и русь вся, да схранимъ правая совѣ-

---

*) Тамъ же, гл. 12.

***) См. П. С. Р. Л., I, 29, 30.

шанія; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченныхъ не сохранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна, и въ Волоса, скотья бога; и да будемъ злати, яко злато, и своимъ оружемъ да изсѣчены будемъ. Се же имѣйте во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ, написахомъ на харатыи сей и своими печатями запечатахомъ“.

№ 47, къ стр. 86.

„За кого принимаютъ византійцы сихъ россовъ (бывшихъ подъ Константинополемъ при Михаилѣ III), не говорятъ они ни слова (?), утверждаетъ Шлѣцеръ, но что они никогда не думали принимать ихъ за поздныхъ россовъ кажется мнѣ отмѣнно вѣроятнымъ; послѣднихъ узнали они только съ пораженія Игорева въ 941 году“ (Шлѣц. „Несторъ“, ч. II, стр. 92). „Россы, осаждавшіе въ 866 году Константинополь, никакъ не могутъ быть Осколдовыми руссами! Первые составляли великій, сильный, завоевательный и давно уже извѣстный народъ, приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря; Осколдъ же и Диръ, хотя бы и не сомнѣвались въ ихъ существованіи, были бѣдные странствующие рыцари“ (Тамъ же, стр. 107). „Сіи россы навѣрное не были настоящіе руссы, за которыхъ и сами византійцы ихъ не считали (?), почему впередъ никогда не надобно упоминать о нихъ въ Русской исторіи“ (Тамъ же, стр. 109).

„Съ основанія государства до 1000-го года, въ теченіе полутораста лѣтъ, многія происшествія сохранились въ преданіи, но безъ хронологіи, ибо какое лѣтосчисленіе могло быть у варяговъ и славянъ-идолопоклонниковъ (?). Но тутъ руссы знакомятся съ Константинополемъ, выучиваются по-гречески и читаютъ византійскія лѣтописи. Въ нихъ находятъ они походъ своего Игоря; его россы были дѣйствительно они. Читаютъ болѣе, встрѣчаются опять съ руссами и естественно думаютъ, что и это они же. При нашествіи послѣднихъ видятъ они даже и годъ, слѣдственно, и имя тогдашняго императора; какъ же радуются они, что при семъ случаѣ можно имъ въ самый первый разъ внести годъ и въ свою отечественную исторію! Императоръ Михаилъ дѣлается для нихъ важнымъ человѣкомъ: при немъ мы, руссы, въ первый разъ показываемся въ исторіи... Такимъ-то образомъ, простое сходство въ названіи, росъ и русъ, обмануло и почтеннаго Нестора, ввело его въ заблужденіе, которое повторяли за нимъ 700 лѣтъ сряду безъ всякаго

разсмотрѣнія“ (?) (Тамъ же, стр. 112—114). Въ настоящее время приведенныя положенія въ специальномъ разборѣ не нуждаются. (См. выше, гл. VI, прил. 36).

№ 48, къ стр. 98.

„Скандинавы или норманны“, говоритъ Шлёцеръ, „основали русскую державу, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но какъ между всѣми русскими, писавшими до сихъ поръ Русскую исторію, нѣтъ ни одного ученаго историка, то не удивительно, что всѣ они, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, также новѣйшій сочинитель краткой исторіи, все еще выдаютъ варяговъ за славянъ, пруссовъ или финновъ, что однакоже 60 лѣтъ тому назадъ Байеръ такъ опровергъ, что никто, могущій понять ученое историческое доказательство, не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться“ („Несторъ“, изд. 1809 г., I, 325). Но, принимая предположеніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ-руси за научно доказанный фактъ, въ то же время Шлёцеръ даетъ слѣдующіе приговоры о методѣ доказательствъ Байера и его познаніяхъ въ Русской исторіи: „если какое-либо слово не имѣетъ съ другимъ словомъ нужной созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какого хочется жестокому словопроизводителю... Непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по-русски, почему и зависѣлъ всегда отъ неискреннихъ переводчиковъ и надѣлалъ важныхъ ошибокъ“ (Тамъ же, т. II, стр. 144; т. I, стр. рм., 419; III, стр. 252, 253). „Всѣ главныя мои сомнѣнія, говоритъ Шлёцеръ, о подлинности Олегова договора относятся и къ Игореву, а частію еще въ высшей степени. Да не смѣетъ никто поправлять этого дерзкими своими догадками, да не рѣшаетъ теперь еще никто важнаго вопроса о подлинности или неподлинности Олегова или Игорева договора съ Царьградомъ, а пусть ожидаютъ прежде всего лучшихъ и древнѣйшихъ списковъ, что сдѣлать обязано Московское Общество. По изданіи оныхъ, пусть оно положитъ награды тѣмъ, которые должны сличать одинъ съ другимъ“ (т.-е. нѣмцамъ, вызваннымъ въ Россію для разработки русскихъ лѣтописей, такъ какъ русскіе ученые, по ученію Шлёцера, не имѣли для того достаточныхъ знаній). („Несторъ“, ч. III, стр. 208—210). Уличенный въ незнаніи византійской исторіи и хронологіи, Шлёцеръ

оправдывается во второмъ изданіи своего „Нестора“ слѣдующимъ образомъ: „перечитавъ все это (относящееся къ договорамъ) снова, на-шелъ я многія разности въ числопоказаніяхъ изъ Византійской исторіи, какъ въ разсужденіи годовъ, мѣсяцевъ и дней, такъ и другихъ существенныхъ историческихъ свѣдѣній. Это не типографскіи и не мои ошибки... Извѣстно всѣмъ, что византійская хронологія и по сію еще пору очень запутана и ненадежна(?). Отъ ученаго человѣка, занимающагося существенною частію исторіи, нельзя требовать, чтобы онъ цѣлые мѣсяцы сидѣлъ надъ повѣркою чиселъ; но для этого есть вѣрное средство, если бы богатые русскіе университеты предложили задачу съ небольшимъ награжденіемъ повѣрить хронологію IX, X и пр. вѣковъ въ Византійской исторіи“ (Тамъ же, стр. 263, 264).

№ 49, къ стр. 98.

Появляется сочиненіе академика Круга: „Критическій опытъ объясненія византійской хронологіи, съ особеннымъ взглядомъ на древнѣйшую исторію Россіи“*), въ которомъ Шлёцеръ объявляется „геніальнымъ германскимъ ученымъ“ и признаются доказанными его теоріи норманства руссовъ и дикости славянъ въ эпоху призванія Рюрика. Но „знаменитый мужъ“, показавшій, какъ должно разрабатывать Русскую исторію, занимаясь великими вопросами Германской исторіи, не имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы надлежащимъ образомъ сличить византійскую хронологію съ русскою, а потому неосновательно заподозрилъ подлинность договоровъ руссовъ съ греками. Кругъ исправляетъ это „недоразумѣніе“. Доказывается, что руссы дѣйствительно ходили въ Константинополь и дѣйствительно заключили съ греками записанные въ русской лѣтописи договоры; но въ то же время признается доказаннымъ наукою германское происхожденіе руссовъ, а слѣдовательно, что договоры содержатъ въ себѣ германское право, а не славянское. Такъ разрѣшено противорѣчіе между теоріею дикости славянъ эпохи Рюрика и Олега и содержаніемъ договоровъ руссовъ съ греками. Договоры выражаютъ экономическія, политическія и юридическія понятія не дикихъ славянскихъ племенъ, а варяговъ-руссовъ-норманновъ-скандинавовъ-германцевъ, призванныхъ славянами и основавшихъ русское государство.

---

*) St. Petersburg 1810 г.

За ученіємъ Байера, Шлёцера и Круга послѣдовали всѣ ученые нѣмецкаго происхожденія, переполнявшіе въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія Петербургскую Академію и русскіе университеты. Ломоносовъ, Щербатовъ, Болтинъ снесли ихъ ученость и убѣжденія въ могилу, а въ молодомъ поколѣніи русскихъ историковъ теоріи Байера, Шлёцера и Круга получили значеніе обязательной науки. Въ Петербургской Академіи и русскихъ университетахъ установилась доктрина, по которой „только Шлёцеръ положилъ русской исторіи надежное основаніе и показалъ, какъ должно критически обрабатывать и употреблять русскія лѣтописи“. Цензура сочиненій по Русской исторіи не пропускала въ печать изслѣдованій, доказывавшихъ ложность доктрины нѣмецкой школы. Были составлены учебники Русской исторіи, въ которыхъ предположенія Байера и Шлёцера излагались, какъ доказанныя наукою истины, и такіе учебники сдѣланы обязательными въ университетскомъ и гимназическомъ преподаваніи. Авторитетъ Шлёцера получилъ въ Россіи такую силу, что даже Карамзинъ, писавшій Русскую исторію подѣ особеннымъ покровительствомъ императора Александра II, долженъ былъ послать первый томъ своей „Исторіи государства Россійскаго“ въ Гёттингенъ, на разсмогрѣніе Шлёцера*).

Подѣ цензурою нѣмецкой школы, Карамзинъ повторилъ за Шлёцеромъ слѣдующія положенія: „Древляне имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаюсь всякою нечистотою. Сѣверяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянамъ...**) Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами нашими. Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ великихъ князей съ греками и во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими***). Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны и мореплаванія...****) Договоръ Олега представляетъ намъ россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій: имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собствен-

---

*) См. „Ист. рус. права“ Д. Самоковсова, в. I, стр. 87 и слѣд., съ соотвѣт. тексту примѣчаніями, изд. 1878 г.

**) „Ист. гос. Рос.“, т. I, стр. 38, изд. 1842 г.

***) Тамъ же, стр. 143, 144.

****) Тамъ же, стр. 145. 146.

ность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣють торговлю внутреннюю и внѣшнюю“ *).

Появляется сочиненіе Эверса о древнѣйшемъ правѣ руссовъ, пользовавшееся у современниковъ такою же „знаменитостію“, какъ „Несторъ“ „Шлёцера“, „Хронологія“ Круга и „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина. Во введеніи къ своему сочиненію Эверсъ высказываетъ, что исторія каждаго народа становится интересною въ научномъ отношеніи только съ того времени, когда первоначальный-родовой-младенческий бытъ дикаго народа смѣняется государственнымъ бытомъ, а такимъ моментомъ въ Россіи было событіе призванія племени руссовъ славянами. Этимъ событіемъ Эверсъ и начинаетъ первое „отдѣленіе“ исторіи русскаго права. Въ этомъ отдѣленіи говорится, что „не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что русское владѣтельное племя было призвано славянами“, а въ послѣдующихъ отдѣленіяхъ исторіи русскаго права славяне уже не встрѣчаются: руссы созидаютъ города, назначаютъ изъ своей среды областныхъ правителей, издаютъ законы, предпринимаютъ походы въ Грецію, заключаютъ договоры, однимъ словомъ, созидаютъ русское государство, русское право, русскую цивилизацію, и въ этомъ твореніи нигдѣ не видно участія славянъ. Въ основаніи всѣхъ разсужденій Эверса о русскомъ государствѣ и русскомъ правѣ лежитъ только „Лѣтопись Нестора“, въ переводѣ и толкованіяхъ „знаменитаго, гениальнаго старца“ Шлёцера, на котораго авторъ ссылается почти на каждой страницѣ. Въ трактатѣ о содержаніи договоровъ руссовъ съ греками (седьмое отдѣленіе), занимающемъ сто страницъ, только разъ упоминается о славянскомъ правѣ: „правило о тройномъ вознагражденіи за насильственное владѣніе чужою собственностью; по его примитивности, можетъ принадлежать какъ русскому исключительно, такъ и древнему славянскому праву“ **). Всѣ остальные постановленія договоровъ руссовъ съ греками, по ученію Эверса, заключаетъ въ себѣ „исключительно русское и частію византійское право“. „Древность постановленія о смертоубійствѣ очевидна; его начало германское, скандинавское, русское, только въ приложеніи и въ побочныхъ обстоятельствахъ измѣненное на основаніи греческаго, болѣе образованнаго права; наказаніе за раны и побои очевидно заимствованы изъ русскаго права; постановленіе объ убійствѣ вора подходитъ ближе къ русскому, нежели

---

*) Тамъ же, стр. 85.

**) „Древнее русское право“, изд. 1835 г., стр. 175.

къ греческому праву“, и т. д.*). Сходство содержанія договоровъ съ „русскимъ-скандинавскимъ-германскимъ“ правомъ доказывается содержаніемъ „Русской Правды“, по ученію Эверса, представляющей собою древнѣйшій кодексъ германскаго права, перенесенный къ славянамъ руссами-германцами**).

№ 50, къ стр. 102.

Такъ, напримѣръ, въ отношеніи постановленій договоровъ объ убійствѣ, проф. Владимирскій-Будановъ говоритъ: „В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что здѣсь „греки назначили за убійство смертную казнь, вовсе не соображаясь съ русскими народными обычаями (т.-е. местию). Убийцу казнили по приговору суда на мѣстѣ совершенія имъ преступленія“. Такимъ образомъ, онъ совершенно отвергаетъ допущеніе мести въ договорахъ съ греками и спрашиваетъ: „кто же осуществляетъ послѣ-судебную месть?“ Текстъ договора отвѣчаетъ: „да убьютъ и“ родственники убитаго. По древне-еврейскому законодательству „смертоубійство злоумышленное наказывается смертью, что совершается родственниками убитаго, которые ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права взять отъ убійцы выкупъ. Судъ надъ преступниками-греками принадлежитъ грекамъ, а убіеніе преступника по приговору этого суда, — русскимъ (родственникамъ убитаго). В. И. Сергѣевичъ говоритъ: „по русскому праву допускается безусловное убійство вора; убійство вора переходитъ у насъ въ месть вору; по греческому условное, это не месть... здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющемъ русскіе нравы“. Но въ „Русской Правдѣ“ говорится слѣдующее: „аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, любо у хлѣва, то той убить; аще ли до свѣта держать, то вести его на дворъ княжъ; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ... По договору Игоря ближніе убитаго должны держать (связаннымъ или въ заключеніи) убійцу для того, чтобъ представить его суду и потомъ уже по приговору суда убить его. Здѣсь месть слѣдуетъ за процессомъ... Мель по древнѣйшей „Русской Правдѣ“ допускалась послѣ суда“ („Христоматія по ист. рус. права“, изд. 1885 г., вып. I, стр. 5, прим. 10; стр. 17, пр. 27; стр. 19, пр. 29; стр. 32, прим. 16).

*) Тамъ же, 159, 165, 170 и др.

**) Тамъ же, стр. 299.

По поводу разсужденія проф. Сергѣевича о греческомъ правѣ въ содержаніи договорныхъ постановленій, относящихся къ воровству и грабежу, проф. Будановъ говоритъ слѣдующее: „В. И. Сергѣевичъ двойное вознагражденіе не признаетъ закономъ русскимъ... Что двойное вознагражденіе могло быть въ обычаѣ у русскихъ, это доказывается литовско-русскимъ правомъ, по которому кромѣ „лица“ (украденной вещи) изъ имущества вора ушлачивается цѣна вещи, при чемъ украденная вещь идетъ въ видѣ штрафа князю, а цѣна вещи хозяину ея. Литовско-русское право, какъ извѣстно, лишь формируетъ обычное право русское“. В. И. Сергѣевичъ не усматриваетъ въ 5-й статьѣ договора Игоря ни наказанія за покушеніе, ни понятія грабежа, и совершенно отождествляетъ ея содержаніе съ содержаніемъ статьи 6-й о кражѣ, но не объясняетъ, зачѣмъ понадобилось договаривающимся говорить объ одномъ и томъ же предметѣ два раза и оба раза назначать наказаніе“ (Тамъ же, стр. 15, пр. 18 и 19).

Digitized by Google

